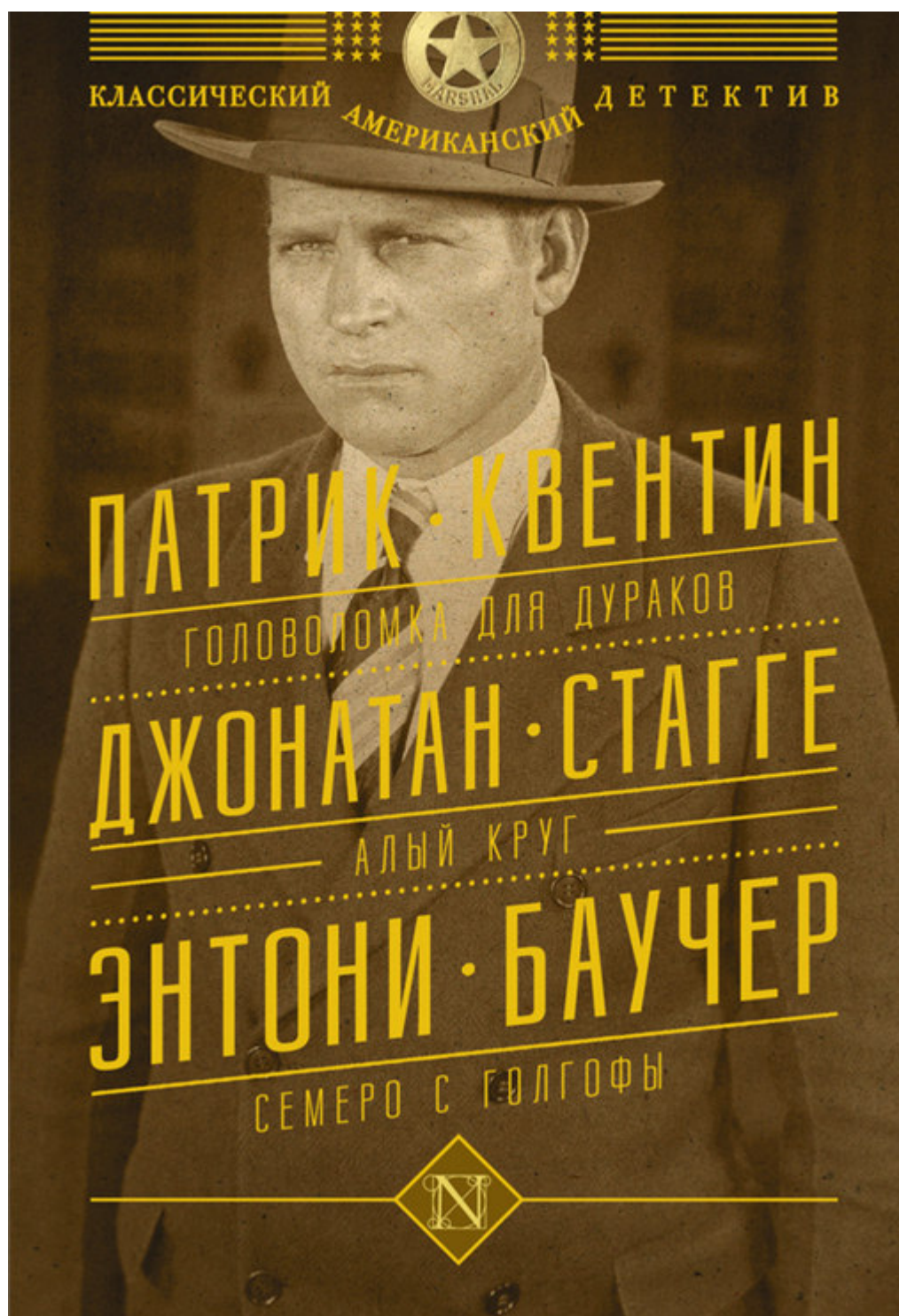

Головоломка для дураков. Алый круг. Семеро с Голгофы
М.: АСТ, 2015

Содержание:

- Патрик Квентин. Головоломка для дураков (роман, перевод И. Моничева), стр. 5-238
- Джонатан Стагге. Алый круг (роман, перевод И. Моничева), стр. 239-468
- Энтони Баучер. Семеро с Голгофы (роман, перевод Н. Анастасьева), стр. 469-670

ПАТРИК·КВЕНТИН

ГОЛОВОЛОМКА ДЛЯ ДУРАКОВ

ДЖОНАТАН·СТАГГЕ

АЛЫЙ КРУГ

ЭНТОНИ·БАУЧЕР

СЕМЕРО С ГОЛГОФЫ

Издательство АСТ
Москва

© Patric Quentin, 1936

© Jonathan Stagge, 1936, 1943

© Anthony Boucher, 1937

© Перевод. И.Л. Моничев, 2015

© Перевод. Н.А. Анастасьев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Энтони Баучер

Семеро с Голгофы

В студенческом городке Калифорнийского университета совершено два загадочных убийства. Жертвами стали преподаватель истории и швейцарец, ездивший с лекционным турне по США. Что заставило преступника выбрать именно их? И что символизируют оставленные на телах таинственные послания? Полицейские теряются в догадках. И тогда за дело берутся профессор санскрита доктор Эшвин и молодой аспирант Мартин Лэм...

Пролог

1. Подготовка к убийству
2. Из наблюдений доктора Эшвина
3. Семеро с голгофы
4. Мартин обвиняет
5. Ватсон в роли Лотарио
6. Избыточное алиби
7. Сцена с удушением
8. Буря в стакане вина
9. Последние семь
10. Правда исполняет стриптиз
11. Голая правда

Эпилог

Персонажи, учреждения и события, описанные в этом романе, являются полностью вымышленными и не имеют никакого отношения к подлинным лицам и положениям – за одним исключением. Этим исключением является доктор Эшвин, который точно списан с реального лица, а имя, которое он носит в книге, представляет собой сделанный им самим перевод на санскрит.

Энтони Баучер

Причастные лица

1. Научные сотрудники Калифорнийского университета

А. Обитатели Международного дома

*Мартин Лэм, специалист в области германистики¹

*Алекс Брюс, специалист в области химии

* Курт Росс, швейцарец

Павел Борицын, белогвардеец

Ричард Уортинг, канадец

Ремиджо Моралес, боливиец

*Мона, его сестра

*Гвадалупе (Лупе) Санчес, мексиканка

Б. Другие ученые

*Синтия Вуд, невеста Брюса

Мэри Робертс

Чак Уизерс

2. Профессура Калифорнийского университета

*Джон Эшвин, доктор наук, профессор санскрита

*Пол Леннокс, кандидат наук, преподаватель истории

*Иван Лешин, кандидат наук, профессор славистики, работающий по обмену

*Татьяна (Таня), его жена

*Джозеф Грисуолд, доктор наук, профессор испанистики

Лоренс Дрексель, режиссер Малого театра

3. Другие

*Сержант Каттинг, сотрудник полиции Беркли

Дэвис, полицейский

Уоррен Блейкли, директор Международного дома

Моррис, гостеприимный филолог

Доктор Эванс, врач Мемориальной больницы

Врач-практикант

Пожилый служащий в «Золотом» («Театральные аксессуары»)

*Хьюго Шедель, доктор наук, дядя Курта Росса и неофициальный посол Швейцарской Республики

¹ Читателя, усматривающего в детективном романе загадку и вызов себе, следует предупредить, что сосредоточиться ему следует исключительно на персонажах, чьи имена отмечены звездочкой; остальные – всего лишь массовка. – *Примеч. авт.*

Пролог

Отменный салат из крабов и две бутылки пива сделали меня, должен признаться, более красноречивым, нежели я бываю обычно. Я занял ту шаткую позицию, когда, исключительно ради желания поспорить, утверждаешь нечто прямо противоположное тому, что думаешь.

– Ватсон, – рассуждал я, – это отработанный материал. Да, у истоков детективного жанра он играл важнейшую роль. Без его содействия неподготовленный читатель никогда бы не уловил сути работы сыщика. Отсюда – потребность в безымянном друге Дюпена и самом Ватсоне. Но сегодня любитель приключенческих романов наподобие, скажем, Беттереджа², – настолько охвачен детективной лихорадкой, что ему, как бы это тебе получше объяснить, Мартин, больше не нужен «простачок», подвизающийся переводчиком при главном герое.

Мартин Лэм отвлекся от созерцания рыбацких лодок, покачивающихся за окном, и ребятишек-японцев, готовых в любую минуту свалиться с пристани.

– Логично, – согласился он. – И тем не менее, писатели все еще изображают их.

– Разве? – усомнился я. – Роджеру Шерингэму, Реджи Форчуну, лорду Питеру Уимзи³ – этим молодым умникам вроде не особенно нужны свои Ватсоны. У Фило Ванса Ван Дайн – всего лишь бессловесная марионетка, повествователь-фантом, недаром продюсеры фильмов даже не называют его имени на экране. Разве можно представить себе фильм, снятый по любому из рассказов о Шерлоке Холмсе, где не было бы Ватсона? А у доктора Торндайка⁴ столько таких Ватсонов, что это все равно, что ни одного нет. Доктор Фелл⁵, этот несравненный пьяница и сквернослов...

– Видишь ли, какая штука, Тони, – перебил меня Мартин, – боюсь, что касается Ватсона, я несколько необъективен. Мне самому пришлось побывать в этой роли, и, льщу себя надеждой, сыграл я ее совсем недурно.

– И когда же это было? – недоверчиво спросил я, почти не сомневаясь, что сейчас мне начнут более или менее туманно морочить голову.

Мартин взял карандаш и принялся что-то чертить на обороте меню.

– Когда, спрашиваешь? Ты был в Беркли, когда убили доктора Шеделя?

Шедель... Имя было знакомо. В памяти замелькали обрывки какой-то запутанной и так и не раскрытой истории.

– Кажется, что-то связанное с Швейцарией? – вымолвил наконец я. – И с ледорубом?

– Швейцария и ледоруб... – Мартин улыбнулся. – Да, поначалу казалось, что к этому сочетанию сводится едва ли не вся проблема. А полиции Беркли и до сих пор так представляется... Тебе о Семерых с Голгофы никогда не приходилось слышать? – вдруг оборвал он себя на полуслове, протягивая мне меню.

Некоторое время я молча разглядывал странный рисунок. Нечто вроде прописной буквы F поверх трех прямоугольников. Я покачал головой:

– Ну что ж, теперь все ясно. Чтобы опровергнуть себя самого, мне придется выступить в роли Ватсона. Валяй, рассказывай, как было дело.

– Для начала, – предложил Мартин, – давай закажем еще крабов и пива. Было бы чистым идиотизмом съесть всего по одному салату из крабов в одном из тех немногих мест в мире, где крабов подают целиком, а не по частям. Потом я начну рассказ, а продолжу его за ужином... ну, скажем, в «Фаворите». Как тебе такой план?

Я охотно согласился. От смешанного запаха рыбы, рыбацких шхун и соленой воды разыгрался такой аппетит, утолить который не так-то просто. Но не меньший аппетит пробудила и беглая

² Герой романа У.Коллинза «Лунный камень».

³ Герои детективных романов Э.Беркли, Г.К.Бейли и Д.Сэйерс.

⁴ Герой детективных романов Э.Фримена.

⁵ Герой романов Д.Д.Карра.

оглядка Мартина на роль доктора Ватсона, каковую ему якобы пришлось сыграть. Вспомнились еще кое-какие подробности дела Шеделя. Приблизительно в то же время в Беркли произошло еще одно убийство – или даже два? Если не ошибаюсь, оба были объединены в одно дело, но расследование ничего не дало.

Принесли салат и пиво. Мартин сделал большой глоток, извлек из соуса крупную клешню краба и углубился в разглядывание зубцов вилки.

– Не знаю, с чего лучше начать, – проговорил он. – Наверное, как изволил бы выразиться Эшвин, *fons et origo*, с самого начала. Ты ведь, конечно, знаешь Эшвина?

– Как-то раз виделся. – А уж его переводов с санскрита кто ж не знает? Панчатантра, драмы Калидаса, пикантные «Десять принцев», величественная Бхагавадгита – поистине ущербной следовало бы считать любую в мире библиотеку, в фондах которой нет переводов Эшвина.

– Ну и хорошо, – продолжал Мартин. – И все же с чего начать? С того дня, когда Эшвин впервые в своей жизни прочитал детективный роман? В этом была бы своя логика. Или с того, когда доктор Шедель открыл для себя радости вечерней прогулки? Или когда я приступил к переводу Хосе Марии Фонсеки? Или – и это было бы, наверное, наиболее логично – с того момента, когда известный бизнесмен с восточного побережья Роберт Р. Вуд решил изменить вероисповедание?

– Довольно, Мартин, – взмолился я, – довольно меня мистифицировать, переходи к сути. Не забывай – ты же не сыщик, не Главный, ты доктор Ватсон.

Мартин сосредоточенно доел салат.

– Ладно, – кивнул он, – начну с самого себя в день убийства. Это позволит ничего не упустить. На сей счет ты можешь быть уверен, обещаю – все будет к месту, ничего лишнего. Образец честной игры. – Мартин сделал еще глоток пива и протянул мне портсигар. И по мере того, как мы насыщали табачным дымом воздух, пропитанный запахом рыбы, он разворачивал историю убийства доктора Хьюго Шеделя, являющуюся одновременно историей из жизни доктора Джона Эшвина, ученого, поэта, переводчика и детектива.

1. Подготовка к убийству

«atha nalopākhyānam. brhadaṣva uvāca».

«Здесь начинается сказание о Нале, говорит Брихадава», – почти автоматически перевел Мартин. Теплого весеннего воздуха, проникающего в аудиторию сквозь открытые окна, было вполне достаточно, чтобы отвлечь его внимание от «Махабхараты».

Доктор Эшвин тяжело поднялся из-за стола и, декламируя вступительную шлоку⁶, начал вышагивать по кабинету. Звучный голос постепенно набирал высоту, что вполне соответствовало как внушительной фигуре чтеца, так и великолепию санскритского стиха.

Мартину искренне хотелось целиком сосредоточиться на переводе. Будучи единственным во всем университете слушателем, впервые приобщающимся в этом учебном году к санскриту, он должен был держать марку. И тем не менее мысли его настойчиво убегали в сторону. Днем предстояла репетиция. Удастся ли ему уговорить Дрексела, чтобы тот заставил Пола изменить интонацию предсмертного монолога? Где кончаются права переводчика и начинаются права режиссера? А тут еще вечерний прием в честь доктора Шеделя. Какого черта он позволил включить себя в комиссию по приему гостей? У него и без того...

– Говоря это, король отпустил лебедя, – перевел он.

– Сказав это, – поправил его Эшвин.

Через полчаса Эшвин отложил текст и сел на место.

– Ну что ж, отлично, мистер Лэм, – резюмировал он. – Как вам первое знакомство со стихотворным эпосом на санскрите?

– Замечательно, – ничуть не кривя душой, откликнулся Мартин. – Удивительная мелодика.

– Во всей мировой литературе, – подхватил Эшвин, – есть только три стихотворных размера, которые даются мне в чтении без малейшего напряжения, – английский свободный стих, гекзаметр у греков и римлян и шлока. – Подобно всем высказываниям Эшвина ex cathedra это прозвучало в высшей степени авторитетно и с полной уверенностью говорящего в своей правоте. И в том же стиле, без малейшей перемены, он осведомился: – Ну что, какие-нибудь интересные детективы вам в последнее время попадались?

Разносторонние интересы доктора Эшвина чаще всего приводили Мартина в некоторое смущение. С необыкновенной легкостью он мог перейти от жесткой критики Вергилия к экстравагантным восхвалениям Огдена Нэша, лучшего, по его мнению, поэта в нынешней американской литературе. Вот и сейчас внезапный скачок от версификационной метрики к детективным романам несколько обескуражил Мартина.

– Интересные – пожалуй, – ответил он, – но хорошими их не назовешь. Чудовищная современная версия «Эдвина Друда», где принцесса Паффер оказывается матерью Джаспера⁷.

– Принцесса Паффер, – оживился Эшвин, – это, в моем представлении, единственная загадка в этом неоконченном романе. Все остальные сюжетные мотивы слишком очевидны, что, естественно, и объясняет столь бурные дискуссии вокруг них.

– Если они так уж очевидны, то почему же люди годами пытаются разгадать эти загадки?

– Повторяю, именно поэтому. Самое очевидное – вот что противостоит нашему тупоумному миру, предпочитающему нечто вполне возможное бесспорной истине. Это самое «вполне возможное» редко бывает полностью ложным; просто оно порождает сомнения. А истина отстоит от ошибки гораздо дальше, чем от сомнения. Миром правит моха⁸. – При этом заявлении прозвучал звонок, и доктор Эшвин поднялся со стула. – Не желаете ли пообедать со мной, мистер Лэм? – спросил он.

⁶ Вступительная шлока – стихотворный размер на санскрите.

⁷ Персонажи неоконченного романа «Тайна Эдвина Друда» Ч.Диккенса.

⁸ Понятие буддизма, означающее приблизительно «невежество», «тупоумие».

С облегчением освободившись от академических обязанностей, они закурили и пошли в сторону благоухающего в весенней зелени университетского городка. По дороге Мартин раскланивался со знакомыми, отмечая на лице каждого выражение легкого удивления, какое неизменно возникало, когда его видели в обществе доктора Эшвина. Они и впрямь представляли собой странную пару. Тридцатилетняя разница в возрасте, полная противоположность во всем, что касается воспитания и взглядов, очевидные расхождения во вкусах – но все это более чем компенсировалось существенным сходством в умонастроении и общей приверженностью к пиву и виски.

Именно о пиве Мартин и думал, минуя ворота Сазер-гейт, ведущие на Телеграф-авеню. Эшвин на секунду замедлил шаг и оглянулся на вход в университетский городок.

– Когда я только здесь появился, – заметил он, – на воротах был фриз с изображением обнаженных атлетов. А поскольку обнаженность эта открывала всеобщему обозрению и фаллосы, добропорядочная публика Беркли потребовала убрать фриз. Но больше всего меня порадовало другое: под этой скульптурной группой, изображающей мужчин, явно изготовившихся к началу состязания, значилось имя автора работы: Джейн К. Сазер.

Ублаженный вкусным обедом и интересной беседой, Мартин вошел в кабинет истории. К счастью, рядом с Синтией Вуд оказалось свободное место, и он его занял. Сидеть поблизости от Синтии всегда считалось большой удачей.

– Привет, Мартин, – улыбнулась она.

– Привет. Как Алекс?

– Откуда мне знать? – Голос ее прозвучал неприветливо и резко.

– Извини, я подумал, может быть, ты виделась с ним за обедом.

– Ну, так ты ошибся.

Несмотря на резкость Синтии, Мартин вполне вольготно чувствовал себя на жестком деревянном стуле и смотрел на нее с явным удовольствием. Одного присутствия Синтии было вполне достаточно, чтобы избавиться от тоски любых учебных занятий. Совсем еще девчонкой Синтия решила, что должна выглядеть иначе, чем другие, и вполне преуспела в этом намерении, почти не прилагая к тому усилий. Естественный рост организма сам по себе способствовал решению задачи куда надежнее любых сторонних средств. Она не пользовалась косметикой, и в результате ее черные ресницы, белые щеки и полные алые губы выглядели значительно более эффектно, нежели тому могли содействовать тушь или губная помада «Макс Фактор». Среди сверстниц лишь ее грудь всегда напоминала Мартину о разрезанном пополам гранате, этом удивительном украшении девушек (в самом широком смысле) из сказок «Тысячи одной ночи»; он почти не сомневался, что, соответственно, пупок ее способен вместить целую унцию притираний. Сказать начистоту, Мартин вплеп эту мысль в одно свое подражание арабскому стиху, которое, к счастью, затерялось в бумажных завалах.

– Слушай, Син, – рассеянно заговорил Мартин, – как это ты умудрилась выбрать этот курс? Славистика – довольно странная область знаний для обеспеченной девушки, собирающейся оправдать свое существование преподаванием английского языка.

Синтия пожала округлыми плечами:

– Трудно сказать. У меня был свободный выбор, и мне показалось, что поучиться у доктора Лешина будет небезынтересно.

– Ну и как?

– Да ничего, – неохотно призналась она. – Но, видишь ли, у меня есть свои причуды. Я предпочла, чтобы мне выставляли оценки на бумаге, а не на простыне.

Мартин сочувственно кивнул. Доктор Иван Лешин, наполовину русский, наполовину чех, был мужчина привлекательный и исполненный решимости использовать эту привлекательность на все сто процентов. Частные уроки, которые он давал на протяжении своей непродолжительной стажировки в университете Беркли в качестве профессора славистики, уже успели сделаться притчей во языцех, притом что у него была очаровательная молодая жена, русская.

– Слушай, какого черта ты меня постоянно спрашиваешь про Алекса? – вдруг вспыхнула Синтия.

– Ну, вы же обычно вместе обедаете. Не понимаю, Син, чего это ты вдруг завелась.
– И не надо звать меня Син.
– Это Пол придумал. По-моему, он решил, что таким образом можно будет сказать: видел картину, красивую, как Син.

– Мне не нравятся выдумки Пола. Да и сам Пол не нравится, – добавила Синтия, невольно подражая Граучо Марксу⁹.

Ничего удивительного, подумал Мартин (в этот момент доктор Лешин вошел в кабинет, и разговор прервался), кому же нравится Пол Леннокс? Откровенный цинизм и безответственность могли оттолкнуть от него любого. А у Мартина были сейчас на то и личные причины, а именно: чудовищная манера, в какой Пол произносит последнюю фразу своего монолога, не говоря уж о невероятно искусственной игре в сцене с удушением. И все-таки Мартин знал Пола получше, чем остальные, и находил в нем какое-то необычное обаяние. Право, он должен больше привлекать Синтию, чем симпатичный, но совершенно безликий химик Алекс Брюс, с которым она обручена. Да обручена ли? Не так-то просто сказать что-либо более или менее определенное об университетских романах.

И пока профессор Пражского университета доктор Лешин разъяснял особенности дефенестрации в 1618 году, мысль Мартина продолжала блуждать вокруг разных предметов, от любовных интриг до «Тайны Эдвина Друда». Загадочное, между прочим, слово – дефенестрация. За ним должно скрываться нечто более волнующее, нежели выбрасывание королевской челяди в окно – в кучу мусора. Доктор Лешин тоже был мыслями явно где-то далеко. Судя по блеску черных глаз, его более занимал вечерний частный урок (интересно, как проводит вечера миссис Лешин, подумалось Мартину), нежели предмет дневной лекции.

Когда она закончилась, Мартин почувствовал облегчение. Впереди был часок отдыха посреди утомительно тяжелого дня. Он нашел укромный солнечный уголок и растянулся на траве, размышляя о разных персонажах в истории.

– Наверное, надо бы мне родиться каким-нибудь Брантомом¹⁰, – бормотал он, – либо по меньшей мере Уинчеллом¹¹. Каким-то образом я умудряюсь больше знать о проблемах других людей, не в пример собственным. Син и Алекс... Лешины... Курт и Лупе... Пол в своем одиноком величии... – Так разглагольствовала сама с собой его пророческая душа, выстраивая в определенном порядке ключевые фигуры надвигающейся трагедии – все, кроме одной, и эта одна уже была помечена знаком смерти.

Он пребывал в полудреме, когда часы на ближайшей гостинице пробили три. Выругавшись про себя, Мартин поднялся и побрел в репетиционный зал. Начало репетиции задерживалось. Участники спектакля слонялись с тем напряженным выражением лица, что свойственно актерам-любителям, не уверенным в том, что они твердо заучили слова своей роли. Мартин-то был убежден, что точно не заучили.

Пол Леннокс сидел в одиночестве посреди зала, пытаясь раскурить на редкость неподатливую трубку. Случай едва ли не исключительный – преподаватель истории становится участником студенческого спектакля, однако же Мартин как переводчик пьесы сумел убедить режиссера послушать чтение Пола. И вот в волнующем звучании белого стиха, каким Мартин передал строки Фонсеки, предстал новый Пол Леннокс: рыцарь XVI века. Его сценическая подготовка была весьма поверхностной (отсюда столь раздражающие Мартина оплошности), но характер Дон Жуана он прочувствовал на удивление точно.

Мартин подошел к нему как раз в тот момент, когда трубка наконец разгорелась.

– Привет, – поздоровался Пол, поднимая голову. – Дрексел опять опаздывает.
– Пусть бы вообще не пришел. Лучше бы эту репетицию отменили. Мне еще надо переодеться к ужину.

– В каком смысле «переодеться»? Фрак и все прочее?

⁹ Маркс, Граучо (1890–1977) – знаменитый американский комедийный актер.

¹⁰ Брантом, Пьер де Бурдей (1540–1614) – хронист придворных нравов времен Екатерины Медичи.

¹¹ Уинчелл, Пол – американский актер и телеведущий, прославившийся сеансами чревоущевания.

– Не совсем, – с облегчением ответил Мартин. – Сойдет и смокинг. Званный ужин в честь этого швейцарского посланника или как его там, ну, ты знаешь, дядя Курта Росса.

– Да, я слышал вроде, что в Международном доме встречаются какую-то шишку, но не знал, что это связано с Куртом. Может, потому он так и нервничает.

– Кто, Курт?

– Ну да. Ходит по университету с таким видом, будто собирается совершить важнейший шаг в жизни, что-нибудь этакое. А как зовут его дядю? Росс?

– Нет, Шедель, по-моему. Доктор Хьюго Шедель.

Так Пол Леннокс впервые услышал имя человека, которого он никогда не увидит, но чья судьба так тесно свяжется с его собственной.

Надежды Мартина пошли прахом. Репетицию не отменили. Она началась с опозданием и закончилась позже обычного. В результате он не поспевал в Международный дом и вынужден был переодеваться в нервной спешке. Едва Мартин с ловкостью, какой позавидовал бы сам Гарри Гудини, застегнул на рубашке вторую, особенно трудную запонку, как в дверь постучали.

– Кто там? – откликнулся он.

– Это Курт. Ты еще не готов?

– Сейчас, одну минуту. Заходи.

Пол был прав, подумал Мартин, глядя на Курта Росса. Что-то с ним не так. Рослый молодой блондин-швейцарец выглядел примерно так, как мальчишка-спартанец, у которого лиса добралась до самых мясистых частей тела. Того и гляди ее хищная пасть появится из-под жилета примерно в том месте, где болтается на цепочке ключ – символ принадлежности к братству «Фи Бета Каппа».

– Присаживайся, я вот-вот. Сигареты рядом с машинкой.

Курт уселся в удобное кресло и закурил. Кажется, сигаретный дым несколько умерил боль от лисьих укусов.

– Как там Лупе? – рассеянно поинтересовался Мартин, надевая подтяжки.

– Все нормально, а что? – неожиданно резко откликнулся Курт так, словно лиса только что обнаружила еще один, более чувствительный объект атаки.

Вот черт, подумал Мартин, неужели нельзя задать самый невинный вопрос, чтобы на тебя не рычали? Сначала Син, теперь вот Курт.

– Да ничего, просто спросил. В конце концов...

– Говорю же, с ней все в порядке. – В минуты раздражения акцент Курта, обычно почти неразличимый, становился сильнее.

– Ну и слава богу. – Мартин продолжал одеваться в молчании. А что скажешь, когда ты просто хотел хоть с чего-то начать разговор, но тебя так грубо обрывают? Надо надеяться, с Лупе Санчес действительно все в порядке. Международный дом – занятное местечко, под его крышей собрался целый интернационал, разбавленный немногими коренными американцами вроде Пола Леннокса, Алекса Брюса и его самого, Мартина. И если даже высокие идеалы его основателя – идеалы укрепления международного братства – осуществились не вполне, то по крайней мере в этом доме завязалось несколько любопытных межрасовых романов. Самая странная и, быть может, самая, с точки зрения Мартина, привлекательная из таких пар – швейцарец Курт и мексиканка Лупе. Жаль будет, если она почему-нибудь распадется.

Тщательно пригладив волосы, Мартин надел пиджак и встал перед зеркалом. Сойдет, решил он. Быть может, и не образец вечернего одевания члена комитета по приему почетного гостя, но в целом неплохо. Отходя от зеркала, Мартин услышал вопрос Курта:

– Что, знак наш не надеваешь?

– Да ну его к черту. Портсигар не перебросишь? Спасибо. Нет, не хочу украшать грудь этой уродливой загогулиной. Будь эта штука хоть сколько-нибудь приличных размеров, что ж, тогда, может быть, но так... – Он до конца набил портсигар и защелкнул его.

– Это было бы знаком вежливости по отношению к нашему почетному гостю.

– Выставиться перед дядюшкой Хьюго? Показать ему, какой у нас замечательный комитет?

– Дело не в том, что он мой дядя. Просто знак того...

– Ладно. – Легче нацепить на себя эту хреновину, чем спорить с Куртом. Мартин прикрепил ключ к цепочке от часов и направился к двери. Курт встал, и на полу что-то звякнуло.

– Так тебе и надо, – рассмеялся Мартин. – Не будешь учить меня.

Раздираемый внутренними страданиями, Курт выдавил из себя улыбку смущения.

– Да, этот ключик частенько падает, – признался он. – Надо бы в кольцо его вдеть.

По дороге к небольшой столовой, избранной для торжественной встречи доктора Шеделя, Мартина все большее охватывало чувство неловкости. Другие члены комитета были уже на месте – тихий молодой китаец в очках; русский аристократ-белогвардеец, так и не примирившийся с мыслью, что ему приходится участвовать в делах Национальной студенческой лиги, ибо где-то он слышал, что там окажутся и другие русские; смуглолицый боливиец, который, будучи назначен в комитет, включавший двоих парагвайцев, начал представлять собою серьезную угрозу миру и покою в Международном доме; канадец, которого с самого начала так часто принимали за американца, что он усвоил чудовищную манеру говорить в стиле дикторов Би-би-си; и, наконец, молодой еврей из Франции, нервно поглядывавший на Курта, которому каким-то образом удавалось выглядеть как настоящий ариец, чтобы мсье Бернштейн мог чувствовать себя спокойно.

Мартин обменялся куревом с Борицыным – сегодня тот принес с собой папиросы. По таким случаям, как нынешний, Международный дом требовал от постояльцев как можно точнее соответствовать своим национальным традициям.

– Видно, вам не очень-то удобно в этом формальном одеянии, мистер Лэм, – заметил русский аристократ.

Мартин был вынужден признать правоту собеседника.

– А я только рад, что ужин у нас сегодня официальный, – продолжал Борицын. – Иначе бы меня наверняка заставили прийти в кафтане, который я в жизни не надевал до тех пор, пока не оказался в Международном доме. Уверяю вас, моей матери-княгине стоило немалых усилий его раздобыть.

– Да, – заметил подошедший к ним боливиец, – помню, как Лупе Санчес и моя сестра пели на одном воскресном ужине. Им пришлось весь Сан-Франциско обегать, чтобы найти платье достаточно характерное для того, чтобы члены комитета почувствовали себя удовлетворенными.

– К слову, – вставил Мартин, – как там мисс Санчес?

– Сестра сказала, неважно. Сегодня она рано ушла к себе. Сестра беспокоится.

– И совершенно напрасно. – Выросший за спиной боливица Курт посмотрел на него с откровенной злостью. – Уверяю вас, Моралес, она чувствует себя вполне нормально. Вернее, будет чувствовать. Когда прием останется позади.

В этот момент вошел директор Международного дома мистер Блейкли, за которым следовал доктор Шедель. Мартин принялся с любопытством разглядывать неофициального швейцарского представителя. Если, как говорит Курт, его турне предпринято в интересах всеобщего мира, то лучшей кандидатуры для выполнения этой миссии не придумаешь, – во всяком случае, если судить по внешности. Совершенно непохожий на своего молодого племянника Зигфрида, он напоминал тихого монаха, чьи интересы не простираются за пределы монастырского сада, требника и бедного люда. Роста он был среднего, но благодаря исходявшей от него благодати казался странным образом маленьким. Черты лица заостренные, но их смягчало доброе выражение глаз. Он с улыбкой вытерпел церемонию представлений, проведенную мистером Блейкли в ротарианском духе, однако ни слова не произнес, разве что вежливо повторял имена хозяев. Затем возникла неловкая пауза – так, словно ни почетный гость, ни члены комитета не знали, кому первым начинать разговор, – вслед за которой все по сигналу мистера Блейкли пришли в движение и устремились к столу.

Ужин получился пышным, но, в немалой степени ввиду отсутствия спиртного, скучным. Мартин сидел между Борицыным и Уортингом, слушая попеременно негодующие жалобы на Советы со стороны русского и англофильские разглагольствования канадца. При этом он считал, что ему еще повезло в сравнении с доктором Шеделем – тому приходилось сохранять вежливую улыбку, пока окружающие пространно рассуждали о международном братстве, воплощением коего является этот Дом. Судя по всему, его английский был не чрезмерно хорош, но оно, на вкус Мартина, только к лучшему.

Наконец покончили с десертом, и у Мартина появилась возможность спокойно выпить чашку кофе и выкурить сигарету. Мистер Блейкли поднялся с места и разразился речью, для которой его застольный монолог, обращенный к Шеделю, явно оказался лишь репетицией; закончил он здравицей в честь «этого достойного ученого и человека, посвятившего жизнь делу, которое, можно с уверенностью сказать, есть важнейшее для всего человечества, а в нынешние беспокойные времена для нас, американцев, прежде всего (Мартин внутренне поморщился) – делу укрепления Всеобщего мира» (за сим последовало пятиминутное отступление, после которого оратор подвел итог сказанному). «Друзья Международного дома, мне не хватит слов, дабы воздать должное этому человеку. Да и, чем меньше о нем будет сказано, тем лучше» (при этом столь характерном для Блейкли неуклюжем повороте Мартин с трудом удержался от ухмылки). «Господа, доктор Хьюго Шедель».

Доктор Шедель говорил негромко и с сильным акцентом.

– Господа, – начал он, – я на языке вашем с большим трудом говорю. Мой племянник сказать мне, что среди гостей есть, кто может мне переводить. Herr Lamb, möchten Sie vielleicht übersetzen was ich auf Deutsch sage?

– Sehr gerne, Herr Doktor, – откликнулся Мартин.

– Besten Dank, mein Freund. Also...¹²

Доктор Шедель выдержал небольшую паузу и начал импровизированную речь – с остановками, чтобы дать Мартину возможность перевести сказанное.

Это была простая, откровенная беседа, призыв к человечеству, представленному здесь выходцами их разных стран, позабыть о своей злой природе и открыть шлюзы добру. В какой-то момент, развивая тезис, оратор ударился в некоторую мистику и заговорил о власти Черного и Белого, которые правят миром. Черное, сказал он, воздает злу, но сами награды тоже являются злом; Белое же воздает добру средствами добра. Поэтому нам следует абстрагироваться от Зла, ибо только таким способом мы сможем добиться воздания Добра. Я знаю, что это дурное христианство, – добавил он, – но ведь оно и адресовано дурным христианам.

Шедель закончил выступление, и в зале воцарилось молчание. Известная часть внутреннего добра, содержащегося в его мысли и личности, дошла до аудитории. Затем мистер Блейкли поблагодарил доктора Шеделя, и напряжение спало.

Члены комитета потянулись к выходу. К Мартину подошел Курт.

– Очень любезно с твоей стороны, что согласился помочь дяде, – сказал он. – У него большие трудности с английским, а я нынче вечером не в форме...

– Да я только рад, – не дал ему договорить Мартин. – Это ведь родной язык дьявола, наверняка в седьмом кругу Ада только на нем и говорят. Передай, пожалуйста, дяде, что я всегда к его услугам.

– Непременно. Спасибо, Мартин. – Курт отошел. Мартин увидел, как он берет доктора Шеделя за рукав и отводит его от мистера Блейкли. – Darf ich einen Augenblick mit dir sprechen? – услышал он слова Курта.

– Später, Kurt. Sagen wir um halb zehn bei mir¹³, – ответил герр Шедель.

Передал ли Курт в ходе этого, назначенного на половину десятого разговора, предложение о помощи, Мартину узнать было не суждено. И, уж конечно, ни швейцарский посланец, ни сам Мартин даже вообразить в тот момент не могли, какую форму примет эта помощь.

Избавившись от смокинга и уютно облачившись в домашний халат, Мартин провел спокойный вечер, обдумывая исключительно запутанную ситуацию, связанную с доказательством алиби. К половине одиннадцатого он дошел до эпизода, в котором детектив говорит своему помощнику: «Теперь в вашем распоряжении все факты. Посмотрим, придете ли вы к тем же выводам, что и я». Такого рода вызовы всегда подстегивали Мартина. Он отложил книгу, закурил сигарету и откинулся на спинку кресла, исполненный решимости опровергнуть аргументы в пользу алиби.

¹² – Герр Лэм, не могли бы вы перевести то, что я скажу по-немецки?

– Охотно, герр доктор.

– Большое спасибо, друг мой. Итак... (нем.)

¹³ – Можно тебя на минуту?

– Попозже, Курт. Скажем, в половине десятого у меня в номере. (нем.)

В какой-то момент он в раздражении оборвал ход своих размышлений. Какого черта сочинители романов почти всегда исходят из того, что человек, оказавшийся на сцене, даже в любительском спектакле Оксфордского университета, должен ipso facto¹⁴ быть в состоянии разгуливать по улицам, убедительно выдавая себя за кого-то другого? Если исходить из того, что знает об актерах, особенно актерах-любителях, он, Мартин, а еще более из того, что ему известно об особенностях гримировки, предположение это представляется совершенно абсурдным.

– Войдите, – откликнулся Мартин на стук в дверь.

Это оказался Пол Леннокс, живший в соседней с ним комнате. Трубка во рту, на ногах шлепанцы – он являл собой воплощение академического покоя. Никто бы не угадал в этом невозмутимом мужчине страстного испанского любовника, каким он предстал на дневной репетиции.

– Тут мне из музыкальной библиотеки в Сан-Франциско прислали несколько новых пластинок, ну, я и подумал – ты, возможно, захочешь послушать.

– Отлично. – Мартин встал с кресла. – Я пытаюсь разрушить одно безупречное на вид алиби и, честно говоря, устал.

– Ты – что делаешь?

– Разрушаю алиби убийцы. Ты и представить себе не можешь, каким оно может быть хитроумным. Так что за пластинки?

– Альбом Общества Хуго Вольфа. Вокал Кипниса и Элизабет Ретберг.

– Отлично.

Таким образом Мартин провел полчаса у Пола, слушая музыку и перебрасываясь с соседом случайными замечаниями. Громоздкий электрофонограф казался особенно большим в этой маленькой комнате, но отличное звучание явно компенсировало Полу возможные неудобства. Дослушав последнюю пластинку, Пол заметил:

– Знаешь, Мартин, эта твоя пьеса натолкнула меня на одну интересную мысль. Захотелось написать работу на тему о возможных исторических источниках легенды о Дон Жуане. Может получиться публикация, а это всегда повышает академический статус.

– А что, есть новый материал? – спросил Мартин.

– Пока только пара предположений, из которых может что-нибудь вырасти. И вот что... ты не против взглянуть на мои наброски? Мне кажется, они могут тебя заинтересовать. Они, правда, сделаны от руки, но если ты дашь мне четверть часа – перепечатаю.

– Не стоит беспокоиться.

– Да что ты, какое беспокойство? Разве что тебе спать хочется. Меня-то музыка всегда подстегивает, могу всю ночь проговорить.

– Ладно, идет, – согласился Мартин. – У меня там немного бурбона в заначке есть, от горничной спрятал, так что действительно можем целую ночь говорить о Дон Жуане.

– К тому же рано еще. – Пол посмотрел на часы. – Всего четверть двенадцатого.

– Твои отстают, похоже, – возразил Мартин. – По моим одиннадцать двадцать.

– Вот черт. Уверен? А я-то так гордился этими часами. Ладно, как бы то ни было, двадцати минут мне на перепечатку хватит, и потом сразу приду.

– Бокал только не забудь прихватить. Если, конечно, не хочешь пить из горлышка.

Когда Пола что-нибудь по-настоящему занимало, он становился необыкновенно трудолюбив. Не успел Мартин вернуться к себе, как за стеной послышался стук клавиш.

Из-под вороха шорт он извлек бутылку бурбона. Большинство горничных ведут себя прилично, но все равно не стоит рисковать, всегда ведь кто-нибудь может донести, что он нарушает правила Дома, запрещающие распивать спиртное. Мартин налил себе изрядную порцию бурбона и решил все же добить «Убийства в рейсовом поезде». Через четверть часа он в раздражении отбросил книгу.

¹⁴ По одной этой причине (*лам*).

Под продолжающийся стук машинки Мартин налил себе еще бурбона и сел за стол. Ему вдруг пришла в голову славная идея – сочинить пародию на «Гангу Дин»¹⁵, но не успел он написать и строки, как в дверь постучали.

– Ну вот! – объявил с порога Пол. – По-моему, уложился в рекордное время. – И он помахал солидной стопой бумаги.

– Двадцать минут. – Мартин сверился с часами. – Совсем недурно. Бокал принес?

– Давай бутылку! – Так Мартин и сделал. – Из горла хлебну. После такой работы надо выпить.

На сей раз Мартин предложил ему и бокал и, сам сделав добрый глоток, уселся на кровать и закурил.

– Ну что ж, – сказал он, – давай выслушаем твою версию.

– Спички для начала брось, свои забыл. Спасибо... Как известно, – начал Пол, раскуривая трубку, – первым в литературе показал Дон Жуана Тирсо де Молина в пьесе «Севильский озорник, или Каменный гость». Это было в начале семнадцатого века. – Мартин кивнул. – А я вот тут... – Очередной стук в дверь оборвал Пола на полуслове.

– Войдите, – пригласил нового гостя Мартин.

– Услышал голоса, и, думаю, зайду. Привет, Пол... – Алекс Брюс не договорил, бросившись перехватить бутылку, которую Пол, поднимаясь ему навстречу, нечаянно столкнул со стола.

– Извини, Мартин! Что-то неловко я становлюсь, – смущенно посетовал он. – Ты как, Алекс?

– Да все нормально. Вы о чем тут, напарники, толкуете?

– О том, чтобы выпить пинту бурбона, – хмыкнул Мартин. – Присоединишься?

– Конечно.

– Как Синтия? – поинтересовался Пол.

Памятуя о собственном опыте, полученном чуть ранее, Мартин впал в некоторое напряжение. Но Алекс улыбнулся, смахнул каплю бурбона с губ и ответил как ни в чем не бывало:

– По-моему, в полном порядке. Я не видел ее сегодня.

– Да? А она говорила, вы куда-то собрались вечером. – Что-то в тоне Пола насторожило Мартина. Какое-то странное неудовольствие. Ревность? – мелькнуло у него в голове. Уж не поэтому ли Пол не нравится Син – потому что слишком уж он ею интересуется.

– Да, теперь припоминаю, я действительно сказал, что, может быть, заскочу, – непринужденно продолжил Алекс, – но заработался в лаборатории, устал... Еще немного не нальешь, Мартин?

Бутылка пошла по кругу, и в комнате ненадолго установилось молчание. Мартин потянулся за пачкой сигарет, предложил Алексу, тот закурил. Пол неторопливо раскурил погасшую трубку. Наступившая тишина была лишена какой-либо натянутости, просто трое мужчин наслаждались хорошей выпивкой и табаком.

Обводя взглядом комнату, в которой все больше сгущались клубы дыма, Мартин отдавался своей излюбленной привычке неслышно разговаривать с самим собой. Странное это было трио – Пол, преподаватель истории, циник-любитель и ненавистник любых психологических сложностей; Алекс – исследователь химических процессов, человек исключительно серьезный и откровенно влюбленный в эту экзотическую девицу – Синтию; и, наконец, сам он, Мартин, аспирант-германист с писательскими амбициями, слабо разбирающийся во всех делах, где замешаны чувства.

Первым нарушил молчание Алекс.

– А с чего это ты вдруг спросил меня про Синтию, Пол? Помнил же я, что должен был сегодня вечером...

– Что за черт! – выругался Мартин. – Еще кого-то принесло. Похоже, у меня сегодня вечер открытых дверей.

На сей раз пожаловал Курт Росс, и это был совсем другой Курт, нежели сдержанный, пусть и внутренне напряженный член комитета по приему почетного гостя. Галстук у него сбился на сторону, движения приобрели порывистость. Мартин почему-то обратил внимание на то, что ключ «Фи Бета» снова куда-то исчез, и на сей раз владелец явно этого не заметил. Взгляд Курта переместился с Мартина на бутылку бурбона.

¹⁵ «Ганга Дин» – баллада Р.Киплинга (1892).

– Так я и думал, – пробормотал он. – Не возражаешь, Мартин?
– Разумеется, нет.
– Ну вот, – выдохнул Курт, сделав большой глоток прямо из бутылки. – Чего-то в этом роде я и ожидал. А выпить мне сейчас необходимо.

– Да что с тобой, черт возьми? – не удержался Пол.
– А, это ты, Пол, привет. Ничего. Ничего особенного. Просто немного разнервничался, вот и все.

– Давно я не наблюдал такого драматического появления. Вид у тебя, словно у...
– Оставь его в покое, Пол, – умиротворяющее включился Алекс. – Ну какое кому дело, отчего он разнервничался? Понервничал, потом выпил бурбона, сейчас еще выпьет, вот и все.

Мартин поднял на свет бутылку и с грустью взгляделся в ее содержимое.

– Насчет «еще» я как-то не уверен.
– Ну почему же? – возразил Алекс. – У меня тоже примерно полпинты имеется. Сейчас принесу.

Алекс вышел, а Мартин протянул бутылку с остатками бурбона Курту.

– Добивай.

Тот охотно повиновался.

– Спасибо тебе, Мартин, ты и сам не знаешь, что для меня сделал.

– Да не волнуйся ты так, Курт, – вмешался Пол. – Не знает, так узнает. Видишь ли, какое дело, Мартин у нас любитель детективных романов. И не оставляет камня на камне от алиби. Словом, опасный он человек, и если у тебя есть секреты, от него лучше держаться подальше.

Тот час, что прошел после того, как Алекс вернулся с бутылкой виски, объем которой он сильно преуменьшил, запомнился Мартину, когда он попытался наутро восстановить события минувшей ночи, весьма смутно. Все плавало в какой-то дымке: Пол утратил свое достоинство, Алекс – серьезность, Курт – остатки спокойствия. При таких обстоятельствах самому Мартину терять уже было почти нечего; напротив, он уловил где-то нечто, показавшееся ему в тот момент человеческим голосом – кто-то пел «Дай как следует этому типу», затем «Английское королевское отродье», и он охотно присоединился к вокалу.

Курт, чей словарь на английском сводился к нормативной лексике, несколько потерялся в этом хоре, но взял реванш, спев песню из репертуара немецкого кантона Швейцарии, состоящей сплошь, как он всерьез уверял, из непечатных слов. Никто ничего не понял, но все Курту поверили и нашли ее по-настоящему заводной. Затем Пол, который еще раньше, демонстрируя таким образом уже полную разнузданность, отказался от трубки в пользу сигарет Мартина, поведал историю знаменитого жулика – сочинителя сенсационных статей Энтони Клера. В конце концов все трое принялись распевать непристойные куплеты, и продолжалось это до тех пор, пока стук в стену и сверху, в потолок, не вынудил Мартина объявить о завершении праздника.

Он с трудом дотащился до постели, разбрасывая по дороге предметы одежды, попытался прокрутить в голове события дня и в конце концов пришел к заключению, которое в тот момент показалось ему имеющим некоторое значение, а именно: это был в высшей степени насыщенный день.

И лишь наутро Мартину стало известно, что наряду с другими событиями этот день (для точности, 6 апреля, пятница) вместил в себя убийство доктора Хьюго Шедела. Произошло оно приблизительно в 11.30 вечера.

2. Из наблюдений доктора Эшвина

Крупный ученый заколот стилетом Жестокое убийство в Беркли

Загадочный убийца оставляет таинственное предупреждение

Минувшей ночью рука неизвестного принесла смерть человеку, посвятившему жизнь борьбе со смертью. Доктор Хьюго Шедель, неофициальный посланник Швейцарской Республики, прибывший в Калифорнию для чтения лекций по вопросам мира во всем мире, вчера ночью был найден мертвым у входа в частный дом по адресу Беркли, Панорамик-вэй, 27. Ему был нанесен удар сзади неустановленным предметом с длинным тонким лезвием, поразившим жертву в сердце. По словам судмедэксперта, можно с большой степенью вероятности утверждать, что смерть наступила почти мгновенно.

Тело было обнаружено проживающей по указанному адресу мисс Синтией Вуд, аспиранткой Калифорнийского университета, дочерью крупного местного финансиста Роберта Р. Вуда. По словам мисс Вуд, вчера, в 11.28 вечера в дверь ее дома позвонил неизвестный ей мужчина. Время она запомнила так точно потому, что незнакомец поинтересовался, который час, а также спросил, как пройти в Международный дом. Почти сразу после того, как он ушел, мисс Вуд услышала чей-то крик и в сопровождении мисс Мэри Робертс выскочила на улицу. На тротуаре перед домом лежало тело мужчины, с которым она только что разговаривала.

Мисс Робертс позвонила доктору Х. Д. Калверту и в полицию, но мужчина был уже мертв. Задав несколько вопросов мисс Вуд, сержант Каттинг попросил директора Международного дома Уоррена Блейкли опознать тело. Блейкли заявил, что это доктор Шедель.

Несмотря на то что мисс Вуд выскочила на крик почти мгновенно, неизвестного напавшего она не увидела. Если не считать валяющегося рядом с трупом клочка бумаги с графическим изображением, смысл которого остается пока неясен, никаких следов, позволяющих установить его личность, убийца не оставил. Сержант Каттинг заявил, что у полиции есть несколько предположений, обнародовать которые было бы на данный момент преждевременно. Арест ожидается в ближайшее время.

Мартин прочитал это сенсационное сообщение за весьма поздним завтраком в кафетерии Дома. Шокирующая новость рассеяла его смутные опасения, что кто-нибудь из строгих блюстителей дисциплины сообщит администрации Дома о вчерашней оргии. Окончательно избавившись, благодаря большому стакану томатного сока и несколькими чашкам черного кофе, от похмелья, он закурил и внимательно перечитал статью.

Бред какой-то. Кому могло прийти в голову убить этого безвредного, славного человечка? «Арест ожидается в ближайшее время». Ну, это ясно, полиция пускает пыль в глаза, отчасти для того, чтобы сохранить свою репутацию, отчасти возможно, чтобы напугать убийцу и заставить его сделать ошибку. В том, что это убийство, сомнений как будто бы не возникает. Удар со спины вряд ли можно рассматривать как случайность или самоубийство, не говоря уж о самозащите с чьей-либо стороны – на кого, интересно, мог напасть доктор Шедель? Да, точно, – хладнокровное убийство. Но за что?

Мартин перевернул страницу. Здесь было множество фотографий; на одной – Панорамик-вэй, 27, хорошо знакомый Мартину коттедж, с характерным знаком Х на тротуаре, слева от дорожки, ведущей к крыльцу; на другом – то самое «таинственное предупреждение» (ничего собственно предупредительного Мартин в нем не увидел... если только – он на секунду задумался – если только это не было предупреждение, адресованное очередной жертве); на третьей – склонившаяся над телом Синтия с перекошенным от ужаса лицом. Хороший снимок. Мартину сразу же представилось, что он попадает на глаза какому-нибудь голливудскому продюсеру и тот немедленно телеграфирует Син, приглашая на пробы.

Мартин вернулся к предупреждению или как там его назвать. Судя по всему, это карандашный рисунок, сделанный на разорванном пополам обычном листе бумаги для пишущей машинки. При всей любви к науке, полиции Беркли будет нелегко проследить его происхождение, разве что остались отпечатки пальцев. Да и от них проку мало, разве что убийца – не рецидивист, а это кажется маловероятным. Хотя как вещественное доказательство впоследствии может пригодиться.

Сам по себе рисунок выглядит весьма необычно. Чуть накренившаяся набок цифра 7 стоит на трех вытянувшихся в ширину четырехугольниках, уложенных один на другой вроде ступеней. Эта композиция странным образом напомнила Мартину крест, хотя никакой связи он с ним не улавливал. Любопытно. Последний штрих к мелодраматическому, совершенно какому-то книжному убийству этого добропорядочного господина. Он внимательно взгляделся в рисунок.

– Смотрю, вас заинтересовало это убийство, мистер Лэм, – проговорил Борицын, усаживаясь рядом с Марином.

– Да. Пытаюсь, впрочем, без всякого успеха, найти в нем хоть какой-то смысл.

Русский взял с подноса чашку кофе и небрежно отодвинул посудину на соседний столик.

– А что, думаете, смысла нет? – спросил он, закуривая.

– Я не вижу пока ни малейшего. Да вы же сами вчера встречались с доктором Шеделем. Вам ли его не знать. Ну, кому нужна его смерть?

– Не торопитесь, не торопитесь, мистер Лэм, – остановил его Борицын. – Во-первых, вы исходите из того, что он был так же чист, как и вы, – должен признаться, я и сам так считал. – Выговорив для разнообразия эти две разумные фразы, аристократ вернулся к более характерной для себя манере аргументации. – А во-вторых, разве нельзя как раз в этой его чистоте усмотреть мотив убийства?

– О боже, как вас прикажете понимать?

– Он проповедовал мир, не так ли? Проповедовал от души и весьма действенно, верно? И что из этого следует?

– Что же?

Борицын был явно доволен собой. Он откинулся на спинку стула и, прежде чем ответить, выпустил плотное кольцо дыма.

– А кто стоит за движением в пользу мира?

– Если бы знать, – пожал плечами Мартин. – Да любой из нас. И уж точно множество сил, начиная с Френсиса Ледерера¹⁶ и кончая Обществом против войны и фашизма.

– Вот-вот! – просиял Борицын. – Вы попали в самое яблочко. Общество против войны и фашизма. Это коммунистическая организация. Все ясно.

– Разве?

– Это советский заговор. Коммунисты, они агитируют за мир, за всеобщий мир, а зачем? Затем, чтобы покончить с вооружениями, покончить с вооруженными силами; после чего

¹⁶ Ледерер, Френсис (1899–2000) – американский актер театра и кино, прославившийся исполнением главных ролей в фильмах «Ящик Пандоры» (1928) и «Признания нацистского шпиона» (1939).

коммунисты захватят на земле все, что можно захватить. Доктор Шедель склоняет к миру Европу и Америку – прекрасно. Но ведь затем он собирается нанести визит в Китай и Россию! И что, если он превратит в голубей мира красных солдат Китая? А представьте себе, что во славу мира он начнет проповедовать в Санкт-Петербурге – не хочу даже выговаривать его новое название! Что тогда? Вот они и решают: его надо убить. И voilà: сказано – сделано!

Мартин вежливо выслушал Борицына, сделал вид, что его логика произвела впечатление, отпустил несколько неопределенных реплик, допил кофе и поспешно удалился в холл, где позволил себе от души рассмеяться. Версия замечательная, и Борицын во всей своей красе. Не будет ничего удивительного, если далее он решит, что 7 – это буква F и означает фашизм, а три четырехугольных ступени у ее основания символизируют Ленина, Сталина, Троцкого – в сознании аристократа все трое, несомненно, образуют единство. И вот уже полиция получает анонимное письмо с призывом обыскать штаб-квартиру Национальной студенческой лиги, где и скрывается преступник.

– Чего веселимся, Лэм?

Этот псевдооксфордский говорок не спутаешь ни с чем. Мартин посмотрел на Уортинга и, стараясь сдержаться, с трудом выговорил:

– Э-э... Убийство.

– Правда? – Уортинг повысил голос и приподнял брови. – Честно говоря, старик, не вижу в нем ничего особенно смешного.

– Да я не о том. Борицын. Он только что объяснил мне, что доктор Шедель был убит на золото Москвы.

– Ничего себе. Здорово. Особенно если учесть, что вся эта бодяга прозрачна, как стеклышко. – Уортинг, никогда не бывавший на матери-родине, которую он так боготворил, усваивал английское просторечье в основном из популярных романов, не давая себе труда задуматься, в каком обществе употребляется подобная лексика.

– Как стеклышко?

– Ну да, слухи-то доносятся. И вообще таких делишек гораздо больше, чем мы о них знаем.

– Каких таких делишек?

– Старик, ну, ты ведь понимаешь, я ничего не утверждаю. Но ясно же, о чем идет речь. – На сей раз он лишь понизил голос, но брови все же приподнял. – *Cherchez la femme!* Каково? – Оксфордская «вывеска» уступила место широкой ухмылке.

Закончив на этой эффектной ноте, Уортинг отошел, а Мартин погрузился в раздумья. Теория канадца, если ее можно так назвать, не менее абсурдна, чем у Борицына. Порок, разумеется, возрастает в самых неожиданных местах, жизнь в академическом кругу приучила Мартина к этому. Но доктор Шедель здесь ни при чем. К нему это не может иметь отношения. Что-то во всем этом деле не так, совершенно не так. Мартин снова открыл газету и перечитал краткую биографию доктора Шеделя.

Ничего это ему не дало, в ней содержались лишь даты, фиксирующие медленное восхождение доктора к известности и относительному благосостоянию. Начав с частных уроков, он в конце концов стал профессором экономики в Бернском университете. Во время Мировой войны приобщился к политике и был избран в Национальное собрание на платформе поддержки идеи нейтралитета Швейцарии. Впоследствии стал депутатом парламента, а затем оставил политику, сделавшись послом доброй воли, отдающим все свое время пропаганде мира во всем мире. В политике ничем особым не выделялся. Активно выступал за лишение Хоффмана парламентского мандата, но ясно, что эта давняя история не может иметь ничего общего с нынешней трагедией. Доктор Шедель не был женат, и из наследников у него в живых остался только Курт Росс, сын его сестры.

Все это никуда не ведет, вынужден был признать Мартин. Если он последует внезапному импульсу и начнет собственное расследование, копать надо в другом месте. Мартин сунул в рот сигарету, чиркнул спичкой, но так и не донес ее до цели и принялся перечитывать последнее предложение в биографии доктора. Он все вглядывался и вглядывался в эту строчку, пока не почувствовал, что огонь обжег ему пальцы.

– Син видел сегодня? – за обедом спросил Мартин Алекса Брюса.

– Побежал к ней сразу, как прочел газеты, но она не вышла. Нервный приступ. С ней Мэри, и она никого не пускает. Вокруг дома полно полицейских, и в форме, и в штатском. Сияются вычислить, куда мог податься убийца.

– Синтия его не видела?

– Нет. Мэри тоже.

– Что Мэри – тоже? – к столику подошла Мэри Робертс, на удивление свежая и спокойная.

– Присаживайся, – предложил Мартин. – И угадай с трех раз, о чем мы тут говорим.

– А что, в университете есть хоть один человек, говорящий о другом? Если так будет продолжаться, я тоже, следом за Синтией, в обморок упаду. – Мэри отвлеклась, чтобы сделать заказ, и продолжила: – Я там все утро провела – и ночь, конечно, тоже – больше, чтобы подальше от людей быть, чем чтобы Синтию поддержать. Извини, что не дала ей повидаться с тобой, Алекс. Я сказала, что ты приходил, но, кажется, после этого ей только хуже стало.

– По-моему, она на меня обиделась, – вздохнул Алекс. – Я обещал зайти вчера вечером, но так заработался в лаборатории, что обо всем забыл. А пока вы там спотыкались о трупы, мы с Марином к бутылке усердно прикладывались. По правде говоря, совестно немного.

– Может, оттого ей и было не по себе. Она звонила мне часов в десять, сказала, что одна дома и не могу ли я зайти прямо сейчас. О чем-то ей надо было со мной поговорить.

– Ну и о чем? Или это нескромный вопрос?

– Даже не знаю. – Мэри замолчала, готовясь начать атаку на баранью ножку. – Весь вечер меня не оставляло ощущение, что она хочет сказать мне что-то важное. А потом случилось то, что случилось, и, разумеется, больше она не произнесла ни слова.

Мартин доел яблочный пирог и закурил.

– Можно вопрос, Мэри?

– Да я в последнее время только и делаю, что отвечаю на вопросы. Валяй.

– Похоже, наш убийца – весьма увертливый тип. Вы сразу же выскочили на улицу, а его и след простыл. Либо это человек-невидимка, либо он скрылся в каком-нибудь из ближайших домов.

– Да ничего мы сразу не выскочили! Вернее, выскочили, да не туда. Синтия споткнулась на крыльце и упала. Так что, пока я помогала ей встать и ощупывала лодыжку – слава богу, выяснилось, что растяжения нет, – у этого типа было полно времени, чтобы скрыться.

– Почему это все время об убийце говорят в мужском роде? – заметил Алекс. – Явное проявление двойных стандартов.

– Если сомневаешься, всегда употребляй мужской род, – возразил Мартин. – Да и по виду это дело рук мужчины.

– Как это следует понимать? – спросила Мэри, пережевывая баранину.

– Сам толком не могу объяснить. Но думаю, можно смело утверждать...

Что же такое можно смело утверждать, Мартин разъяснить не успел, его речь прервало появление новых лиц – боливийца Ремиджио Моралеса и его сестры Моны.

– Знаете, где надо искать ответ на эту загадку? – с ходу начал Моралес, едва успев поздороваться с присутствующими.

– В Гран-Чако?¹⁷ – предположил Мартин и тут же, памятуя о смелых догадках Борицына, прикусил язык.

– Точно, – серьезно ответил Моралес. – Как это ты догадался? – И он пустился в пространные разоблачения гнусного парагвайского заговора, оборвавшего жизнь ни в чем не повинного доктора Шедела.

Дальше прислушиваться Мартин не рискнул из опасения снова расхохотаться, что недавно столь сильно шокировало Уортинга. В какой-то момент он просто невинно осведомился:

– Курта Росса не видел сегодня утром? Он-то что обо всем этом думает?

– Нет. – Моралес начал развивать свою мысль, но его перебила сестра:

¹⁷ Гран-Чако – район в центральной части Южной Америки, бывший некогда предметом территориальных споров между Боливией и Парагваем.

– Я видела. Просто забыла тебе сказать, Ремиджио. Я сидела после завтрака в холле, когда мимо прошел Курт вместе с каким-то мужчиной в плаще.

– И с сигарой во рту?

– Нет. А что?

– Печальный пример нарушения традиций. Продолжай, Мона.

– Про убийство я тогда еще ничего не слышала и спросила, куда это он так рано. «Мне хотят задать несколько вопросов», – бросил на ходу Курт и прошел к выходу. Наверное, с ним был полицейский.

За обеденным столом неожиданно повисло молчание. Интересно, подумал Мартин, а кто-нибудь еще заметил ту фразу в газете, что остановила его внимание.

– Бедная Лупе, – вздохнула Мэри. – Представляю, каково ей сейчас.

– Вы что, ничего не слышали про Лупе Санчес? – Мона, обычно такая невозмутимая, явно наслаждалась тем, что знает нечто такое, что другим неизвестно. Меж тем ее брат проявлял все большее нетерпение, он еще не все сказал про аргентинского миллионера, поддерживающего происки Парагвая в Чако.

– А что такое с Лупе?

– Она заболела. Утром ее отвезли в больницу, в Сан-Франциско.

– Что за болезнь?

– Что-нибудь серьезное?

– Почему в Сан-Франциско, а не в нашу университетскую клинику?

– Вот вам и ответ на вопрос. – Мона загадочно улыбнулась, полагая, что никто из нее не будет вытягивать объяснений. В ее блестящих черных глазах Мартин заметил выражение скромницы, которая не прочь побеседовать на нескромные темы.

Мартин откинулся на спинку стула. Моралес тем временем продолжил разоблачения. Все сходится. Мотив, возможности и, можно предположить, способ убийства. Все, увы, слишком просто. Только смущают два момента: первый – эта идиотская символика на рисунке; второй – тот факт, что ему нравится Курт Росс.

Вторую половину дня Мартин провел в библиотеке, листая старые тома трудов немецкого Шекспировского общества в попытках найти подтверждение тому, что кто-то еще до него предположил, будто первый переводчик Шекспира на немецкий Каспар Вильгельм фон Борке опирался на издание Теобальда. Время оказалось проведенным с двойной пользой. Во-первых, Мартин вполне убедился в том, что его теория, надежно подкреплённая текстуальными свидетельствами, вполне нова и, возможно, заслуживает гласности; во-вторых, он отвлекся мыслями от доктора Шедела и Курта Росса.

Но за ужином они, эти тревожные мысли, вернулись. Он попытался было отмахнуться от них, убеждая себя, что полиция наверняка накопает то, что поддается обнаружению; но это оказалось слабым утешением. В конце концов Мартин решил, что придется примириться с очевидностью.

Выходя из столовой, он услышал доносящиеся сверху звуки музыки. Ему показалось, что он узнал голос, а уж самую мелодию – наверняка: это была печальная боливийская народная песня.

– Buenas tardes¹⁸, – Мона оторвалась от рояля и с улыбкой кивнула Мартину.

– Не обращай на меня внимания, – по-испански сказал Мартин. – Ты просто пой, пой. Мне нравится слушать.

– Gracias, señor. Es muy amable¹⁹. – Ясным и чистым, хоть и не поставленным голосом Мона запела другую народную песню, Мартин же снова курил – еще больше, чем обычно. Смотреть на Мону было не менее приятно, как и слушать. Свет от торшера падал на ее темные волосы так же мягко, как на блестящую крышку рояля. Ее простое светлое платье приятно контрастировало со смуглой кожей. Но как бы ни старался Мартин просто любоваться ее внешностью и наслаждаться пением, из головы упорно не шли брошенные ею за обедом слова.

– Ничего, если я немного отдохну? – в какой-то момент сказала Мона. – Устала что-то, да и поговорить хочется. Сигаретой не угостишь?

¹⁸ Добрый вечер (исп.).

¹⁹ Спасибо, сеньор, вы очень любезны (исп.).

– Знаешь, – заговорил Мартин, протягивая ей зажженную сигарету, – я тут вот о чем думаю... ну... словом, сегодня за обедом ты сказала...

– Да?

– Мона, могу я задать тебе один откровенный вопрос?

– Ну, конечно.

– Почему...

В этот момент в комнату вошел вездесущий Борицын. Хорошо уже то, что рояль молчит, но когда в придачу к тому в распоряжении готовая аудитория – это вообще верх блаженства. И битых десять минут Мартин выслушивал разглагольствования о музыкальном превосходстве русского старого стиля. В качестве примера – чего именно, Мартин так и не понял – Борицын противопоставил стремительного Чайковского дурно исполненному Шостаковичу.

Дело кончилось тем, что Мартин наклонился и прошептал Моне на ухо:

– Мне пора. Очень не хотелось бы оставлять тебя наедине с Борицыным, но меня ждет доктор Эшвин. Когда можно будет тебя увидеть?

– Так ведь я же всегда здесь.

– Да, знаю, но... В маленьком кинотеатре на Бродвее показывают мексиканский фильм, говорят, занятый. Может, сходим?

– Когда?

– Да хоть завтра.

– Завтра мы с Ремиджио едем в Сан-Франциско. Прием в боливийском консульстве. Уехать придется рано, потому что... – Она оборвала себя на полуслове. – Как насчет понедельника?

– Отлично.

– Я освобожусь в два. Встретимся у Сазер-гейт?

– Идет. – И незаметно для Борицына, который рассуждал в этот момент о музыкальном упадке русского балета, Мартин выскользнул из комнаты.

Он двинулся вниз по Чанниг-вэй, ощущая напряжение, которое не пройдет по меньшей мере два дня. Мона – лучшая подруга Лупе Санчес, уж если кто что и знает, так это она. Допустим, выяснится, что это действительно болезнь. Так, дальше мотив. Мартин понял, что надо как можно скорее взять себя в руки.

Он поднялся по витой лестнице пансионата и постучал в дверь доктора Эшвина. Через несколько мгновений Мартин уже уютно сидел на стуле рядом с письменным столом, а Эшвин достал бутылку «Тичерз» и, извинившись, вышел прополоскать бокалы. Мартин оглядел небольшое жилище доктора Эшвина. В одном углу стояла узкая кровать, явно застеленная мужскими руками. За вычетом нескольких стульев и обогревателя в комнате имелся единственный предмет мебели – огромный письменный стол с убирающейся крышкой и вращающимся креслом, – трон, с которого Эшвин произносит свои лучшие речи. И еще у стен, с двух сторон, расставлены стеллажи, набитые книгами, в основном старыми, сильно подержанными. В самом богатстве вкусов Эшвина отражалась их же бедность – он выбирал себе на редкость странное чтение на ночь. Лучшее из всех возможных изданий «Рамаяны» соседствовало с жалким томиком Конан Дойла. Исторические романы Дюма-отца были разбросаны вперемежку с массивными словарями классических языков. Переводы самого Эшвина с санскрита терлись, фигурально выражаясь, локтями с эпическими романами Райдера Хаггарда, посвященными зулусам. А поверх авторитетного труда, трактующего о тактике военного сражения, крохотным квадратиком смотрелась «Алиса в Стране чудес».

Когда виски было разлито, опробовано и найдено отменным, Мартин начал разговор обычным вопросом:

– Как Элизабет?

Общая неприязнь Эшвина к женщинам не распространялась на тех, кто не достиг шестилетнего возраста. Годами он выискивал девочек трех-четырёх лет, которым становился кем-то вроде крестного отца, хотя и не официального, а потом, когда они достигали порога – шесть лет, – бросал с жестокостью лейтенанта Густля²⁰. Но Элизабет, кажется, обладала каким-то

²⁰ Заглавный персонаж новеллы немецкого писателя А. Шницлера.

таинственным очарованием, какого не было у ее предшественниц; ей скоро должно исполниться восемь, а Эшвин по-прежнему к ней привязан.

– Спасибо, все хорошо, – откликнулся доктор Эшвин. – Вчерашний вечер и сегодняшнее утро я провел с ее семьей в Сан-Рафаэле. Она очень благодарна вам за игрушку, что вы послали ей.

– Рад, что она ей понравилась. Хотелось бы как-нибудь познакомиться с девочкой.

– Мне показалось, что ваш подарок произвел на нее такое же впечатление, какое подарки обычно производят на женщин.

– Что вы имеете в виду?

– Как-то она принялась расспрашивать обо всех людях из Беркли, чьи имена слышала от меня. «Как поживает доктор Макинтайр?» – «Хорошо» – «А Ревкинсы?» Ну и так далее. И вот она дошла до вас: «Как поживает мистер Лэм?» И когда я ответил: «Хорошо», добавила: «Ему передайте мой особенный привет».

– Надо запомнить, – улыбнулся Мартин. – Оказывается, деревянный пингвин – это очень простой способ завоевать сердце.

– А еще Элизабет занимается санскритом.

– Как, в восемь лет?

– Да. Она попросила меня сказать что-нибудь на санскрите. Необычная просьба, полагаю, вы и сами это знаете по опыту.

– Да уж, язык к гортани прилипнет, – улыбнулся Мартин. – Полагаю, вот так же лишишься дара речи, если марсианин спокойно попросит тебя сказать что-нибудь по-английски. И что было дальше?

– По некотором размышлении я решил продекламировать одну скороговорку на санскрите, состоящую исключительно из гласных и согласной «эн». Помните:

na nananunno nunpono
na nā nānānā nanu
nunno 'nunno nununneo
nānenā nunnanunna²¹.

Она пришла в такой восторг, что мне не оставалось ничего, кроме как часами повторять эти строки. И она научилась произносить их, почти как я, и теперь, наверное, поразит своих соучеников обретенным знанием классики.

Так разговор плавно перешел от Элизабет к фантастической гибкости санскрита, его головокружительным скороговоркам, и в частности невероятному поэтическому подвигу Дандина, когда в 12-й главе своих «Приключений десяти принцев» он заставляет Мантрагупту произнести пространный монолог, совершенно не используя губных согласных, ибо его губы «истерзаны сладкими поцелуями возлюбленной». «Я так и не смог заставить себя достичь этих высот в своем переводе, – печально признался Эшвин, – и был вынужден прибегнуть к довольно жалкому паллиативу в форме высокопарной стилистики».

Затем последовала дискуссия вокруг достоинств и недостатков романа Хаггарда «Конченные», на смену ему пришел Конан Дойл, что и привело Мартина, смаковавшего третий бокал виски, к теме, которая не отпускала его весь вечер. Он сделал последний глоток и в очередной раз освежил бокал – Эшвин был идеальным хозяином, позволявшим гостям самим ухаживать за собою. Удобно откинувшись на спинку стула и закулив, он начал:

– Нас обоих занимает проблема убийства – с исторической или художественной точки зрения. Но что вы скажете, когда сталкиваешься с ним на практике, скажем, здесь, в университете?

– Да я только краем уха слышал о случившемся, – признался Эшвин. – Как вы знаете, я уезжал в Сан-Рафаэль и едва заглянул в утренний выпуск газеты, разве что комиксы с Элизабет почитал.

²¹ Он не из тех мужчин, кого может ударить стоящий ниже.

Видит бог, тот, кого может ударить стоящий ниже, не мужчина!

Тот, кого ударили, на самом деле не ударили, если не ударили его хозяина.

Тот, кто бьет того, кого все бьют и бьют, не безгрешен.

Представив себе переводчика Калидасы читающим описание подвигов Бака Роджерса, Мартин улыбнулся.

– Вообще-то вам должны были попасться на глаза газетные отчеты, – сказал он, – но на тот случай, если вы все же пропустили их, я прихватил с собой. – Мартин извлек из кармана несколько газетных вырезок и протянул их Эшвину.

Скользнув взглядом по заголовку «Крупный ученый заколот стилетом», он слегка поморщился и посмотрел на Мартина, словно желая спросить: «Я действительно должен это читать?» Но он задал другой вопрос:

– У вас есть какие-то особые причины интересоваться этим убийством?

– Да. Я встречался с доктором Шеделем буквально накануне его гибели, и он произвел на меня чрезвычайно благоприятное впечатление. К тому же, мне кажется, я знаю, кто его убил.

Мартин был доволен эффектом, произведенным этим драматическим заявлением. Эшвин промолчал, но читать стал более внимательно. Дошел до конца, затем обратился к фотографиям и биографии.

– Мне кажется, эта юная дама обедала с нами неделю или две назад, верно? – спросил он. Мартин кивнул. – Да-да, – вспомнил Эшвин. – Кажется, это было в пятницу, и она с особенным вкусом поглощала мясо – в знак протеста, что представляется изрядной глупостью, против домашней рутины. К тому же она все время вызывающе сквернословила. – Он насупился. Воспитания, полученного в Новой Англии, хватало, чтобы вызывать у Эшвина стойкую аллергию на грубые выражения в устах девушек, даже таких привлекательных, как Синтия Вуд. – На снимке она почти так же хороша, как в жизни, – резюмировал он. – Кажется, я начинаю понимать причину вашей заинтересованности.

Он еще раз просмотрел вырезки и положил их на стол.

– Так, а что-нибудь новое появилось? – осведомился он. – Это ведь утренний выпуск. В вечернем ничего нет?

– Из существенного – только одно. Нашли оружие убийства.

– Стиллет?

– Нет. Ледоруб.

– И где же его нашли?

– В двух шагах от дома Синтии, у подножья холма. Но из этого не следует, будто убийца ушел в эту сторону. Ледоруб вполне могли добросить туда с места, где лежало тело. Он весь в крови, но отпечатков пальцев, увы, не осталось.

– Так, с газетами все ясно. А сами вы ничего не узнали? Вы с кем-нибудь из этих людей, кроме мисс Вуд, знакомы?

– Неплохо знаю Мэри Робертс, ну и еще Курта Росса.

– Племянника?

– Да.

Эшвин откинулся на спинку вращающегося стула.

– Так, а от меня-то вы чего хотите? Чтобы я поиграл с вами в детектива?

– Просто подумал, что если мы с вами обсудим все стороны этого дела, то и сами для себя его проясним и, не исключено, обнаружим нечто настолько очевидное, что все это проглядели.

Этот прозрачный намек на его собственный любимый аргумент явно польстил доктору Эшвину.

– Что ж, в любом случае это может быть интересным умственным упражнением, – согласился он. – Ладно, говорите, что вам стало известно от ваших друзей.

Мартин начал с недавней попойки, что позволило сказать о неожиданном появлении Курта Росса. Затем повторил реплики Мэри и Моны за обеденным столом и, в качестве комедийной разрядки, закончил теориями Борицына, Уортинга и Моралеса, заставившими Эшвина улыбнуться.

– Это все? – спросил он.

Мартин утвердительно кивнул.

– И на этом основании вы пришли к выводу относительно личности убийцы? В таком случае вам вряд ли нужна моя помощь. Но давайте начнем в традиционном стиле детективных романов,

с классического треугольника: «мотив», «средство», «возможность». – Доктор Эшвин наполнил бокал, открыл новую пачку сигарет, предложил закурить и Мартину и, чиркнув спичкой, продолжил: – Полагаю, «средство» мы можем отбросить, тут нам вряд ли что светит. Ледоруб – оружие, хоть и смертельное, но явно нетипичное и не поддающееся идентификации. Даже объединенные силы Скотленд-Ярда вряд ли смогли бы арестовать убийцу, проверив все подозрительные приобретения ледорубов за последние две недели. Шерлок Холмс, разумеется, методом дедукции пришел бы к выводу, что, коль скоро убийца воспользовался ледорубом, то это скорее всего рогоносец. Но мне такое предположение кажется слишком смелым.

– Рогоносец? Но с чего вдруг?..

– А с того, что у всех сегодня дома есть холодильник, а в его семье продукты все еще хранятся в леднике, что – с большой степенью вероятности – позволяет его жене крутить роман с пресловутым продавцом льда. Элементарно, дорогой мой Лэм; и все же такую версию мы отбросим, решив, что ледоруб скорее всего был куплен с целью убийства. Можно также с немалой долей вероятности предположить, что убийца скорее всего обладает элементарными познаниями в области хирургии, поскольку даже незначительная ошибка в определении местоположения сердца приведет к тому, что рана окажется просто опасной, но не смертельной. Впрочем, это нам помогает немногим: такого рода познания могут быть в случае необходимости приобретены самым обыкновенным человеком. И поскольку, как вы говорите, на рукоятке следов не обнаружилось – изыскания мсье Бертильона²² наверняка оказали громадную поддержку развитию перчаточной мануфактуры, – можно, с моей точки зрения, считать проблему «средства» исчерпанной. Далее переходим...

– К «мотиву»?

– Это мы оставим напоследок. А пока займемся «возможностью», непонятной «возможностью», этой гнусной подстрекательницей, этой известной искустельницей. В знаменитой диатрибе Лукреция против «возможности» содержится немало справедливого, но, боюсь, в данном случае она не подходит. Это преступление не из тех, когда убийце неожиданно подворачивается «возможность», а не будь ее, то и вообще ничего бы не было. Люди не прогуливаются по Панорамик-вэй, помахивая ледорубом. А между прочим, мистер Лэм, сам-то доктор Шедель как там оказался?

– Курт как-то обронил, – ответил Мартин, – что его дядя «любит пройтись перед сном». Наверное, гулял по холмам и потерял дорогу домой.

– В таком случае как убийца мог знать, где он окажется – если, конечно, не шел за ним с самого начала? Заносим этот пункт в графу «возможность». Но этим дело не исчерпывается. На месте преступления мог оказаться любой житель Беркли. Что обеспечивает безупречное алиби, ну, пусть не безупречное, пусть просто надежное – ведь известно время – одиннадцать тридцать, и за это, наверное, можно зацепиться. Что скажете?

– Что в таком случае я тоже среди подозреваемых. На этот час у меня нет алиби. Я просто выпивал и читал «Убийства в поезде». Среди тех, кого я знаю, Мэри Робертс и Синтия могут взаимно подтвердить свои алиби. У Курта Росса, насколько мне известно, такового нет. Когда он зашел ко мне, было без четверти или без десяти двенадцать.

– Мистер Лэм, – укоризненно покачал головой доктор Эшвин, – не стоит, прошу вас, становиться в красивую позу подозреваемого. А за информацию благодарю. Полагаю, из «возможности» мы выжали почти все соки.

– Теперь «мотив»?

– Да. – Эшвин встал и принялся задумчиво расхаживать по комнате. – Если не ошибаюсь, это благодаря мисс Теннисон Джесси мы располагаем классификацией мотивов? Она выделила шесть позиций, не помню, правда, в каком порядке: «ревность», «мечь», «устранение», «выгода», «приговор» и «жажда убийства». Последнее добровольный детектив может исключить из круга рассмотрения. Лишь наименее вероятный убийца станет покушаться на жизнь наименее вероятной жертвы из шизофренической склонности к убийству. Убийца может быть, как следует

²² Бертильон, Альфонс (1853–1914) – французский юрист, изобретатель системы обнаружения преступников по их антропометрическим показателям.

из истории Джека Потрошителя, вполне респектабельным господином, совершенно нормальным во всех остальных отношениях. Если же доктор Шедель был все же убит маньяком, все наши дальнейшие рассуждения утрачивают какой-либо смысл. Давайте примем во внимание такую возможность и двинемся дальше.

– Мне кажется, – подхватил Мартин, – Уортинг имел в виду ревность. Но если исходить не только из моего впечатления о докторе Шеделе, но и из того, что я слышал о нем от Курта Росса, такое предположение представляется довольно нелепым.

– Да даже если оставить это в стороне, – согласился доктор Эшвин, – как можно говорить о ревности на сексуальной почве, если доктор Шедель только вчера, впервые в жизни, приехал в Калифорнию? Получается, что либо ревность уходит корнями в какую-то давнюю историю, случившуюся в Швейцарии, либо наш пожилой господин, при всем к нему уважении, – большой ходок. То же самое можно сказать и о мести. Месть, которая гонится по пятам за жертвой через два континента и океан, это, на мой вкус, чересчур, в духе совсем уж раннего Конан Дойла. В принципе такую возможность я не исключаю, но пока предпочитаю ее не рассматривать. Итак, что у нас остается?

– Убийство как исполнение приговора?

– Иными словами, политический заказ. Да. Но политическая карьера доктора Шедела представляется довольно спокойной, и к тому же сейчас он не занимает никакого официального положения. А значит, заказное убийство лишено смысла. Что же касается теории господина Борицына, то она вряд ли заслуживает серьезного рассмотрения, хотя, конечно, если отклониться влево, можно выдвинуть контрверсию, согласно которой доктор Шедель был убит в результате совместного заговора империи Моргана и настоятеля Сан-Симеона²³. – Мартин рассмеялся. – Давайте-ка освежим наши бокалы, – предложил доктор Эшвин. Предложение было принято, и он продолжил: – Таким образом, остаются два мотива – «устранение» и «нажива». Мотив устранения возникает, как правило, в ответ не страх, как, например, в случае убийства шантажиста, – к такому повороту прибегают все романисты, желающие представить убийцу в благоприятном свете. Но из того, что я услышал от вас о докторе Шеделе, мне трудно вообразить себе, чтобы его кто-нибудь боялся. И теперь у нас остается последний мотив, который кажется вам наиболее убедительным, – «нажива».

Мартин промолчал в знак согласия.

– Вы полагаете, что Курту Россу срочно потребовалась некая сумма денег, хотя, как мне кажется, это предположение держится на весьма шатких основаниях и слухах.

– Надеюсь, в понедельник я смогу его подтвердить, – возразил Мартин.

– Далее, вы исходите из того, что после обеда Курт Росс пришел к дяде за деньгами и...

– В половине десятого, – вставил Мартин, – я слышал, как они договаривались об этом времени.

– ...пришел в половине десятого, но дядя, возможно, узнав, на что нужны племяннику деньги, отказал. И вот здесь возникает первый вопрос. Исходя опять-таки из того, что вы мне рассказали о докторе Шеделе, я нахожу такой отказ весьма маловероятным, разве что он вызван религиозными соображениями. Но отставим это. Положим, бурная сцена продолжалась полчаса. В десять дядя Хьюго отправляется на прогулку в сторону холмов. Вопрос: Курт идет с ним или тайно за ним следует? Если первое, то что он делает, когда доктор Шедель сбивается с пути и спрашивает мисс Вуд, как ему найти дорогу домой? Но даже если второе – собственно, в обоих случаях, – откуда у него взялся ледоруб? И если Курт все же совершил это хладнокровное убийство, – я нарочно говорю хладнокровное, потому что на затылке у жертвы четко видна рана, а вряд ли она могла появиться в результате обычной драки, – так вот, если это так, с чего бы ему врываться к вам и просить виски? Зачем ему так уж нужно, чтобы трое мужчин знали, что он только что прошел через кровавую мясорубку? Не годится ваша теория, мистер Лэм.

– Могу добавить еще один аргумент против себя самого, – признал Мартин. – Я способен представить себе, что Курт убивает кого-нибудь, даже собственного дядю, в момент сильной

²³ Некогда миссия Святого архангела Михаила, ставшая впоследствии ранчо Джорджа Херста – отца известного газетного магната, построившего там огромный особняк – Замок Херста.

эмоциональной вспышки. Но мне трудно вообразить его тайком пробирающимся с ледорубом в руках. И все же вы не можете отрицать, что у него есть очевидный мотив – единственная очевидность во всем этом деле.

Эшвин вдруг прекратил расхаживать по комнате и сел на свое место. Во взгляде у него мелькнула тревога.

– Чем больше, мистер Лэм, мы говорим с вами на эту тему, – вымолвил он, – тем больше я прихожу к выводу, что действительно есть одна, и только одна, очевидная вещь. И она меня пугает.

Он замолчал и молчал так долго, что Мартин подумал, уж не является ли он – впервые – свидетелем того, что на доктора Эшвина действует выпитое. Наконец тот пошевелился, потянулся за сигаретами и чиркнул спичкой так, словно надеялся, что огонек рассеет сгустившийся мрак. Когда он заговорил, в голосе его появились какие-то новые ноты.

– А теперь обратимся к символике, – предложил он.

Мартин еще раз взгляделся в странный рисунок.

– Ничего не могу сказать, – объявил он, подумав. – Какие только слова не перебрал, начинающиеся на «F», и так ничего и не нашел.

– Ничего удивительного, – Эшвин бегло посмотрел на фотографию. – И хотя пока я не могу объяснить смысла этой фигуры, по крайней мере одно предположение готов высказать. Помоему, это не «F».

– Что же тогда?

– Цифра семь.

Мартин озадаченно посмотрел на Эшвина²⁴:

– Семь? Как-то я не вижу...

– Не сомневаюсь, мистер Лэм, что вам известна европейская традиция перечеркивать ножку семерки, чтобы отличить ее от единицы. Дабы закрепить достоинство цифры, названной столь лестным именем, головку единицы в европейской каллиграфии отклоняют так далеко в сторону, что она, единица, начинает напоминать нашу семерку. Затем им и понадобилась черта посередине, чтобы не спутать две цифры. – Он взял лист бумаги, нанес несколько штрихов и протянул Мартину, который, взглядевшись в них, согласно кивнул.

– Похоже, вы правы. Я также должен признать, что семерка, с учетом всех связанных с ней странных ассоциаций, более уместна в этой символике, нежели «F». Но все равно непонятно, что она означает.

– Давайте на минуту отвлечемся от смысла и посмотрим, что можно извлечь из самого того факта, что убийца оставил знак. Причин тому может быть несколько.

– Похоже, мы возвращаемся к раннему Конан Дойлу, – заметил Мартин. – О чем прежде всего думаешь, так это о немисливо засекреченных организациях и страшной мести.

– Как ни печально признавать, но, бесспорно, существует и такая возможность. Природа цифры «семь», равно как и обстоятельства жизни доктора Шеделя, позволяют заключить, что организация базируется в Европе. Но в таком случае зачем тянуть с убийством до тех пор, пока он не окажется в Беркли? Что еще вы можете сказать в связи с этим символом, мистер Лэм?

– Что, возможно, убийца по природе склонен к мелодраматическим жестам и хотел таким образом украсить свое преступление ярким живописным мазком.

– Правдоподобно, – улыбнулся Эшвин. – Вот вас я, например, могу представить испытывающим нужду в подобного рода театральных решениях. В этом случае никакого смысла символ не имеет, это просто знак, оставленный убийцей. Что-нибудь еще?

– Допустим... – Мартин не сразу подобрал слова, чтобы выразить мысль. – Допустим, вам нужно убить нескольких человек по причинам либо одинаковым, либо схожим. Вы убиваете первого и оставляете рядом с телом знак, который ничего не скажет следствию, но будет прозрачно ясным для очередных жертв. Им он скажет либо: «Готовьтесь умереть», либо «Измените свое поведение, иначе умрете».

²⁴ Читатель может торжествовать: он уже и сам об этом догадался – по названию романа. – *Примеч. авт.*

– Остроумно, хотя я не вижу, каким образом семерка, упирающаяся ножкой в ступени, способна передать именно эти смыслы. Впрочем, вы же оговорили, что следовательно ничего этот рисунок не скажет. Таким образом, мистер Лэм, из вашего предположения следует, что в Беркли можно ожидать новых убийств?

– Не обязательно, я просто высказал мысль...

– Возможно, вы правы. Возможно, нам и впрямь следует ждать новых убийств – как минимум одного. Вернемся, однако, к символу. Какие-нибудь еще идеи?

– Пока нет.

– Тогда позвольте поделиться мне. Символ может быть ложным следом, так чтобы полицейское или любое иное расследование связало его с теми мотивами, о которых мы с вами только что говорили. Иными словами, преступник, действующий исключительно из личных побуждений, наводит на мысль, что за убийством стоит некая организация. Хладнокровный, умелый убийца мог оставить знак из соображения того, что – используя одно из ваших театральных понятий – это не соответствует характеру персонажа, и таким образом навести на ложный след.

– Остроумно, – с улыбкой передразнил Мартин Эшвина. – Но что-то не верится мне во все эти хитросплетения. А то ведь и я могу предположить, что преступник – личность до крайности возбудимая, в то время как он, напротив, человек хладнокровный, оставил знак для того, чтобы сыщик подумал, что он хочет направить его (сыщика) по ложному следу и заставить подумать, что он (убийца)...

– Пощады, мистер Лэм, пощады! – Доктор Эшвин воздел руки. – Извините мне мои шарады, и давайте разопьем чашу мира.

– Но это будет последняя, – сдался Мариин. – А то вчера после нашествия Курта и всех остальных я лег очень поздно.

– Теперь я понимаю, почему вы так хотите доказать виновность бедняги Курта Росса. Просто для того чтобы в один прекрасный день похвастать, как вы бражничали с убийцей, чьи руки еще пахли кровью.

Пришла очередь Мартина просить пощады.

– Да, признаю, я все еще считаю Курта подозреваемым, хотя, разумеется, совершенно не вижу, как это вяжется с тем, что мы говорили о символе. Он и не возбудим, и не чрезмерно утончен, и, уж конечно, не может быть посланцем этой страшной тайной организации – Шагающей Семерки, – более походящей на какую-то водевильную труппу. Но я не могу не считаться с тем фактом, что у него был ясный мотив – деньги, – и что он является единственным наследником довольно состоятельного человека...

– Полагаю, мистер Лэм, – перебил его доктор Эшвин, – в непродолжительном времени вам придется убедиться, что для убийства доктора Шеделя сколь-нибудь веского мотива не было ни у кого.

3. Семеро с Голгофы

На следующий день Мартин пошел завтракать довольно рано и по дороге остановился купить воскресный выпуск газеты. При всем своем обостренном интересе к делу, которое было у всех на устах, он, не изменяя присущим ему привычкам, начал чтение с комиксов. Это заняло все время, пока он поедал кашу, а следом за ней яйцо-пашот, и, лишь закулив первую на сегодня сигарету и приступив ко второй чашке кофе, он обратился к новостным полосам.

И хотя комментатор растянул повествование об убийстве ледорубом чуть не на целый разворот, сколько-нибудь существенных новых фактов в статье не оказалось. Мартин внимательно прочитал про то, что, основываясь на наличии при убитом денег и ценных украшений, сержант Каттинг умозаключил, что мотивом убийства не было ограбление; что швейцарский консул в Сан-Франциско обрушился на неповоротливость американской юстиции и пригрозил международными осложнениями; что радиостанция Пути Мира намеревается посвятить памяти доктора Шедела получасовую передачу; наконец, что по радио передается призыв ко всем, кто может пролить хоть какой-то свет на таинственный символ, поделиться имеющейся у них информацией. О допросе Курта Росса в полиции не сообщалось ничего, собственно, даже имя его не называлось.

В голове у Мартина, как навязчивая музыкальная тема, звучали слова доктора Эшвина: «Для убийства доктора Шедела сколько-нибудь веского мотива не было ни у кого»; и еще: «возможно, нам следует ждать новых убийств – как минимум одного». Означало ли это, что Эшвин верит в существование некоего маньяка, свободно передвигающегося по Беркли? В таком случае почему этот маньяк должен удовлетвориться лишь одним новым убийством? И при чем здесь какие-то символы?

Мартин допил кофе, потушил сигарету и отложил газеты в сторону – пусть почитают те, кто придет на завтрак позднее. И неторопливо пошел через университетский городок в сторону Ньюмен-Холла. Почти никто из его друзей и знакомых, включая доктора Эшвина, не назвал бы Мартина по-настоящему верующим человеком, но, с другой стороны, никто не мог толком объяснить, почему он никогда не пропускает мессу. Ясно только, что дело тут не в елейных проповедях отца О’Мюра и не в слишком уж тесном братстве прихожан Ньюмен-клуба.

Так или иначе, вне всякой связи с религией, Мартину повезло, что он пошел на мессу в это воскресное утро, ибо там он столкнулся с Синтией Вуд. Уже по окончании мессы, выходя из часовни, он почувствовал на плече чье-то легкое прикосновение, обернулся и увидел Синтию.

– Привет, Син, – улыбнулся Мартин. – Вот уж кого не ожидал здесь встретить.

– Пришлось прийти. Ты куда, в Дом?

– Да.

– Я с тобой.

Отходя от церкви, Мартин заметил садящихся в машину Ремиджио брата и сестру Моралес. Мона обернулась, увидела его, весело помахала рукой и расплылась в улыбке:

– Mañana a las dos²⁵.

Мартин подумал, что допрашивать человека с такой улыбкой будет очень трудно.

Машина отъехала, он повернулся и увидел, что Синтия смотрит на него с немалым удивлением.

– Так ты у нас креолками увлекся? – осведомилась она, приподнимая брови. – Шалун этакий.

– Как это понять – «пришлось прийти?» – спросил Мартин, главным образом для того, чтобы переменить тему. Он вдруг понял, что такого рода подначка, на которую в любом ином случае он бы откликнулся легко и непринужденно, явно ему не по вкусу, когда речь идет о Моне Моралес.

– Снова отец, – лаконично ответила Синтия. – Они с отцом О’Муром... этот славный отец, чтоб ему неладно было, сделал из папаши верующего. И если он не увидит меня после мессы,

²⁵ Завтра в два (исп.).

наверняка донесет папочке – так, между делом, – а там, смотришь, и пособие обрежет. Приходится даже каждую неделю сообщать, о чем была проповедь, иначе не докажешь, что не опоздала.

– Н-да, – понимающе откликнулся Мартин, – должен признать, туго тебе приходится, если надо каждую неделю докладывать, о чем там отец О’Мур вещает. Я-то и во время мессы не могу сказать, про что она.

– В общем, пришлось явиться. Простой ссылкой на нервы от папаши не отвертишься. – Синтия дрожащими пальцами чиркнула спичкой и закурила.

– Представляю, какое это было для тебя потрясение, – неловко проговорил Мартин.

– Потрясение? Что-то, дорогой, сегодня ты не в форме, слабенький у тебя словарь. К тебе в дом заглядывает славный старикан, спрашивает дорогу, а через две минуты ты видишь его мертвым на тротуаре. Потрясение? – Синтия хрипло засмеялась. – Нынче утром все это кажется какой-то невероятной дикостью. Зеленые деревья, светит солнце. Тепло, с моря приятный ветерок дует. Весна, все прекрасно. А где-то на металлической плите лежит этот чудесный старик... может, как раз в эту минуту его накачивают чем-то таким... чтобы не сгнил... не сгнил, как...

– Не будь душой, Син, – на удивление резко оборвал ее Мартин. – Ты сама себя заводишь. Разве это ты виновата в его смерти? И думать про это не надо, ничего хорошего ни тебе, ни ему от этого не будет.

– Ладно, – вздохнула Синтия. – Знаешь, Мартин, так странно в кои-то веки слышать от тебя разумные вещи. Пожалуй, и я попробую последовать твоему примеру. – Некоторое время они шли молча, затем Синтия вновь заговорила: – Мартин, будь хорошим мальчиком, загляни ко мне сегодня чаю выпить. У меня и крем найдется... ой, извини, не хотела каламбурить, но с такой фамилией, как у тебя... Приходи, помоги развеяться. И приводи с собой кого хочешь, лишь бы из моих знакомых. А я приглашу еще Алекса и Мэри, посидим, поболтаем. Мне будет лучше.

– Отличная идея, Син. Когда?

– Скажем, часа в три. Позвонить твоей креолочке?

– Она нынче в Сан-Франциско едет, – поспешно ответил Мартин и тут же осекся, встретив на редкость неприятную улыбку Синтии.

– Ну, тогда приходи с кем хочешь. И будь готов говорить, говорить, говорить и говорить. Я должна слышать, как люди говорят, иначе с ума сойду – в самом буквальном смысле.

Мартин распрощался с ней у входа в Международный дом и увидел, как, прикуривая одну сигарету от другой, она идет в сторону Панорамик-вэй. Ему было жаль Синтию, но совершенно не удивляло то, как быстро при соприкосновении с неприятной действительностью сошла на нет вся ее притворная жизнерадостность. Он еще немного посмотрел ей вслед и вдруг почувствовал голод.

Около трех Мартин вышел из своей комнаты, где трудолюбиво корпел над шекспировской рукописью, и, вспомнив указание Синтии привести с собой кого-нибудь, спустился в главный холл. Заметив проходящего мимо Борицына, он укрылся на минуту за ближайшей колонной, затем вышел и стал прикидывать возможные варианты. Кивнул молодому серьезному китайцу, которого видел на званом ужине и который сейчас мучился над каким-то трудом по экономике; обменялся несколькими словами с долговязой девицей, сидевшей у входа в холл; довольно нелюбезно буркнул что-то знакомому, почитавшемуся одним из главных эстетов в Международном доме.

И уже почти отчаялся найти спутника, как заметил Пола Леннокса; уютно устроившись в кресле, тот небрежно покуривал потерянную было изогнутую трубку.

– Привет. – Мартин присел рядом. – Что-то немного здесь сегодня народу.

– Да, все ушли побродить по холмам, весенним теплом наслаждаются. Я и сам собрался было, да вот зачитался этой новой книгой про альбигойцев. – Пол зажег погасшую трубку. – А ты куда наладился?

– На чай к Синтии. Хочешь со мной?

– Не думаю, – пожал плечами Пол, – что она так уж счастлива будет меня видеть.

– Син сама просила пригласить тебя, – смело соврал Мартин. В конце концов, даже если между нею и Полом действительно есть какие-то мелкие трения, то это только поможет ей отвлечься от мыслей об убийстве и состоянии своих нервов.

– Ну что ж, – равнодушно согласился Пол. – Чашка чаю не помешает. – Трубка благополучно разгорелась. Сунув том про альбигойцев под мышку, он последовал за Мартином. Тот остановился на ступеньках прикурить сигарету.

– Да, Пол, между прочим, – начал он, раздраженно отбрасывая слишком рано догоревшую спичку, – одна небольшая просьба: не заговаривай о докторе Шеделе, ледорубе и... ну, словом, ты понимаешь. У Син и так нервы ни к черту. Просто поддерживай разговор... о чем угодно... чем ты нынче занят... наш спектакль о Дон Жуане... что-нибудь в этом роде.

– Договорились, – сочувственно кивнул Пол.

В этот момент – Мартин как раз раскурил сигарету – на лестницу вышел Уортинг.

– Ага, это ты, старик, – бойко застрекотал он, – и куда же это мы направляемся?

– Чай пить, – не стал скрывать Мартин.

– Как хорошо, что в Штатах все еще есть люди, ценящие эту привычку, а? Я уж и сам собрался выпить глоток где-нибудь здесь.

Мартин не растерялся:

– Может, присоединишься? – предложил он. А что, подумалось ему, болтовня Уортинга вполне может отвлечь Синтию. Ну а бедный Ричард живо откликнулся на предложение, не подозревая, какими последствиями, какими душевными страданиями и чисто физическим страхом окажется чревато это его мгновенное согласие.

На протяжении всего недолгого пути до дома Синтии Уортинг, не умолкая, болтал, а Пол бросал на Мартина укоризненные взгляды. Это был бойкий разговор ни о чем, обильно нашпигованный разного рода междометиями, перемежавшимися время от времени крепким словом, что долженствовало засвидетельствовать, что Уортинг – настоящий мачо.

Перед домом он остановился и, завороченный ужасом, посмотрел на тротуар.

– Бедный старикан, – простонал он. – Подумать только, лежит сейчас... И это пятно. Как ты думаешь, старик, это кровь?

В ответ Мартин заметил, что, с его точки зрения, это собачий кал, но облек свое замечание в безупречно англо-саксонскую форму, что заставило Уортинга слегка поморщиться.

– Право, старик! У меня мурашки по телу. Курнуть не дашь?

Мартин извлек портсигар, и в тот самый момент, как он протянул его Уортингу, на крыльце появилась Синтия:

– Ну что, войдете вы наконец?

Повернувшись к ней, Мартин выронил портсигар и заметил, что тот скользнул под куст, нависающий над крыльцом.

– Заходите, – бросил он спутникам, – а я найду эту штуку и присоединюсь.

Прошло несколько минут, прежде чем Мартин вошел в гостиную. Мэри Робертс тщетно пыталась остановить поток воспоминаний Уортинга о том, как он играл в Канаде в регби, так что появление Мартина оказалось весьма кстати. Это был красивый выход. Грязные следы на коленях безупречно чистых во всем остальном фланелевых брюк, в волосах застряли тонкие веточки. Но портсигар благополучно вернулся на свое место, а в другом кармане еще более благополучно покоилось нечто, болтавшееся до того, как он его увидел, на ветке, с невидимой стороны куста, то, что просмотрела полиция, увлеченная поисками стилета. Теперь Мартин знал, где Курт Росс потерял ключ – знак принадлежности обществу «Фи Бета Каппа».

– Без двадцати, – объявила Мэри Робертс, нарушая внезапно наступившее молчание. Последовала, как обычно бывает в таких случаях, сверка часов и общий гул: как странно, мол, тишина всегда наступает либо без двадцати, либо в двадцать минут чего-то. И снова все замолчали.

– Знаешь, Мартин, – заговорил после паузы Алекс, мужественно решивший подбросить дровишек в потухший костер, – я тут все думаю, что это за пьесу ты написал, что вы ставите в Малом.

– Я бы не сказал, что это моя пьеса. Я просто перевел ее. А написал пьесу испанец, Хосе Мария Фонсека. Последний из романтиков начала двадцатого века. Очень сочная, не без

непристойностей. Озаглавил автор пьесу «Don Juan Redivivo». Роскошное название, но толком перевести его я так и не смог и остановился на «Возвращении Дон Жуана».

– И Пол у тебя звезда? – с некоторым скепсисом в тоне осведомилась Синтия.

– Да, но вместе с тем он ученый-историк. Сейчас занимается исследованием легенды о Дон Жуане.

– Правда? Расскажите нам про нее, Пол! – Не то чтобы Мэри была так уж интересна легенда о Дон Жуане, но из суеверия ей не хотелось, чтобы вновь установилось мертвое молчание на сей раз в двадцать минут чего-то.

Рассказ Пола оказался лаконичным и занимательным. А когда он закончил и налил себе очередную чашку чая, случилось то, чего все так ждали.

– Слушай, Пол, дружище, ты так много знаешь про всякие чудные вещи, может, поделишься, что означает этот символ? – Конечно, это был Уортинг, кто же еще? Только тут, слишком поздно, Мартин вспомнил, что не предупредил его.

– Что за символ? – небрежность, с какой Пол задал этот вопрос, показалась несколько наигранной.

– Что за символ! Какого черта, а то вы все не знаете, – эта бумаженция с рисунком, которую нашли рядом с телом доктора Шеделя.

Ну, все, подумал Мартин. Казалось, у Синтии побелели губы, настолько сильно, будто перекусить решила, она впилась в чашку. Алекс и Пол посмотрели на Уортинга с откровенной враждебностью. Наступила тишина, и никто даже не подумал, что сейчас еще не двадцать, а пять минут чего-то.

Мэри первой прервала молчание.

– О господи, – с усилием заговорила она, – дурака-то валять не надо. Всем известно, что бедняга мертв, как всем известно, каково нам с Синтией было найти его у крыльца этого дома. Так отчего бы не сказать об этом открыто?

Все почувствовали облегчение. Синтия отставила чашку и потянулась за сигаретой. Она выдавила из себя улыбку и, постукивая мундштуком по столу, ровно спросила:

– Ну так как, Пол, поделишься?

– Чем?

– Известно тебе что-нибудь про этот символ?

– Странно слышать от тебя этот вопрос. Весьма возможно, я единственный в Беркли, кому известно, что он означает.

Это спокойное заявление вызвало именно ту реакцию, о которой Пол, возможно, мог только мечтать.

– Ну, не единственный, – поправил его после секундной паузы Мартин. – Есть еще тот, кто направил это послание.

– Не уверен, Мартин. Полагаю, что и ему, вполне вероятно, неведом исчерпывающий смысл Семерых с Голгофы.

При слове «Голгофа» Мартин вдруг понял, отчего рисунок с самого начала навел его на мысль о кресте. Он представил себе геральдическую фигуру, поставленную на три ступени.

– Крест Голгофы, – пробормотал он.

– Вот именно, – подтвердил Пол. – Я молчал, потому что, как справедливо заметила Мэри, валяя дурака. Но уж поскольку все мы сняли табу с этой темы, могу, если угодно, поведать историю этой символики.

Послышался общий гул согласия, за которым последовала мгновенная пауза, когда все зажигали сигареты и трубки, а Мартин машинально теребил в кармане ключ. Пол начал повествование.

– Должен предупредить, – сказал он, – что история эта длинная, рассказывать ее можно до конца дня. Так что, если кто не готов слушать так долго, пусть идет, а еще лучше, бежит к ближайшему выходу. Таковых не имеется? Тогда приступим. Впервые я столкнулся с этим делом, когда прошлым летом занимался одной исследовательской работой в Чикагском университете. Некоторые из вас знают, что меня всегда интересовали ранние, как их называют, христианские

ереси, хотя должен признаться, иные из разысканий неизменно заставляют меня саму Церковь считать павликанской ересью.

– Да благословит тебя Господь, Пол Леннокс, – прервала его Синтия, лукаво подмигнув Мартину как единственному среди присутствующих церковному прихожанину. – Ты явно заслужил приглашение на ужин. Услышь это папаша, ему бы пегие котята за столом померещились.

– Спасибо, Син. Ладно, попиваю я как-то вечером в Чикаго пиво с молодым парнем по имени Жан Штауфахер. Это швейцарец, откуда-то из-под Лозанны, в Чикаго приехал по обмену. Ереси были для него, как и для меня, чем-то вроде хобби. Мы толковали о самых разных сектах, от неминианцев до мандеев, от манихеев до катаров. И вот, кажется, в связи с неминианцами он вдруг спросил, не слышал ли я чего-нибудь о виньярах.

На слух это слово прозвучало как-то необычно, и, наверное, большинство из вас решило, что речь идет о «виноградарях». Так показалось и мне в разговоре со Штауфахером. «Что за виноградарь? – спросил я. – Навуфей?»²⁶

– Да нет же, – сердито ответил он. – Не виноградарь и не виноградари, а виньяры – странная швейцарская секта, названная по имени ее основателя – Антона Виньи. – И он рассказал мне о ней то немногое, что узнал от своего деда, ее члена, павшего впоследствии жертвой вероотступничества. Помимо того он отослал меня к паре имеющихся в университетской библиотеке редких книг, где я нашел несколько подтверждающих его рассказ подробностей.

– Дед погиб, говоришь? – переспросил Мартин.

– Да. Это случилось в тысяча девятьсот двадцатом году, вскоре после плебисцита по поводу образования Лиги наций. Виньяры – а они, как вам вскоре станет ясно, проявляли активность не только в религии, но и в политике – вели тайную кампанию против Лиги. Штауфахер-дед, который уже давно вышел из секты, пригрозил разоблачениями некоторых *sub rosa*²⁷ действий виньяров. Так он подписал себе смертный приговор.

– И как же приговор был приведен в исполнение? – спросил Алекс.

Пол нерешительно посмотрел на Синтию.

– Говори, – настойчиво попросила Мэри. – Надо полагать, его закололи со спины ледорубом.

– Не ледорубом, но, верно, закололи, закололи со спины. Рядом с телом обнаружили знак Семерых с Голгофы. Убийцу так и не нашли.

Уортинг молчал. Слишком долго молчал.

– Слушай, Леннокс, старик, – вклинился он в разговор, – ну и что все это нам дает? Ты тут разглагольствуешь о виньярах, Семерых с Голгофы, дедах там всяких, но на самом-то деле ничего нам не говоришь.

– Терпение, Уортинг, – остановил его Мартин. – Пол просто выстраивает драматургию – мое влияние в духе Макиавелли. Не перебивай его. Пол, ты сказал что-то о двух редких книгах из университетской библиотеки, посвященных этому предмету.

– Да. Это «*Volksmythologie der Schweiz*» Вернера Курбранда и «*Nachgeschichte des gnostischen Glaubens*» Людвига Урмайера. Обе были опубликованы в Германии в конце восьмидесятых годов и с тех пор не переиздавались.

– Прошу прощения, Пол, – проворчал Алекс. – Эти перекатывающиеся немецкие звуки хороши для тебя с Мартином, но и остальным бы хотелось понять, что они означают.

– Хорошо, – улыбнулся Пол. – Итак: Курбранд «Народная мифология Швейцарии» и Урмайер «История гностических верований». Объединив кое-какие фрагменты этих книг – всего лишь второстепенные отсылки – с тем, что поведал мне Жан Штауфахер, я как раз и получил некоторое представление о виньярах. Я сделал тогда огромное количество выписок – старая академическая привычка – и, натолкнувшись вчера в газетах на упоминание о Семерых с Голгофы, естественно, все вспомнил. Ну что за несчастье с этой трубкой, все время гаснет!

Все были настолько заинтригованы, что никто – даже Ричард Уортинг – не сказал ни слова, пока Пол тщательно, пожалуй, даже чуть дольше, чем это было необходимо, раскуривал трубку.

²⁶ См. *Третья книга царств* 21:1.

²⁷ Тайный (лат.).

– Швейцарская история, знаете ли, – заговорил он, наконец, – не такая уж идиллия, как о том можно судить по нынешней безмятежной жизни этой страны. Всякие конфликты возникали, и религиозные, и политические. Тот, о котором говорим мы с вами, корнями уходит в начало четвертого века, когда в Швейцарии впервые утвердилось христианство.

Первым епископам приходилось нелегко. Они были вынуждены не только противостоять язычеству, но и яростно сражаться с гностиками в собственных рядах. Затем произошло нашествие варваров, и христианство в Швейцарии практически исчезло с лица земли – то есть оно перестало быть хоть сколько-нибудь заметно – до тех самых пор, пока в конце шестого века не начал свою миссионерскую деятельность святой Колумбан²⁸.

Однако же на протяжении всего этого времени безусловного с виду господства варваров христианство продолжало жить в подполье усилиями немногих священников и сохранивших преданность вере семей первых неопитов. А поскольку продолжало жить христианство, постольку кое-где сохранилась и гностика.

– Минуточку, Пол. – Это снова был Алекс, чье сознание ученого жаждало точности и ясности во всем. – Я, знаешь ли, не особенно разбираюсь в ересь и тому подобном. Что такое гностика?

– Дорогой мой Алекс, мне и на то, чтобы растолковать, что такое виньярдизм, понадобится если не весь, то большая часть остатка дня, а уж если за гностика браться, придется попросить Син оставить нас на ночь. Но, говоря коротко, гностика некогда зародилась как высокое религиозно-философское учение, основанное на трудах мистика Валентина, которое, однако, быстро выродилось в изрядный набор мифологем, наполовину христианских, наполовину языческих, а в конце концов превратилось просто в обрядовое шарлатанство.

– Спасибо. – Алекс удовлетворенно кивнул. – Продолжай.

– Первоначально доктрина Семерых с Голгофы возникла, судя по всему, в маленьком местечке Альтдорфа, кантон Ури, где сформировалась немногочисленная замкнутая община чрезвычайно сильных в духовном и физическом отношении людей, находившихся под влиянием одного из ранних гностиков. Учение его они понимали не до конца – возможно, он и сам его не вполне понимал, – и с течением столетий создали то, что в какой-то степени может быть названо их религией.

– В формальном смысле это было христианство, хотя и еретического толка – так ведь и мандеи – это формально христиане-еретики, пусть даже Иисуса они называли именем *Нбу* и считали его злым духом. Участники этой урианской секты (тогда они еще не называли себя виньярами) не заходили так же далеко, как их преемники, но уже переместили Христа на какое-то малозначительное место в своей седмице.

– Седмице? – на сей раз удивляться пришла очередь Мартина.

– Должен признать, – недовольно пожал плечами Пол, – что я сам придумал этот термин, он мне понадобился, чтобы доморощенным образом перевести немецкое слово *Siebenfaltigkeit*²⁹. Седмица по отношению к троице – это же самое, что семь по отношению к трем; иными словами, в их пантеоне семь богов.

– И символ это как раз означает?

– Да. Насколько я могу судить, большинство из вас уже поняли, что знак – это не прописная буква F, как объявили газеты, а семерка в европейском ее написании. Ступени же могут иметь два смысла – на этот счет Урмайер и Курбранд расходятся. Первый утверждает, что они символизируют превосходство семерки над тройкой, то есть, виньярской седмицы над христианской троицей. Ну а Курбранд стоит на том, что это указание на Крест Голгофы, установленный на трех ступенях. С точки зрения истории секты, первое предположение кажется более вероятным, однако название – Семеро с Голгофы – подталкивает в противоположную сторону.

– Это официальное наименование секты? – спросил Мартин.

– Так называл ее Жан Штауфахер.

– И кто эти семеро божественных лиц?

²⁸ Святой Колумбан (540–615) – ирландский монах-проповедник.

²⁹ Кратное семи (нем.).

– Тут надо разбираться в мистической космогонии. Кое-какими началами знаний в этой области ты, Мартин, обладаешь, так что наверняка уловишь отчетливые переключки с гностикой. В начале было Нечто – Бог всего, то, что Валентин называет Глубиной. Сектанты, люди слишком невежественные для того, чтобы вникать в суть таких понятий, как Космос, или *Urmacht*, называли это первоначальное Нечто просто Богом. Судя по всему, этот Бог был занят только одним – он думал. Никакого желания творить у него не было. Но однажды – если в такой связи уместно говорить о днях, – ему пришла в голову некая мысль, самому ему не понравившаяся, – мы бы могли назвать ее злой мыслью. Он отбросил ее от себя, и она зажила независимой жизнью и обрела собственную силу.

Имя ей – *Несвятой Дух* – нечто подобное Сатане у христиан. Лишенный разумного начала Несвятой Дух ощутил порыв к созиданию и создал Мир. Более того, в результате неких генетических преобразований у него появился ребенок. Это был Иегова, бог древних евреев, который казался этим простым людям, как, должно быть, и большинству из нас, очень злым и несвятым божеством.

– Два приглашения на ужин... – негромко проговорила Синтия.

– Бог, то есть Бог Изначальный, посмотрел на этот мир, и он ему не понравился. Тогда он выпустил на свободу еще одну мысль, на сей раз добрую, ей предстояло спасти мир. Эта вторая мысль была *Святым Духом*. После продолжительной борьбы с Несвятым Духом у него тоже появилось дитя – *Иисус Христос*. При всей своей добродетельности Святой Дух был наделен хитроумием. Он предложил Несвятому сделку – «я дам своему ребенку умереть, если ты сделаешь то же самое». Сделка была заключена и удостоверена Изначальным Богом, который пошел на это, предполагая, что его Святой Отпрыск затеял какую-то игру. Далее Святой Дух воплотил своего сына так, чтобы тот мог умереть, как человек, и в то же время остаться жить, как бог. Иегова же, так и не обретший плоти, должен был по идее умереть, как бог, хотя каким-то образом, мне, признаюсь, до сих пор неясным, остался частью седмицы.

– Но пока у нас только пятеро, – возразила Мэри, воспользовавшись повисшей паузой.

– Теперь мы подходим к самой важной паре. Увидев, что борьба добра и зла грозит разрушить мир, Бог Изначальный пришел еще к одной мысли. Эта третья мысль была не добро и не зло, а мудрость, и звали ее *София*. Она-то, конечно, и стала Софией гностиков, героиней «Пистис София»³⁰, что и объясняет женский род, в то время как две другие эманации мысли, особенно Святой Дух, – вроде как средний.

Будучи членом семьи Бога Изначального, София, естественно, тоже имела ребенка. Имя ему было дано – *Немо*. Назвав его таким образом, секта значительно, на много веков, предвосхитила Родольфа³¹ и его неминианцев, исходивших из тех же, что и виньяры, положений Писания (*ни единый из смертных не восходил на небеса – никто из смертных не зрил Бога* – и так далее), в котором, по их убеждению, *Немо* вовсе не обозначает *Никто*, это собственное имя. Таким образом, дитя Софии Немо призван примирить добро и зло и предуготовить мир к концу.

Понадобились века, чтобы идея, а быть может, в самых ранних набросках и символ обрели форму. Селяне перебрались из кантона Ури в иные районы Швейцарии и унесли с собой свою необычную веру. Люди тем временем, пытаясь умиротворить детей и Святого Духа, и Несвятого, ожидали явления ребенка Софии. Поначалу считалось, что у Несвятого есть некое имя, которое нельзя ни произнести, ни написать (точно так же подменялось тетраграмматомом³² имя его сына Иеговы), потому и называли его *Aggramatos* – Невыразимый. С годами *Aggramatos* превратился в *Aggratax* и сделался именем собственным. Последняя буква – *x* – отсылает, естественно, к магическим формулам гностиков.

Далее. Поскольку, судя по всему, Святой Дух и Несвятой равны силой, такого рода дуалистическая концепция дала толчок чему-то вроде поклонения дьяволу, каковому было найдено весьма сомнительное соответствие у Луки, ну, там, где евангелист говорит: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным».

– Хотел бы я послушать проповедника, который понимает эту притчу, – заметил Марк.

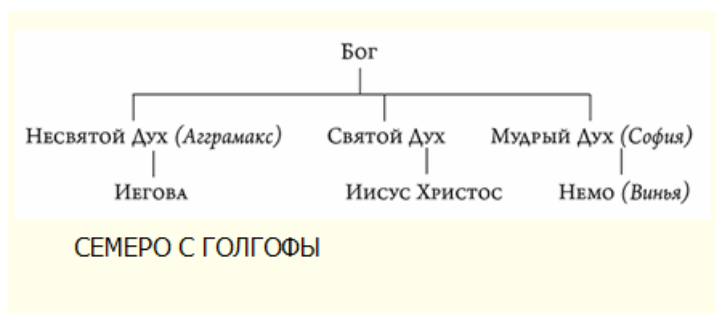
³⁰ Пистис София – гностический христианский текст, датируемый II в. н. э.

³¹ Родольф, Глабер – хронист XI в.

³² Тетраграмматон – в иудейской традиции четырехбуквенное Непроизносимое Имя Бога.

– Все равно вряд ли кто сумел бы перетолковать ее так красиво, как сектанты. Они восприняли ее как прямое указание поклоняться дьяволу со всем, что ему сопутствует, – некроманией, антропоманией и прочими маниями. Так секта и продолжала существовать до конца тринадцатого века, поклоняясь Агграмаксу и Немо, когда, примерно за тридцать лет до событий, связанных с Вильгельмом Теллем, и родился Антон Винья.

Период этот, пожалуй, самый темный в истории Швейцарии, то есть самый загадочный. Вряд ли мы когда точно узнаем, существовал ли в действительности Виггельм Телль и стрелял ли он из лука на горном лугу Рютли. Антон Винья – фигура столь же полулегендарная. Он родился недалеко от Альтдорфа, где мирно проживал до того, как ему исполнилось двадцать семь лет. А потом спокойно заявил, что он-то и есть Немо.

(Диаграмма, составленная Мартином Лэмом на основании разысканий Пола Леннокса)

Затем последовало то, что и должно последовать, когда на землю приходит одна седьмая Бога. Начались чудеса и превращения, зазвучали проповеди, появились притчи и ученики. Винья хорошо заучил Новый Завет и тщательно выстроил свою биографию по образу и подобию Христову, включая даже сорокадневное затворничество – за неимением пустыни ее роль сыграли Альпы. Судья-австриец при поддержке нескольких монахов взбунтовал против него народ, и Винью забили до смерти камнями. Какое-то время толпа продолжала забрасывать его, умирающего, булыжниками, пока вдруг не обнаружилось, что некто неведомый обрушивается на самих палачей. В самое нужное время пошел град, разверзлись хляби небесные – так случилось первое чудо виньяров. Какая-то особенно большая градина – настоящий валун – ударила судью в лоб с такой силой, что он упал замертво. И на всех таких валунах ясно, словно выгравированная кем-то, проступала небольшая семерка.

Винья погиб, но виньяры, главным образом благодаря этому чуду, продолжали жить. В отместку за смерть своего Бога они дали клятву ненавидеть христиан так же сильно, как сами ранние христиане ненавидели евреев. Иные даже присягнули Агграмаксу, призывая его помочь им в борьбе со Святым Духом и его сыном Христом. Они отдали себя делу разрушения, и именно отсюда проистекает их политическое значение.

Виньяры сохранились на ветрах времен, маленькая группа, набиравшая к себе немногих новобранцев извне, в свои связанные общим наследием ряды, но при всей своей немногочисленности именно они поднимали на борьбу или по крайней мере поддерживали большинство поместных движений, разрывающих Швейцарию на части. Говорят, брат Антона Виньи Леопольд бывал в Рютли. Согласно тем же слухам, трое известных странным поведением бургомистров Цюриха – Брюн, Штюсси и Вальдман, – были виньярами. Майор Давель, этот герой-безумец, этот Дон Кихот, отказался присягать Агграмаксу, сделался отступником и поплатился за это жизнью.

С особенно большой охотой виньяры раздували религиозные распри. Они равно ненавидели католиков и протестантов и поддерживали самые противоположные движения, от изгнания иезуитов до Sonderbund³³, исключительно ради того, чтобы столкнуть лбами христиан, имевших хоть какие-то разногласия.

³³ Блок семи швейцарских кантонов, созданный в 1845–1847 годах для противодействия демократическим преобразованиям и объединению страны и выступавший, в частности, как раз против изгнания иезуитов.

– В общем, – заключил он, – виньяров явно нельзя назвать хорошими людьми. Потому мне и не нравится появление Семерых с Голгофы в Беркли.

Снова повисло молчание. Пол Леннокс принялся спокойно набивать трубку. Остальные чего-то ждали. Да уж, глаз эта картина не радует – виньяры и их история. Положим, София и Немо и Агграмакс сами по себе фигуры довольно комические, как и градина с изображением семерки, сразившая австрийского судью. Но доктор Шедель мертв, и Штауфахер-дед тоже, и еще бог знает сколько людей лишились жизни по приговору Семерых с Голгофы. И сколько еще лишатся?

Мартин вздрогнул и потянулся за сигаретой. В кармане он снова нащупал золотой ключик. Ему все стало ясно. В Беркли никаких безумцев-сектантов быть не могло. Как сказал бы доктор Эшвин, это отдавало бы уж слишком ранним Конан Дойлем. Кто-то знал о существовании Семерых с Голгофы и подбросил ключик, дабы пустить следствие по ложному пути. А кто это мог быть? Кто-нибудь из Швейцарии...

– Знаешь, Пол, – заговорил Алекс, – тебе бы стоило поделиться этой информацией с полицией. Там были бы счастливы, если бы кто-нибудь объяснил им этот символ.

– Э, нет, Алекс, я не самоубийца. Если виньяры решат, что я слишком много знаю... нет, не пойдет. К тому же полицейские и без меня докопаются до сути. Вся эта история может быть известна швейцарскому консулу или какому-нибудь еще вроде меня, шкрабу. Хотя я лично, если бы не разговор с Жаном Штауфахером, никогда бы не смог связать воедино то, что прочитал у Курбранда и Урмайера. По-моему, они тоже чего-то опасались.

– Да ты что, старик, – решительно вмешался Уортинг, – это же твой гражданский долг.

– Да неужели? – улыбнулся Пол.

– Разве ты не хочешь, чтобы этого мерзкого гаденыша вздернули?

– Ценой собственной жизни – нет.

– Ну... не... не знаю, что и сказать. – Канадец возмущенно засопел и невнятно выдохнул: – Какого черта, старик, так нужно! – Уортинг неохотно замолчал, но Мартин заметил, что он вроде начинает о чем-то задумываться.

В тот вечер, поужинав, Мартин и Пол долго бродили по холмам. Это была славная молчаливая прогулка, но на всем ее протяжении Мартину не давала покоя одна мысль, и, когда около десяти часов они зашли в «Белую таверну» выпить по чашке кофе с гамбургером, он не выдержал.

– Слушай, Пол...

– Какого черта, – не дал ему договорить Пол, сердито разглядывая белесое содержимое своей чашки, – я заказывал черный кофе. Ой, извини, что ты хотел сказать?

– Я про то, о чем ты сегодня днем рассказывал... Понимаю, ты не хочешь широко обнародовать свои познания, но есть один человек, который бы с удовольствием тебя послушал.

– И кто же это? – дожевывая кусок гамбургера и собираясь отправить в рот следующим, осведомился Пол.

– Доктор Эшвин.

– Почему бы и нет? Полагаю, ему действительно может быть интересна эта новейшая ересь – по крайней мере от Вед отвлечется. Хорошо, согласен, расскажу ему, что знаю.

– Может быть, прямо сейчас и заскочим? Думаю, он еще не лег.

– Отлично, еще несколько минут – и пойдем.

Несколько минут, само собой, растянулись на полтора часа. Тем не менее доктор Эшвин принял гостей со всей сердечностью – с Полом он уже два-три раза встречался, – и выставил бутылку виски, которое у него всегда имелось в наличии. Слушал он с огромным интересом, время от времени вставляя в рассказ беглые замечания. При этом хозяин выкурил бесчисленное количество сигарет, но, пока Пол не поставил в рассказе последнюю точку, от комментария воздерживался.

– Чрезвычайно признателен вам, мистер Леннокс, – сказал он наконец. – Поразительная история. Она на многое бросает свет. А я-то всегда считал, что неплохо знаю историю ересей! Ваш рассказ явно колеблет эту веру. Не могу объяснить, каким образом эта легенда ускользнула от моего внимания. Но история, повторяю, впечатляющая.

– Боюсь, больше, чем просто впечатляющая, доктор Эшвин, – криво улыбнулся Пол. – Не забывайте, главную роль в ней играет Смерть.

– А я и не забываю. – Доктор Эшвин закурил очередную сигарету и начал разливать виски.

– Спасибо, я пас. – Пол накрыл ладонью бокал. – Мне еще надо, пока не слишком поздно, заглянуть к Финчу.

– К Финчу? – не понял доктор Эшвин.

– У Финча Ролтона, – пояснил Мартин, – есть хороший фонограф, а еще он, по слухам, отличается самым лучшим среди мужчин в Беркли гастрономическим вкусом. Но все это еще не объясняет, Пол, с чего это тебе вдруг понадобилось делать такой крюк, только чтобы послушать его.

Пол пожал плечами:

– Я давно обещал вернуть ему проигрыватель, да совершенно забыл.

– Тогда понятно, – с облегчением вздохнул Мартин. – Раз ты идешь к нему не ради мазохистского удовольствия послушать, как он перевирает Маклиша...³⁴ А я, пожалуй, если вы не возражаете, доктор Эшвин, еще задержусь ненадолго. Увидимся завтра на репетиции, Пол.

Пол кивнул, поблагодарил доктора Эшвина за гостеприимство и пошел к Финчу Ролтону, который – если ему доведется прочитать эти строки, – наверное, весьма удивится, узнав, что фигурировал, пусть и косвенно, в расследовании убийства Шеделя.

Эшвин слегка крутанул кресло.

– А что, у мистера Леннокса много пластинок?

– У него отличная коллекция, – подтвердил Мартин, – и к тому же он часто берет пластинки напрокат в библиотеке Сан-Франциско. Его фонограф – это для меня настоящее отдохновение.

– И какая же музыка, – кивнул Эшвин, – его интересует более всего?

– В основном симфоническая и камерная. Но, в общем, практически альбомы пластинок.

– А эстрадная?

– Нет. Боюсь, Пол несколько аскетичен в своих вкусах.

Доктор Эшвин слегка наклонился вперед и залпом осушил бокал с виски.

– Знаете, мистер Лэм, – сказал он, – с моей очки зрения, самое любопытное, что есть в рассказе мистера Леннокса, это как раз аскеза.

³⁴ Маклиш, Арчибальд (1892–1982) – американский поэт.

4. Мартин обвиняет

Мона улыбнулась.

Предчувствия Мартина оправдались в полной мере. Эта улыбка чертовски усложняет положение следователя, лишая его необходимого беспристрастия. Он начал задумываться, зачем вообще решил взять на себя роль детектива во всей этой истории, до которой ему, в общем-то, нет никакого дела.

Однако если бы он не взялся за расследование, то и Мону бы никогда не пригласил посмотреть мексиканский фильм, а засел бы, как обычно, в библиотеке и лишился разом двух удовольствий. Одно – сама картина: нагромождение нестрашных ужасов, на что способны только мексиканцы; другое, конечно, сама Мона.

Обычно такая спокойная и уравновешенная, в кинозале она совершенно преобразилась. В самые драматические моменты она принималась неудержимо дрожать, а когда черные литеры какой-то дьявольской книги превратились в извивающихся подземных червей, стиснула Мартину локоть. Все еще переваривая малопонятные заключительные слова фильма, все еще не избавившись от странного чувства ирреальности, порожденного его безумным сюжетом, Мартин вдруг осознал, что ладонь Моны покоится в его ладони. И была ее ладонь теплой и вполне реальной.

Мона улыбнулась и кивнула в ответ на предложение выпить еще один бокал шерри. Себе Мартин снова заказал пива.

Они сидели в кабинке дешевой забегаловки рядом с маленьким кинотеатром, приходя в себя после ужасов фильма и подкрепляясь перед долгой поездкой на трамвае в университетский городок.

– Не знаешь, чему и верить, – вздохнула Мона. – Странное какое-то чувство оставляет эта картина. Верно в ней муж говорит: «Либо эти мертвые монахи воскресли, либо мы трое пробыли одну ночь мертвыми. Кто знает?»

– А смерть сама по себе странна, – заметил Мартин. – Правда, странная смерть в меньшей степени – две странности взаимно уничтожают друг друга...

Принесли напитки – как раз вовремя, ибо созданный Мартином образ смерти грозил приобрести болезненно причудливые очертания. Мона молча отхлебнула шерри, потом снова заговорила:

– Я видела днем Курта Росса. Он подавлен смертью дяди.

Смерть доктора Шеделя – это не то, о чем Мартин хотел бы говорить прямо сейчас, и он свернул в сторону:

– А как там Лупе Санчес?

– Я виделась с ней в воскресенье. Собственно, за тем и поехала в Сан-Франциско с самого утра. Спасибо, Мартин, ей значительно лучше.

– А что вообще с ней, что-нибудь серьезное?

– Да нет, н-нет. – Кажется, Мона хотела что-то добавить, но передумала. Мартин выждал немного и, решив, что эта тема закрыта, предложил Моне сигарету, закурил сам и вернулся к фильму.

Однако же развивая идеи относительно эстетики фильмов ужасов, Мартин внимательно наблюдал за Моной. Ей явно не терпелось что-то сказать. Выждав еще немного и решив, что момент настал, Мартин поставил точку в своем устном трактате и осушил кружку пива.

– Слушайте, Мартин... – нерешительно начала Мона.

– Да? – Ему не хотелось ее подталкивать.

– Вы ведь дружите с Куртом?

– Ну да, конечно, – ровно проговорил Мартин, почувствовав при этом легкий укол совести.

– В таком случае будьте к нему повнимательнее.

– А я всегда внимателен. – Мартина несколько удивил такой поворот темы. – Как насчет еще одного глотка шерри?

– С удовольствием. – Мартин сделал знак официанту повторить, а Мона, запинаясь, продолжила: – Да нет... как раз не как всегда... по-настоящему... особенно. Ему плохо, и у него так мало друзей! Ремиджио, вы, ну, еще один-другой. А от Ремиджио толку мало, – добавила она с чисто сестринским скепсисом.

– Понимаю, – сочувственно кивнул Мартин. – Его дядя мертв... Лупе в больнице. – Он молча выругал себя за столь откровенное лицемерие.

Теперь Мона не улыбалась, но серьезным ее подвижное лицо казалось еще привлекательнее.

– Ему нужен хоть кто-то, Мартин! А Лупе он навестить не решается – из страха, что его заподозрят...

К неудовольствию Мартина, появление официанта с шерри и пивом не дало ей договорить.

Мона сделала большой глоток, словно собираясь с силами.

– Можно еще сигарету, Мартин? – попросила она. Шерри, а также то, что говорили они по-испански, вопреки обыкновению развязали ей язык. Мона сильно затянулась, выдохнула большой клубок дыма и заговорила:

– Наверное, лучше будет, если я все вам расскажу. Пока это знают только Курт, Лупе и я, но если узнаете и вы, то вам будет легче разговаривать с Куртом. Ничем Лупе не больна.

– Да я уж догадался, – кивнул Мартин.

– Мне так жаль ее. Я знаю, что это дурно, но они с Куртом... они так любят друг друга. Они были так счастливы... А потом она узнала. И у нее не было другого выхода. Одна из приятельниц Лупе сказала, что знает в Сан-Франциско одного доктора – имя этой приятельницы я вам не назову, но она дважды с ней разговаривала. И та заверила ее, что все будет хорошо, никто ничего не узнает. А потом... у нее не оказалось денег.

Мона замолчала и снова потянулась к бокалу. Мартин изо всех сил старался сохранять вид отца, перед которым исповедуется дочь.

– Вы сказали, Мартин, что смерть – странная вещь, – вдруг отклонилась от своей темы Мона. – А для меня не менее странна любовь, и уж точно более страшна. Я думаю про Лупе, и мне не хочется влюбляться. Никогда. Если бы что-нибудь подобное случилось со мной... Ремиджио... не знаю, что бы он сделал. А если об этом узнает генерал...

– Какой генерал?

– Отец Лупе.

Тут Мартин вспомнил. Генерал Помпилио Санчес-и-Ларреда, некогда знаменитый и отважный мексиканский бунтарь, ныне вел вынужденно покойную жизнь в Лос-Анджелесе. Гордый человек, утверждавший, что в его жилах течет кровь как конкистадоров, так и ацтеков, наделенный одновременно энергией завоевателя и благородством покоренного.

– Отчего они не поженились? – напрямик спросил Мартин.

– Лупе обручена с одним давним соратником генерала. Это за него она должна когда-нибудь выйти замуж и вернуться вместе с ним в Мехико. Любой другой брак дочери убьет ее отца.

– Но если нет денег, что делать ей в Сан-Франциско?

– Этого я не знаю. В субботу утром Лупе сказала мне, что все в порядке, она едет к доктору. Это все, что мне известно.

Все сходится, комар носу не подточит, подумал Мартин. Все, кроме того, что Курт Росс – такой добрый, славный малый.

– И ты ведь будешь внимателен к Курту, постарайся ему помочь? – Мартин вдруг с удивлением отметил про себя, что по ходу этого доверительного разговора Мона отбросила формальное *usted* (вы) и стала обращаться к нему на *tu* (ты).

– Исключительно ради тебя, – галантно ответил ей Мартин в той же грамматической форме.

– Не ради меня, Мартин, – покачала головой Мона, – ради него.

– Загляну к нему, как только в Дом вернемся, – пообещал Мартин и с грустью подумал, что хоть это-то правда.

– Хорошо. Ты мне нравишься, Мартин. – И, вставая вместе с Моной из-за стола, он был вознагражден еще одной улыбкой и еще одним мягким прикосновением ее ладони.

Серьезное настроение рассеялось, и они так весело болтали в трамвае на немыслимой смеси английского и испанского, что Мартин совершенно забыл о своих угрызениях совести. Но ключик все еще лежал у него в кармане.

– Я прямо к Курту, – вновь заверил Мону Мартин, прощаясь с нею в холле Международного дома. Но вдохновляющее воздействие ее улыбки быстро прошло, и направился он вовсе не к Курту, а напрямик к себе.

Уныло присев на кровать, он затеял продолжительный и беззвучный разговор с самим собой. Что делать? У него не было ни малейшего желания предоставлять имеющиеся у него свидетельства – ключик, появление явно взволнованного чем-то Курта в пятницу вечером, аборт Лупе – в полицию, не дав ему прежде шанса каким-то образом объясниться. Но, с другой стороны, не может же он просто зайти к молодому швейцарцу и сказать: «Слушай, я более или менее уверен, что убил своего дядю ты, и сейчас мне просто интересно, что ты можешь сказать по этому поводу».

К тому же он все-таки не до конца убежден, что убийца – именно Курт. В противном случае он мог бы бесстрастно изложить имеющиеся у него данные на бумаге, приложить к ним записку следующего содержания: «Завтра это будет достоянием полиции» и дожидаться, пока Курт не доиграет, как принято, партию до конца, то есть совершит самоубийство. Но в том-то и дело, что такой убежденности у него не было.

Ко всему прочему он, черт возьми, не знал, каковы они из себя, убийцы. Когда-то Мартин, шутки ради, носился с теорией, будто всякий на протяжении своей жизни хоть с одним убийцей да столкнулся. Помнится, как-то раз за обедом он шокировал этим утверждением родителей одной своей знакомой. Разумеется, они принялись возражать, но в какой-то момент мать девушки вдруг вспомнила кое-какие странные обстоятельства, связанные с их давнишним соседом, и поведала Мартину совершенно фантастическую – ничего подобного ему раньше слышать не приходилось – историю самоубийства, которого на самом деле не было.

Но сейчас ситуация иная. Речь идет о единомышленнике и довольно близком приятеле... Как если бы убийцей объявили Пола, или Алекса, или его самого. К тому же – и это смущало Мартина более всего – не вписывалось это убийство в характер Курта! Слишком оно тонкое для такого прямодушного человека.

Мартин пожалел, что не осталось у него после недавней попойки ни капли бурбона. Трех кружек пива маловато, чтобы набраться духу и обвинить человека в убийстве.

И тут ему в голову пришла еще одна мысль. А самому-то ему ничто не угрожает? Память – память человека, начитавшегося детективов, – подсказала, что тот, кто, по расхожему выражению, знает слишком много, всегда становится жертвой следующего убийства. Если он, Мартин, даст понять Курту, что ему все известно, не убьют ли его самого еще до того, как он обратится в полицию? Ну и славная ему представилась картинка: лежит он распростертый на тротуаре, не исключено, под знаком Семерых с Голгофы – и затылком ощущает прикосновение ледоруба.

Мартин импульсивно вскочил на ноги, отбросил сигарету и стремительно зашагал по коридору. Он даже не потрудился постучать в дверь Курта, молча открыл ее, шагнул к туалетному столику и, не дав хозяину опомниться, положил перед ним золотой ключик:

– Я нашел эту штуковину и подумал, что она может тебе пригодиться. – С этими словами Мартин круто повернулся, чтобы уйти.

Он бы и самому себе не ответил, зачем сделал это. Просто ему показалось, что так будет проще всего умыть руки и забыть обо всем этом деле. На лице его уже появилось облегченное выражение, когда он почувствовал, что чья-то рука ложится ему на плечо. На мгновение мелькнула дикая мысль: вот она, вторая жертва, – но лицо Курта выражало скорее изумление, нежели гнев.

– Не торопись так, Мартин, – заговорил долговязый швейцарец, – присядь, подожди, пока я оденусь, а потом, может, пообедаем вместе.

– «Пообедаем», – улыбнулся Мартин, – это вряд ли уместное слово, если учесть, чем здесь кормят. Скорее уж, поедим.

– Ну и прекрасно, – кивнул Курт, – присаживайся. – Мартин последовал приглашению, гадая, что за ним может последовать. – Кстати, – с показной беззаботностью поинтересовался Курт, – где ты нашел этот ключик?

– Под кустом.

– Под каким кустом? Где?

– Под тем, рядом с которым нашли знак Семерых с Голгофы.

Судя по выражению лица, это сообщение еще более изумило Курта. Название, казалось, ничего ему не сказало.

– Семеро с Голгофы? – повторил он. – А кто это такие и какое отношение они имеют к моему ключу?

Если это игра, подумал Мартин, Малый театр лишился настоящей звезды.

– Ты ничего не знаешь о Семерых с Голгофы? – спросил он, машинально чертя что-то на клочке бумаги.

– Нет. – Ответ Курта прозвучал совершенно искренне. Но тут он повернулся и увидел, что там изображает на бумаге Мартин. – Это?! – выдохнул он. – Ты об этом? – Мартин кивнул. – Ясно... Ясно... – Курт рухнул в кресло. – Вот оно как выходит. Ты тоже, Мартин... Ты думаешь...

– Что?

– Что это я убил дядю.

Неправильно все получилось, подумал Мартин. Не таков был его расчет. Обвинение прозвучало из уст самого подозреваемого, а юный блестящий детектив-любитель – лишь слушатель.

– Да, – с видимым усилием выдохнул Мартин и удивился, как необычно звучит его голос.

– Полиция меня не удивила. – Курт говорил спокойно, но с явной грустью. – Ведь я для них – некая абстракция, один из возможных вариантов, то, что надо расследовать. Но ты, Мартин... я думал, мы друзья.

Мартин старался выстроить логику рассуждений вполне праведного обвинителя. Ничего не получалось. Он испытывал только одно чувство – жалость к Курту. Высокий молодой блондин больше не напоминал юного Зигфрида. Скорее уж он походил на Зигфрида в годах, на того Зигфрида, который осознает, что Хаген поразил его копьем в самое сердце. А Мартину не хотелось быть Хагеном. Он подыскивал слова, которые могли бы утешить Курта. Вспомнились просьба Моны и ее улыбка.

– Но почему? – спрашивал Курт. – Как ты мог так обо мне подумать?

Мартин забыл все те слова и фразы, что столь скрупулезно подыскивал, и пошел напролом:

– Я не хотел, но так получилось. Я ничего не мог с собой поделать. Все указывало на тебя. Твое странное вторжение ко мне в пятницу вечером – при тебе не было ключа, и я это заметил – потом он нашелся под кустом перед домом Синтии, и символ швейцарский... Одно к одному. К тому же я знал про Лупе...

– Как это – знал? – прервал его Курт.

– Вернее, догадывался, – поспешно поправился Мартин. – По беглым замечаниям, полунамекам, которые слышал то там, то тут. – Он сразу сообразил, что Курту вряд ли понравится откровенность Моны.

– Что ж, мне трудно винить тебя. – Курт поднялся со стула. – Если ты так много знаешь. Больше, чем полиция. Но, Мартин, помимо всего прочего ты знаешь *меня*.

– Вот это-то меня больше всего и смущало. Не похоже это на тебя. Я не мог быть ни в чем уверен. И потому не пошел в полицию.

– Что ж, спасибо. – Курт заметно повеселел. – Извини, ты не сдержался. Я должен был бы сразу поблагодарить тебя за то, что вернул мне ключ. И в знак признательности расскажу тебе сейчас все.

– Все? – Какие еще меня ждут открытия, подумал Мартин.

– Но перед тем как начать... Что это за символ, что ты упомянул? Семеро... с Голгофы? Точно. Семеро с Голгофы. В газетах я ничего подобного не читал.

– А о виньярах ты что-нибудь слышал?

– Нет.

Мартин коротко передал Курту содержание рассказанной Ленноксом истории. В конце ее Курт задумчиво покачал головой.

– Что ж, всякое бывает, – с сомнением проговорил он. – Историю я знаю плохо, а о ересях – вообще ничего. Повторяю, все может быть. Но в любом случае в Швейцарии я ничего не слышал об этих – как ты их назвал? – виньярах и об их Семерке. Не думаю также, чтобы у дяди Хьюго были политические враги.

А теперь послушай, что я тебе расскажу. Ты сказал, что все знаешь про Лупе. Что ж, отдаю должное твоему уму – ты умеешь складывать кубики. По словам Моны, чувствует себя Лупе неплохо. Хотелось бы самому в том убедиться. Мне ее страшно не хватает. Но если кто-нибудь заподозрит, а генерал узнает, что... Ты ведь не выдашь нас, Мартин?

– Можешь мне доверять.

– Хорошо. Ты, верно, знаешь, что я давно люблю Лупе – почти с нашей первой встречи прошлой осенью. Мы с ней... – Курт запнулся в поисках слова и, так и не найдя его, продолжил, поощренный сочувственным взглядом Мартина, – ...с рождественских каникул. Все случилось перед ее отъездом в Лос-Анджелес под самое Рождество. И с тех пор мы вместе. – Курт снова замолк. Он был не из тех, кто легко говорит о своей личной жизни – это не в последнюю очередь и нравилось в нем Мартину, – так что признание явно давалось ему с большим трудом. – О своем положении Лупе узнала месяц назад. Мы оба испугались. Казалось ведь, так осторожны были. И вот... если тайное станет явным, генерал с ума сойдет. И разразится дикий Scandal, и все будет ужасно. Мы не знали, что нам делать.

– Нужно было найти врача... но мы не знали никого, кто бы... сделал, что требуется. А спрашивать Лупе боялась, потому что люди могли догадаться, зачем ей это понадобилось. Потом, как-то вечером, Лупе случайно услышала, как одна девушка – не уверен, что она была вполне трезва – говорит своей приятельнице, что уже два раза удачно выпуталась. Так Лупе узнала имя врача. Мы не сомневались, что врач это хороший, но дорогой, потому что девушка из богатой семьи.

Ну а я тем временем написал дяде, который как раз только что приехал в Нью-Йорк, что мне очень нужны деньги, и попросил одолжить некоторую сумму. Вот что он мне ответил, сейчас покажу. – Курт встал и открыл ящик стола. Мартина охватило нетерпение. Это письмо явно должно пролить свет на мотив убийства.

– Прошу. – Курт протянул ему конверт.

– Lieber Kurt, – читал про себя Мартин, с некоторым трудом разбирая старомодный немецкий слог доктора Шеделя. – Du kannst ja garnicht wissen, wie es mich freut, zum erstenmale in Amerika anzukommen. Die frische Luft dieses freien, friedlichen Landes³⁵... – Мартин иронически улыбнулся и следующие три абзаца, в которых автор послания восхищается безмятежными свободами Америки, пропустил. В докторе Шеделе причудливо сочетались глубокий ум и простодушие. – In Bezug auf Deinen letzten Brief... – прочитал он наконец и сосредоточился. Глаза у него разве что на лоб не полезли.

– «Что касается твоего письма, – продолжал (в свободном переводе) доктор Шедель, – то оно напомнило мне, что в течение долгого времени я оставлял в небрежении дела моего единственного из живых родичей. В полной мере наслаждаясь и письмами твоими, и обществом, я никогда не задумывался о том, что могу оказать тебе какую-либо помощь. Человек я небогатый, но кое-какими средствами обладаю. По-моему, я говорил тебе, что все свое состояние (если столь высокое понятие уместно в данном контексте) я оставляю нескольким швейцарским университетам и благотворительным организациям; часть его пойдет также на создание в рамках университета, где я работаю, шеделевской кафедры Всеобщего Мира (это можно счесть суетным желанием обессмертить свое имя, но, надеюсь, дело того стоит). Так что, даже признаваясь все в том же небрежении, не вижу, как бы я мог изменить завещание и лишить вышеупомянутые институты их доли; тем не менее при жизни я, разумеется, буду делать для тебя все, что в моих силах. Через две недели я окажусь в Беркли, и ты сможешь, если угодно, посвятить меня в

³⁵ Дорогой Курт, нет нужды говорить тебе, как радостно мне побывать впервые в Америке, подышать свежим воздухом этой свободной, мирной страны... (нем.)

подробности, а не хочешь – так и нет нужды. В любом случае прошу тебя воспринимать мою помощь не как заем, а как подарок. Если же она нужна тебе срочно и ждать две недели ты не можешь, телеграфируй мне сюда, в Нью-Йорк».

Дальше в письме пошла речь о расписании лекционного турне доктора Шеделя, и Мартин отложил его в сторону.

– Полиции ты это показывал? – спросил он.

– Да. Там взяли для проверки другие дядины документы, послали их на почерковедческую экспертизу, и специалист оказал мне честь, подтвердив, что письмо подлинное. Только после этого меня отпустили домой.

– Ну да, конечно, – пробормотал Мартин. Письмо устранило любые сомнения насчет мотива, какой мог бы быть у Курта. Если доктор Шедель жив, он всегда может рассчитывать на его финансовую поддержку. Если мертв, у него нет ни малейших оснований претендовать на дядины деньги.

– Наверное, лучше всего будет, – прервал молчание Курт, – если я доскажу тебе все до конца, как и сержанту Каттингу.

– А что, есть еще что-то?

– Ты же не знаешь пока, почему мой ключ оказался именно там, где ты нашел его, – напомнил Курт.

Мартин кивнул. Сочувствие к Курту на какое-то время ослабило его детективную лихорадку.

– Итак, – продолжал Курт, – пятница, вечер. После ужина я переговорил с дядей, и он пригласил меня зайти в половине десятого.

– Знаю, я слышал ваш разговор.

– Ах, вот как? Тебе и это известно? Тогда непонятно, как ты еще до сих пор не отправил меня на виселицу. – Смех у Курта получился вымученный. – Я пришел к нему в назначенное время, мы поболтали немного, а под конец он сказал:

– Курт, это тебе. – Дядя выглядел смущенным и грустным, так, словно ему было неловко дарить эти деньги. В конверте оказалась пачка двадцатипятидолларовых банкнот.

– Я не хочу вмешиваться в твои дела, – сказал он, – решил, что лучше просто дать тебе это. Если хватит, конечно, – добавил он.

– Более чем, – ответил я, – а потом все ему и выложил. Мартин, это очень хороший человек. Он все понимает... Дослушав, он сказал: «Я не люблю смерть, даже когда умирает тот, кто еще не родился. Но, может, это мудрый шаг, если смерть способствует счастью живущих». Он улыбнулся, встал и сказал: «А теперь я пойду прогуляюсь перед сном. Вези завтра свою Лупе в больницу, а потом, когда ей станет лучше, познакомь меня с ней. Мне кажется, она славная девушка, Курт».

– Мне нечего было сказать. Я взял его за руку... и поцеловал ее, как подданный целует руку своего господина. Но именно такое чувство у меня и было. Он был так добр ко мне, и я... Это был последний раз, когда я видел его живым.

Курт замолчал, а Мартин, взволнованный едва ли не так же сильно, как и его приятель, не мог найти слов, которые не прозвучали бы нестерпимо глупо и неуместно. К его удивлению, Курт, выдержав короткую паузу, возобновил рассказ:

– Времени было десять с минутами. Я быстро вернулся к себе и... разрыдался. Потом засунул конверт с деньгами глубоко в ящик письменного стола и тоже пошел погулять. Ходил я по холмам примерно час, а потом пошел назад через Панорамик-вэй. Перед этим, буквально за пять минут, я посмотрел на часы – было около половины двенадцатого.

– В какой-то момент рядом с домом Синтии Вуд я увидел мужчину, несколько походящего на дядю. Впрочем, с уверенностью не скажешь. Он был среднего роста, но сутулился и потому казался совсем маленьким. Дядя же обычно во время своих вечерних прогулок держится прямо. На мужчине был обыкновенный серый костюм. В общем, это мог быть кто угодно, а поскольку он на моих глазах постучался в дверь к Синтии, я на минуту решил, что это, возможно, Алекс. У него есть такой костюм. Я приостановился и вскоре увидел, что мужчина отходит от двери. Я был от него метрах в десяти, шагнул было вперед, а потом... – Курт замолчал. Продолжать он был явно не в силах.

– Ты хочешь сказать... ты увидел его убитым?! – не выдержал Мартин.

– Да! – выдохнул Курт. – Да! Я увидел этого замечательного человека убитым. Кто-то поджидал его за тем самым кустом, под которым ты нашел мой ключ. Он выскочил из укрытия и бросился на дядю. Дядя упал. Все кончилось до того, как я успел сдвинуться с места. Но тут рванулся вперед и вцепился в этого типа. За себя я не боялся, только о дяде думал. Убийца даже не стал пытаться нанести ответный удар. Он увернулся и бросился бежать. Я наклонился к дяде. Он был мертв. Тут я услышал, как из дома кто-то выходит и... о том, что произошло дальше, мне говорить неприятно, даже тебе, Мартин! Гордиться собой не приходится. Но... словом, я испугался. Дядя... лежит мертвый... ничего для него сделать я не могу. Но из дома выходят люди... что они могут подумать, увидев меня? Я повел себя, как дурак, понимаю, но... в общем, я только что в истерику не ударился. Помчался прочь. Бросил мертвым этого чудесного человека и пустился бежать от какого-то дурацкого страха. Минут десять – пятнадцать я не отдавал себе отчета в происходящем. Просто слепо куда-то шел, беспомощно, безнадежно, безумно... Потом все же заставил себя вернуться к людям. Пошел к тебе. Дальнейшее ты знаешь... – Курт подавил что-то похожее на рыдание и замолчал.

– И вот, схватившись с убийцей, ты и обронил ключ?

– Наверное.

– Обо всем этом ты тоже рассказал в полиции?

– Так же, как тебе, слово в слово.

– Каков он на вид, этот мужчина?

– Трудно сказать. На лице у него было что-то вроде маски из носового платка. Он поменьше меня ростом – примерно с дядю, и на нем был серый костюм, почти такой же, как у него. А в остальном – темно было, не разглядишь.

– А почему обо всем этом ничего нет в газетах?

– Сержант Каттинг сказал: «Если я сообщу прессе, что вы видели убийцу, но не смогли опознать его, он будет чувствовать себя в безопасности. Если я вопреки действительности заявлю, что вы его узнали, вы можете оказаться под угрозой. Лучше всего промолчать. Он может занервничать и совершить неверное действие».

Мартин отметил про себя, что сержант Каттинг гораздо умнее, чем может показаться на основании его публичных заявлений, обнародованных в газетах.

– Вот и все, что мне известно, – заключил рассказ Курт. – Не знаю даже, зачем я это все тебе рассказал, Мартин. Сержант Каттинг не одобрил бы такой откровенности. Но ты оказал мне услугу, – он бросил взгляд на золотой ключик, – и мне захотелось отблагодарить тебя.

– Это я должен сказать тебе спасибо, Курт, – возразил Мартин и неловко добавил: – Все это было чрезвычайно интересно. – На самом деле это было гораздо больше, чем просто интересно, только все равно, как ни прикинь, никуда не вело.

Курт взял ключ и прикрепил его к цепочке часов.

– Надо починить, – сказал он, – а то, бог знает, где я в следующий раз его потеряю.

– Остается надеяться, что найду ключ я, а не... – Мартин оборвал на полуслове готовую сорваться с губ бестактность.

– Ну а теперь, может быть, пообедаем, то есть, прошу прощения, поедим? – предложил Курт.

Мартин посмотрел на часы.

– Извини, не получится. Уже поздно, у меня скоро репетиция начинается, времени осталось только на то, чтобы гамбургер перехватить в «Белой таверне». – Он смущенно замолчал и, колебавшись, протянул Курту руку – необычный для Мартина жест. – Что ж, удачи тебе, Курт. Да, и надеюсь, у Лупе все будет в порядке.

– Не сомневаюсь в этом. Я очень доверяю врачу, которого порекомендовала Синтия.

– Синтия?!

– Ой, извини, случайно с языка сорвалось. Пока, Мартин, и спасибо тебе за все.

Что ж, вот оно, стало быть, как все оборачивается, думал Мартин, идя на репетицию. Столь красиво построенная версия полностью развалилась. Коль скоро даже намек на мотив исчез, остальные детали находят вполне естественное объяснение.

И Мартин был рад – от души рад, что чувства его не обманули, оказались верными, а рассуждения ложными. Но если Курт невиновен, то кто убийца? Описание подойдет любому –

мужчина среднего роста в маске. Что это дает? Остаются лишь две возможности, одна – маньяк, другая – агент виньяров. Мартин был вынужден признаться себе, что оба варианта, пусть вероятные, пусть даже правдоподобные, ему не по вкусу. У него имелись некие эстетические представления об убийстве, и под них не подходили ни безумие, ни тайные общества.

Он невольно, хоть к убийству это не имело никакого отношения, вспомнил, как Курт под конец разговора упомянул Синтию. Что за ее абортами стоит Алекс, такой правильный, такой положительный, поверить было трудно. А узнай он про них, что бы, интересно, сказал? Тема для размышлений, ничего не скажешь, соблазнительная, и от убийства отвлекает. Возможно, стоит как-нибудь взяться за детективный роман, целиком построенный на теме отцовства? Нет, пусть будет лучше таинственное изнасилование. В романе будет прекрасная сцена, где шаг за шагом раскрывается преступление, а детектив, как положено, разыгрывает действия преступника.

Несмотря на то, что гамбургер пришлось буквально заглатывать, в Уиллер-холл Мартин немного запоздал. Репетиция уже началась, и Дрексель приветствовал его нельзя сказать, чтобы с почтением, положенным переводчику и одновременно актеру. Пол находился на сцене, как всегда, несколько раздраженный тем, что ему не позволяют исполнять роль с трубкой во рту.

– Наконец-то, Лэм, – нетерпеливо проговорил Дрексель, – в конце концов, это ваша пьеса, так что подключайтесь.

Мартин подключился послушно и так живо, что, целиком погрузившись в своего «Возвращающегося Дон Кихота», совершенно забыл о Семерых с Голгофы и своем к ним интересе. Едва ли он представлял, что в недалеком будущем эти две линии сольются в одну.

5. Ватсон в роли Лотарио

– В своем кратком описании тайны Айлингтона, – заметил доктор Эшвин, – Артур Мейчен утверждает, что вкусы публики капризны и причудливы. Собственно, это подтверждает и наш случай.

Дело происходило в пятницу вечером, ровно через неделю, почти час в час после убийства доктора Хьюго Шедела. Мартин, вымотанный тяжелой репетицией, столкнулся с Алексом, которого долгие часы работы в лаборатории утомили почти так же сильно, и они вместе решили нанести краткий визит доктору Эшвину.

Разговор, который поначалу крутился вокруг таких предметов, как, например, самые смешные из последних высказываний восьмилетней Элизабет или авторитетные суждения Эшвина против идеи перевода на английский шедевров Бравабхути, с неизбежностью пришел к убийству и Семерым с Голгофы. Эшвин, для которого распутать хитросплетения этого местного убийства стало делом едва ли не личного престижа, в данный момент изливал желчь на любителей газетного чтения.

– Убийство доктора Шедела, – рассуждал он, – это убийство незаурядное и мастерски совершенное. Характер жертвы, отсутствие мотива, странная графика на листе бумаги, оставленном на теле, – все это вместе создает на редкость интересный ребус. Между прочим, мистер Лэм, как так получилось, что газеты докопались до истории Семерых с Голгофы? Мистер Леннокс вроде бы был твердо настроен не предавать ее гласности.

– Думаю, это дело рук Уортинга, – сказал Мартин. – У него глаза засверкали, когда Пол заявил, что своя жизнь ему дороже гражданского долга. Помнишь, Алекс?

– К тому же, – добавил Мартин, – ему скорее всего известны газетные расценки.

– Что ж, весьма вероятно, – согласился Эшвин. – А как мистер Леннокс отнесся к тому, что опасные для него сведения были обнародованы, занервничал?

– Я оказался рядом, когда он читал газету, – откликнулся Алекс. – Убедившись, что имя его не названо, Пол вздохнул с облегчением. Но признание швейцарского консула, что он ничего не знает о виньярах, кажется, сильно удивило его.

– По-моему, он подозревает консула в том, что тот сам виньяр, – улыбнулся Мартин. – Эти Семеро с Голгофы становятся для него манией.

– Ясно. – Доктор Эшвин уселся поудобнее на вращающемся стуле. – Тем не менее даже столь романтические откровения не сильно заинтересовали читателей. На протяжении минувшей недели убийство, совершенное с помощью ледоруба, не сходит с первых полос всей здешней печати. Оно по-прежнему не раскрыто, а...

– Вот именно, – грустно кивнул Мартин. – Теперь газеты полностью переключились на другое убийство – в Двурожье.

– А что оно дает человеку, разбирающемуся в убийствах? – вздохнул Эшвин. – Заурядное, хоть и жестокое *crime passionel*³⁶, полностью лишенное тайны и психологических тонкостей. В машине найдено обнаженное тело женщины. Она убита. В пяти ярдах от дороги обнаружена винтовка. Выяснилось, что и машина, и оружие принадлежат некоему женатому господину, по слухам, любовнику убитой. На оружии и остались его отпечатки – мыслимо ли вообразить подобное в век детективных романов! – и, наконец, он сам признается в содеянном. Вот вам и все убийство в Двурожье, и оно занимает журналистов настолько, что они совершенно забывают о Семерых с Голгофы. – Эшвин снова вздохнул и неловко переменил позу. – Господа, – торжественно заявил он, – только еще один бокал виски способен удержать меня от слез при мысли о прискорбном падении нынешних нравов. Кто со мной?

Мартин и Алекс с подобающей ситуации тоской во взоре присоединились к хозяину.

– Лично я вижу этому только одно объяснение, – продолжал доктор Эшвин. – Обнаженное женское тело, обнаруженное в Двурожье, заставляет людей думать не о географии, а о

³⁶ Преступление на почве ревности (*фр.*).

физиологии. Право, похоть превращается в смазочный материал общественного сознания. – Он погрузился в мрачное молчание.

– Доктор Эшвин... – осторожно начал Алекс.

– Да, мистер Брюс?

– Я слышал от Мартина, что вас не оставила равнодушным смерть бедного доктора Шедела. Есть какие-нибудь новые идеи на сей счет?

– Никаких идей, мистер Брюс, разве что некоторые самоочевидные факты. То обстоятельство, что власти эти факты игнорируют, безусловно, вызывает сожаление, ибо отсюда следует, что скорее всего это первое убийство так и не будет раскрыто.

– Первое убийство... – с некоторой тревогой повторил Алекс.

– Давайте посмотрим фактам в лицо, мистер Брюс. Мистер Лэм, наверное, помнит, что мы с ним прошли по краткому перечню возможных мотивов убийства. «Ревность», «месть» и «устранение» мы, исходя из характера жертвы, исключили. Выгоду поначалу отбрасывать не стали – во всяком случае, не стал мистер Лэм – полагая, что ее может извлечь из смерти доктора его племянник Курт Росс. Но тот же мистер Лэм большую часть нашего последнего занятия, которую лучше было бы отдать Махабхарате (суровое выражение, появившееся на лице Эшвина, особенного эффекта не возымело) посвятил аргументации в пользу того, что у мистера Росса ни этого, ни какого-либо иного мотива быть не могло. Эмиссаров же швейцарских благотворительных организаций, которые одни только могли выиграть от смерти доктора, подозревать в убийстве, согласитесь, трудно.

Таким образом, в качестве возможных мотивов остаются «приговор» и «жажда убийства». Приговор мог быть вынесен только виньярами, но у меня крепнет ощущение, что в данном случае богатое воображение и страсть исследователя заставляют мистера Леннокса искать слишком сложные объяснения на основании знакомства с довольно элементарными источниками. Очень жаль, конечно, что упомянутых им работ Урмайера и Курбранда в нашей университетской библиотеке нет. Остается, положим, еще одна, последняя, возможность: убийство совершено маньяком. Но чтобы маньяк, о котором в Беркли никто и никогда не слышал, способен убить едва появившегося в городе швейцарского эмиссара, да еще оставить на месте преступления символику, связанную с историей Швейцарии, – нет, такое предположение представляется слишком смелым. – Эшвин замолчал и потянулся за сигаретой.

– В таком случае что же остается? – не без оснований осведомился Алекс.

– Что остается, мистер Брюс? Остается факт – бьющий в глаза, устрашающий факт – факт в елизаветинском смысле слова – сокрушительный провал всего этого предприятия – тот факт, что убили не того человека.

У Алекса отвалилась челюсть, и он поспешил допить виски. Мартин, чего-то подобного ожидавший, почувствовал тем не менее потребность в очередном глотке.

– Не того? – с трудом вымолвил Алекс.

– Доктор Шедель был мужчина среднего роста, одет неброско, обычно. Ночь, темно, да в Беркли найдется с дюжину таких, кто выглядит точь-в-точь, как он. Убийца просто сделал небольшую ошибку – убил другого. Это вполне объясняет отсутствие мотива, и именно поэтому я говорю, что смерть доктора Шедела – это только первое убийство.

– Вы хотите сказать, что?..

– Я хочу сказать, мистер Брюс, что убийца скорее всего не отказался от своего первоначального намерения и не оставит вниманием намеченную жертву. Каковы бы ни были его мотивы, смерть доктора Шедела их не устранила. Тот факт, что случайное убийство оказалось успешным в том смысле, что убийца по-прежнему пребывает на свободе, лишь послужит дополнительным стимулом для повторной попытки.

– Я не склонен, – продолжал Эшвин, – чрезмерно разделять распространенное суждение, будто убийство порождает убийство – то есть удачливый убийца скорее пойдет на преступление, чем кто-либо иной. Большинство проживают жизнь, не сталкиваясь с серьезной причиной убивать более одного или двух людей. И, совершив это необходимое им убийство, они, на мой взгляд, как раз менее склонны вновь пойти на преступление, нежели те, кто еще не брал в руки оружие. Ну,

всякие там Ландрю и Смиты³⁷, те, для кого убийство стало едва ли не профессией или по крайней мере хобби, – дело, конечно, иное.

Но в данном случае это единственное убийство как раз не было совершено. Кто-то из тех, кого нужно убить, – во всяком случае, с точки зрения джентльмена, принадлежащего Семерке с Голгофы, – все еще жив. Я буду весьма удивлен, если еще одна загадочная смерть в Беркли не вытеснит своим чередом с газетных полос убийство в Двурожье.

– Знаешь, – сказал Алекс Мартину по пути домой, – по-моему, он прав.

Субботу Мартин, у которого в тот день не было репетиции, провел с Моной. Они пообедали вместе – уже в третий раз на этой неделе, – потом отправились на озеро Меррит покататься на лодке. Мартин сидел на веслах, а Мона напевала одну за другой печальные креольские песни и нравилась ему все больше и больше.

Обедали они – на сей раз, по мнению Мартина, такое определение было вполне уместно – в «Капри», заказав, дабы поспособствовать улучшению пищеварения, и не только, бутылку кьянти. Когда дело дошло до кофе с ликером и сигарет – Мартин предпочел бы сигару, но вовремя сообразил, что выглядел бы с ней довольно нелепо, – Мона поинтересовалась:

– А что это за вечеринка, куда ты меня ведешь сегодня вечером?

– У Морриса.

– Это что, идиома такая? – озадаченно спросила Мона.

– Ну да, в Беркли так говорят, – хмыкнул Мартин. – Или, пожалуй, не идиома, а идиотема, если на испанский перевести. Я что, не говорил тебе раньше про Морриса?

– По-моему, нет. А кто это?

– Да я и сам толком не знаю. Не знаю даже, как его зовут. Это довольно состоятельный человек, считающий себя филологом. Живет он в верхней части города, у него очень симпатичный особняк, а работает, вернее, занимается псевдофилологическими изысканиями – в университете. Вечеринки же – это его хобби.

– И часто он их устраивает?

– Фактически не устраивает вообще. Это мы хозяйничаем у него дома. Звонишь ему и говоришь: «Мистер Моррис? Это Мартин. Вы в субботу вечером дома?» Он отвечает: «Да. Почему бы вам не прихватить нескольких друзей и не посидеть у меня?» Вот тебе и вся вечеринка у Морриса.

– Занятно должно быть, – рассмеялась Мона.

И верно – занятно. Когда Мартин с Моной добрались до места, там уже было десять – двенадцать гостей и примерно столько же постепенно подошли по ходу встречи, – к тому времени кое-кто из первой дюжины уже ушел. Компания подобралась пестрая. Синтия и Алекс, Мэри Робертс и некто Чак Уизерс (друзья Мэри ему никогда не нравились, но он нарочно участвовал в их встречах, дабы продемонстрировать свое превосходство), Пол в своем обычном женоненавистническом одиночестве, несколько супружеских пар, в том числе доктор Иван Лешин и его симпатичная жена Таня. Курт тоже был приглашен, но предпочел остаться дома – наедине со своими переживаниями. (Лупе, поделилась Мона с Мартином, встает на ноги быстрее, чем можно было ожидать.) Борицына, напротив, никто не звал, но он все равно пришел.

Появления Моной и Мартина никто особенно не заметил. Играла музыка. Борицын неловко танцевал с Синтией танго. Всем хватало своих дел, чтобы обращать внимание на вновь прибывших.

Рассеянно кивая направо и налево, Мартин пробирался к хозяину, который, не обращая внимания на танцы, объяснял совершенно равнодушному к этому вопросу Чаку Уизерсу этимологию одного из терминов игры в гольф – *stymie*; оказывается, оно происходит от греческого *stigma*, в значение «вина» или «грех». Мартин прервал этот увлекательный монолог, чтобы представить Мону, и Моррис, бросив на нее одобрительный взгляд и спросив: «Виски, вино?», стремительно удалился на кухню.

³⁷ Анри Ландрю, Эрик Смит, Джордж Джозеф Смит – соответственно французский, американский, английский серийные убийцы.

Вскоре он вернулся с виски для Мартина и «Анжеликой» для Моны и почти сразу же вернулся к прерванному разговору. Эта этимология, настаивал он, ясно указывает на то, что грекам был знаком гольф.

Мартин протискивался вместе с Моной сквозь скопление гостей и в конце концов отыскал большую подушку на полу рядом с настезь раскрытым окном. Здесь они и устроились, скорее удобно, нежели изящно. Как раз в этот момент закончился танец и раздались аплодисменты. Кто-то поставил новую пластинку – вальс Штрауса, Wienerblut³⁸. Мартин допил виски, растянулся на подушке почти во весь рост и посмотрел снизу на Мону. Она улыбнулась ему. А он начал декламировать про себя «Небесную подругу»³⁹.

Но погружение в мир прерафаэлитов было остановлено мужским голосом, пожелавшим ему с сильным славянским акцентом доброго вечера. Мартин поднял голову и увидел доктора Лешина, взиравшего на него с улыбкой.

– Привет, – буркнул он, явно не выказывая уважения, какового достоин профессор, преподающий в Беркли по программе обмена. – Наслаждаетесь жизнью?

– Ну да. – Доктор Лешин сверкнул безупречно белыми зубами. – Занятная вечеринка, верно?

– Так обычно и бывает. Никто ни за кем не ухаживает, и всем хорошо. О, прошу прощения. Мисс Моралес – доктор Лешин.

Славянин непринужденно поклонился, отнюдь не пытаясь скрыть мелькнувший в его глазах огонек. Только тут Мартин с некоторым раздражением сообразил, почему гость из Праги подошел к нему. Мона с некоторым смущением улыбнулась в ответ.

– Как миссис Лешин? – с нажимом поинтересовался Мартин.

– Да все отлично. – Доктор Лешин обежал взглядом комнату. – Вон она, веселится вовсю.

Мартин посмотрел в ту же сторону и увидел стройную, ослепительную в своем развевающемся платье Таню Лешину. Она танцевала вальс Штрауса с Полом, которому, судя по виду, это занятие было явно не по душе. Что-то в голосе доктора Лешина позабавило Мартина. Оказывается, если дело касается жены, этот неисправимый ходок вполне способен на ревность – даже к Полу, а скорее – к Штраусу.

– Вы видели последний советский фильм, мистер Лэм, его в Сан-Франциско показывают? – спросил доктор Лешин, с трудом отводя взгляд от танцующей пары, и, услышав отрицательный ответ, пустился в нудный, впрочем, проницательный анализ его достоинств. Речь его, однако, была прервана появлением Борицына.

– О чем это вы тут говорите, доктор Лешин? – спросил аристократ-изгнанник.

– О новом советском фильме. На мой взгляд, это, возможно, самый...

– Доктор Лешин! – Борицын, казалось, был оскорблен до глубины души. – Немыслимо, чтобы человек вашего интеллектуального уровня попался на удочку пропаганды Советов, которой они хотят нас отравить! В моих глазах...

– Мартин... – прошептала Мона.

– Да?

– Если они будут продолжать в том же духе... мне бы еще немного вина.

Незаметно для русских диспутантов, которые быстро разгорячились настолько, что английских слов уже не хватало, чтобы выразить всю глубину чувства, Мартин подхватил бокалы, свой и Моны, и отошел в сторону. По пути он заметил, что очередной несчастной жертвой филологических разысканий мистера Морриса стала Синтия.

Мартин вошел в кухню, завертел головой в поисках спиртного и наконец увидел выстроившиеся в ряд бутылки. Наполняя бокалы, он почувствовал на плече прикосновение чьей-то ладони, обернулся и увидел, что это Синтия.

– Сигареты не найдется? А то у меня кончились. – Он охотно протянул ей пачку. – И уж раз ты все равно виночерпием работаешь, может быть, и мне нальешь?

– «Анжелику»?

³⁸ Венская кровь (нем.).

³⁹ «Небесная подруга» – первое стихотворение Д. Г. Россетти (1828–1882), английского поэта и живописца, одного из основателей «Братства прерафаэлитов».

– Да боже упаси. А что, твоя креолочка «Анжелику» предпочитает? – Синтию передернуло. – Нет, мне бурбон. Неразбавленный.

Дождавшись, пока бокалы будут наполнены, Синтия подняла свой: «За филологию!» – и залпом опорожнила его. Мартин последовал ее примеру.

– Уф! – выдохнула Синтия. – По часам десять минут, а по ощущению десять часов я слушала лекцию о том, что слово *bosom* (грудь) того же происхождения, что и слово *besom*, потому что швабские крестьяне были плоскогруды и, чтобы расширить объем груди, дышали через соломенную трубку. Какое счастье, что я не швабская крестьянка! – Она не без удовлетворения скосила взгляд на свою пышную грудь.

– Ты не одна, кого это радует, – осторожно подхватил Мартин.

– Очень мило с твоей стороны, дорогой. Я и не думала, что ты обращаешь внимание на такие вещи. Подумать только, неужели этот деятель действительно верит в весь этот словесный мусор!.. Слушай, Мартин, – Синтия внезапно круто сменила тему, – тебе нравится миссис Лешин?

– Я почти не знаю ее. Был у них дома не больше одного-двух раз. Хозяйка она хорошая... как будто неглупа.

– Ты же знаешь, что я не про это спрашиваю. Как она тебе как женщина – привлекательная?

– Ну, это что кому нравится. На мой вкус, пожалуй, немного худощава.

– Худощава? Да что же ты за человек, Мартин, всегда всем угодить хочешь! Худощава? Да она просто худышка, кожа да кости, она... швабская крестьянка! – Синтия налила себе еще виски и, довольная своим *mot juste*⁴⁰, залпом выпила.

– Что-то я не пойму... – Мартина удивила эта внезапная вспышка.

– Мартин, дорогой, а ты вообще когда-нибудь что-нибудь понимаешь? Ладно, беги к своей креолочке, она заждалась «Анжелики». А тетя Синтия пока побудет тут наедине со своим бурбоном.

Вытянув вперед руки с полными бокалами, Мартин вернулся в гостиную. Какая-то добрая душа, нашедшаяся посреди всей этой толчеи, следила за граммофоном, твердо придерживаясь одного и того же репертуара: Штраус-Легар-Кальман. Обнаружив, что подушка у окна опустела, Мартин поискал глазами вокруг и увидел Мону вальсирующей с доктором Лешиным. Это его раздосадовало: следующим чувством было досада на эту досаду.

– Ну и что ты обо всем этом думаешь, Мартин? – услышал он голос Алекса.

– Я думаю, – едва не сорвался у него с языка, – что тебе стоило бы пойти на кухню и позаботиться о том, чтобы Син перестала валять дурака, – но он сдержался – не его это дело – и просто спросил:

– Обо всем – это о чем?

– О фантазиях твоего любимого доктора Эшвина, – ответил вместо Алекса Пол.

– Я как раз рассказывал Полу, – пояснил Алекс, – об идеях, что развивал вчера вечером доктор Эшвин.

– Мне они кажутся довольно разумными, – пожал плечами Мартин.

– Разумными? – Пол с особенной силой запыхтел трубкой. – Дорогой мой Мартин, это тебе не детективный роман. Жизнь одними только логическими построениями не вычислишь. Если что-то кажется разумным, но на самом деле представляет собой фантазию, то тут и рассуждать не о чем.

– И все же мне кажется, что в его словах может заключаться правда, – спокойно возразил Алекс.

– Ну, наши мнения вряд ли так уж интересуют убийцу, – заключил Пол. – Бесплодный спор.

За весь вечер это было единственное упоминание об убийстве, и все же Мартина не покидало ощущение, что в этом кратком обмене репликами сквозил важный смысл, который ему никак не удавалось ухватить. Быть может, утешал он себя, все дело в бурбоне.

Музыка оборвалась, и он увидел направляющуюся в его сторону Мону. Доктор Лешин, галантно поцеловав даме руку, поспешил на выручку жене, которую, судя по жестикации, Борицын втянул в очередную дискуссию по поводу упадка русского балета.

– Спасибо, Мартин. – Мона взяла протянутый ей бокал. – Пошли присядем где-нибудь.

⁴⁰ Точное слово (*фр.*).

Подушку у окна успели занять Чак и Мэри, но они пристроились на полу подле рояля.

– Мартин, ради бога, – серьезно сказала Мэри, потягивая вино, – не оставляй меня больше с ним одну, даже если я попрошу принести мне еще бокал.

– А что, он такой зануда?

– Нет, нет, вовсе не зануда. – Мона помолчала. – Просто мне не нравится танцевать с ним. Он... он неважно танцует...

Мартин кивнул. Ему уже приходилось слышать такого же рода отзывы о докторе Лешине, и он молча выругал себя за то, что бросил Мону, пусть и по ее же просьбе.

Какое-то время они сидели, не говоря ни слова, а просто покуривая, попивая вино и слушая музыку. Незаметно ладонь Моны скользнула в ладонь Мартина, и девушка вдруг встрепенулась.

– Потанцуй со мной, Мартин, пожалуйста.

– Видишь ли, танцор из меня ужасный, так что...

– Неважно. Просто я вижу, что сюда идет этот твой русский профессор, и...

Доктор Лешин выглядел слегка растерянным. Он немного опоздал, и ему оставалось лишь наблюдать, как Мартин делает с Моной первый тур вальса. Это был удивительный вальс Кальмана «Сари», и его колеблющийся ритм наполнил Мартина чувством какой-то необычной отрешенности. Пол, заметил он, снова танцует с Таней Лешинной, а ее мужа заарканил хозяин – не иначе как на предмет выяснения некоторых вопросов славянской филологии. Доктор Лешин тоскливо оглядывал гостиную, останавливаясь на каждой привлекательной девушке и между делом тщетно пытаясь рассеять давнее заблуждение мистера Морриса, уверенного в том, что финский язык – всего лишь диалект русского. Мартин смеялся и бодро покачивался в ритм музыки. Он купался в атмосфере интернационального веселья, коего ингредиентами были американский бурбон, венгерская музыка и боливийская улыбка.

– Мартин, – прошептала Мона, мягко прикасаясь к нему щекой, – ты был прав, танцор из тебя никомушний.

Радость прошла. Мартин остановился и застыл с комически-скорбным выражением лица.

– Извини. – Мона негромко рассмеялась. – Но ведь так оно и есть, – и словно смягчая свои слова, добавила: – Может быть, выйдем, подышим свежим воздухом?

Что верно, то верно, свежего воздуху и впрямь не хватало. Как ни распахивай окна, в помещении, где, не переставая, дымит как минимум дюжина курильщиков, дышать трудно. Взяв Мону за руку, Мартин повлек ее наверх и через какую-то нежилую комнату вывел на узкий балкон. Вечер был прохладный. Луны не видно, но особенно ярким казался здесь, на вершине холма, где не было раздражающего света уличных фонарей, блеск звезд. По заливу скользили паромы, вдали угадывались огни Сан-Франциско. Снизу, из гостиной, доносились приглушенные звуки вальса.

– Красиво-то как, – вздохнула Мона. – И лишь из красоты печаль...

Мартин повернулся к ней. При свете звезд ее оливковая кожа приобрела цвет слоновой кости, а волосы – черного янтаря.

– А твоя красота, Мона... это тоже печаль?

– Давай помолчим, ладно?

Так они сидели, не говоря ни слова, глядя на дрожащее поблескивание далеких огней, и в какой-то момент Мона запела. Это были «Четыре кукурузных поля», самая, как часто думал Мартин, печальная из мексиканских народных песен. Сливаясь с тревожным медленным ритмом вальса, печаль эта, казалось, обволакивала их:

...toditito se acabó. ¡Ay!..

Мартин взял Мону за руку. Рука была холодна и безжизненна.

...ni hiedras, ni flores. Todito murió...

Тут голос Моны поднялся до мольбы, звучащей во второй части:

...Me prestaras tus ojos, morena,

en el alma los llevo que miren alvá...

Ее чуть приоткрытые губы казались темными при свете звезд. Под легкой тканью платья обозначились маленькие груди.

*...los despojos de aquella casita
tan linda y bonita...*

Мартин почувствовал, что ее пальцы постепенно согреваются в его ладони.

*...lo triste que está...*⁴¹

Он поцеловал ее. На мгновение ее губы прижались к его губам, словно растворенное в песне сильное чувство перетекло в поцелуй. Но уже в следующий миг она отстранилась и с упреком посмотрела на него.

– Мартин... – Он сделал движение в ее сторону, но она жестом остановила его. – Ты ведь не любишь меня, Мартин...

– Нет, – честно признался он. – Но разве это имеет такое уж важное значение? Ты мне нравишься. Ты такая милая, славная, очаровательная...

– И я тебя тоже не люблю, – продолжала Мона, будто не слыша его. – А без любви целоваться нельзя.

Это показалось Мартину явным преувеличением, но возражать он не стал.

– Лучше уж то, что сделала Лупе... что она сделала по любви, чем такая малость, как у меня, но без любви. – Мона снова замолчала. – Мартин, мы друзья?

– Ну, конечно!

– Тогда идем в дом.

Она протянула ему руку.

Вернувшись в гостиную, Мона с Марином по обоюдному согласию разделились. Она пошла танцевать с Чаком, а он поплелся в кухню.

Там он обнаружил Пола. С неизменной трубкой во рту, он слушал разглагольствовании Синтии, которая оставила всякие попытки казаться трезвой. Ее речи с приходом Мартина оборвались, но он успел понять, что сосредоточены они были по-прежнему на мальчишеской фигуре Тани Лешинной – тема, судя по всему, не давала ей покоя.

Пол встал и побрел в гостиную.

– Твоя очередь, Мартин, – бросил он напоследок. – Синтии определенно надо перед кем-то выговориться.

Не говоря ни слова, Мартин плеснул себе в бокал виски. Его раздирало детское желание набраться, чтобы доказать самому себе, будто сцена на балконе его ничуть не задела.

– В чем дело, Мартин? – в одно слово проговорила Синтия, видя, с какой убежденностью он заливает в себя спиртное.

– Ни в чем.

– Да нет, что-то случилось. Скажи Синтии, что.

– Все в порядке, отстань.

– Смотри-ка, сердится! Славный добрый Мартин сердится! Уж не в креолочке ли дело? Мне она показалась симпатичной девочкой, Мартин. А ты что же, повел себя как-то не так? Надо бы ей было предложить выпить бурбону, с «Анжеликой» ничего не добьешься.

Мартин вновь наполнил бокал.

– Хорошая мысль, Мартин. Давай-ка еще по одной. За тебя, за меня и еще за... Нет, только за нас двоих. Итак, за... за... словом, за!

⁴¹ Всешеньки закончилось, увь! Ни травинки, ни цветка... Всешеньки умерло... Ты одолжишь глаза твои, смуглянка... И понесу я их в душе своей... И пусть глядят они по ту сторону руин того домика, такого красивого и славного... Ах, как грустно...

Они выпили одновременно. Мартин издал нечленораздельный звук. Бурбон был отнюдь не высшего качества.

– Нечего кривиться, Мартин! Хорошее виски. Или мы не в настроении? Да нет! Нет! Тысячу раз нет! – И Синтия, безбожно фальшивя и перевирая слова, громко запела популярную песенку про Арчи и Мехитабль – таракана и кошку.

Мартину становилось получше. Бессмертный дух Мехитабль постепенно овладевал им.

– Какого дьявола, Арчи! – воскликнул он. – *Toujours gai*, малыш, *toujours gai*!⁴²

– Дама всегда остается дамой, – в тон ему подхватила Синтия. – Еще по стаканчику? А?

Дальнейшее – за одним большим исключением – запомнилось Мартину смутно. Сколько еще времени они с Синтией провели на кухне, знает один только бог. Впрочем, приблизительно подсчитать можно, исходя из объема бутылки виски, каковую они твердо решили опустошить до дна и решение свое успешно осуществили. Незадолго до этого на пороге появилась Мона. Мартину показалось, что произошло это в тот момент, когда Синтия учила его танцевать танго – в результате чего оба, истерически хохоча, рухнули на пол.

– Мартин, я ухожу, – сообщила Мона, даже не улыбнувшись.

С превеликим достоинством Мартин встал на ноги.

– Одну минуту, – пьяно-торжественно промямлил он, – сейчас найду свое кальто и папку и провожу тебя...

– Мартин, – захихикала Синтия, – ты сказал: кальто и папку.

– Ну и что в этом смешного?

– Кальто и папку!

– А-а, понял. Действительно, глупо. Я никогда не ношу папку. Занятная оговорка, Мона. И все же, если ты дашь мне минуту, чтобы я поискал кальто...

– Не стоит твоего беспокойства, – негромко ответила Мона. – Мистер Борицын приехал сюда на машине, он отвезет меня домой. Если угодно, поехали с нами; впрочем, не хочу портить тебе удовольствие.

И она вышла из кухни.

Следующее, что хоть сколь-нибудь ясно вспомнилось Мартину, когда наутро он попытался восстановить события минувшего вечера, было громкое исполнение «Городской таверны» под аккомпанемент Мэри. Далее – смутный образ Алекса, какого-то усталого и несчастного, а также залитое краской лицо девушки, которую Мартин видел впервые, – она возвращалась с балкона, где у нее было свидание с доктором Лешиним.

Затем еще один головокружительный миг, когда, оказавшись в коридоре, ведущем из гостиной, Мартин и Синтия натолкнулись на миссис Лешину, которую кто-то упорно и страстно целовал. К тому времени доктор Лешин уже остановился блуждающим взглядом на том объекте, что занимал его, при всей ревности, больше жены, и та, видно, решила и сама немного позабавиться. В первый момент Синтия презрительно фыркнула, недовольная, вероятно, тем, что нашелся кто-то, заинтересовавшийся швабской крестьянкой; а затем с изумлением – как и Мартин – вытаращилась, убедившись, что уединился с Таней не кто иной, как обычно столь правильный Пол Леннокс. Трубка его куда-то исчезла, и он азартно входил во вкус происходящего.

Через какой-то трудно определимый промежуток времени Мартин оказался с Синтией на балконе. Этот эпизод разительно отличался от первой сцены в этом же интерьере. На сей раз не было никаких дискуссий на тему любви – одни лишь поспешные сладострастные поцелуи и жадные ласки. Мартин плавал в набегающих одна на другую волнах бурбона, что не помешало ему с удовольствием ощутить вкус явно не швабских гранатов.

Ласки Мартина становились все более настойчивыми, Синтия дышала все тяжелее.

– Милый, – простонала она, запуская пальцы в его растрепанные волосы. – Пол, милый... Пол...

На какой-то миг Мартин, к собственному недоумению, совершенно протрезвел. Пол... Это имя было бессознательным и автоматическим откликом Синтии на любовные ласки. Ладони Мартина перестали блуждать по ее телу, губы сомкнулись, и в голове замелькали обрывки слов и эпизодов,

⁴² Веселее, веселее! (фр.)

объясняющих, быть может, подобную реакцию. Их было немало. Выпады Синтии против Тани Лешиной... беглый разговор Пола и Алекса в начале вечеринки... Два визита Синтии в Сан-Франциско к врачу...

Синтия, почувствовав, что ласки оборвались, стали выражать сему свой протест на отборном биллингсгейтском⁴³ жаргоне.

На балконе возник Алекс и забормотал что-то в том смысле, что пора ехать домой. Мартина это весьма порадовало. Он был напуган, но чем – вспомнить так и не смог.

Как выяснилось впоследствии, домой их всех отвез Чак Уизерс, а до постели Мартина довел Алекс. И никто – Мартин прежде всего – так и не осознал, что сам же он создал некий прецедент, свидетельствующий, что опьянение и вытекающая из него похоть могут оказаться бесценной нитью для будущего доктора Ватсона.

⁴³ Биллингсгейт – большой рыбный рынок в лондонском Ист-Сайде.

6. Избыточное алиби

Все это происходило в субботу. Воскресенье же, естественно, стало самым кошмарным днем в жизни Мартина. Проснулся он вскоре после полудня, и голова у него гудела, как пустой котел. Будильник, как выяснилось, свое отзвонил, но сна ни в коей мере не потревожил. Мартин пропустил мессу, а во рту... впрочем, ни одно из привычных уподоблений, включая пустыню Сахару или мотоциклетные краги, в данном случае не подходили.

Мысли путались. Ясно было только одно – он должен извиниться перед Монай. Одеваясь, он перебрал несколько возможных вариантов покаяния, но, когда более или менее привел себя в порядок при помощи устрашающего количества кофе и томатного сока (разбавленного уорчестерским соусом), обнаружилось, что Мона уехала в Сан-Франциско (скорее всего, навестить Лупе, подумал Мартин) и не вернется до конца дня.

По дороге в библиотеку Мартин столкнулся с Полом, выглядевшим почти так же безобразно, как он, и Алексом, не преминувшим выразить неудовольствие теми, кого приходится силком укладывать на ночь в кровать. Эпизод получил литературное завершение. Мартин в полном отчаянии погрузился в чтение и в один присест проглотил от начала и до конца роман Гуцкова⁴⁴.

Коль скоро дело приняло такой оборот, Мартин решил увенчать этот ужасный день посещением воскресного ужина в Международном доме. Он выслушал все выступления и лишь затем удалился к себе, лег и почти сразу погрузился в благословенный сон.

В понедельник он уже чувствовал себя лучше, более или менее спокойно перенес скучнейшую лекцию Хагмана о «Молодой Германии»⁴⁵, ради которой, собственно, и корпел накануне над романом Гуцкова, и к тому времени, когда надо было идти на занятия с доктором Эшвином, пришел в свою обычную хорошую форму.

После того как перевод фрагмента из «Махабхараты» (не чрезмерно, надо признать, удачный, ибо Мартин к нему должным образом не подготовился) был закончен, он, бесповоротно решив, что субботнего вечера и воскресного дня просто не существовало, затеял оживленную дискуссию по поводу сравнительных достоинств изображения бессмертного обитателя квартиры на Бейкер-стрит в романах и новеллах.

Приблизительно через час доктор Эшвин взглянул на часы:

– Очень жаль, мистер Лэм, но у меня назначена встреча, иначе я пригласил бы вас пообедать вместе. Откровенно говоря, мне нужна ваша голова на предмет получения некоторых специфических сведений. Не могли бы вы заглянуть ко мне нынче вечером?

– У меня репетиция. Премьера назначена на пятницу, и неделя мне предстоит весьма и весьма тяжелая.

– А на полчаса после репетиции?..

– Не слишком ли будет поздно?

– Ничего страшного. То есть, если это вас не слишком беспокоит.

– Да нет, ничуть.

– Вот и хорошо. И пожалуйста, мистер Лэм, приходите один.

Мартин в некоторой растерянности кивнул.

Остаток дня получился суматошным. Сначала лекция доктора Лешина, на протяжении которой профессор, что немало смущало Мартина, бросал на него заговорщические взгляды – мол, мы, мужчины, понимаем друг друга; затем продолжительный, почти на всю вторую половину дня, разговор с Дрекселем и художником по костюмам; далее торопливый ужин, в течение которого Мартин тщетно пытался отыскать Мону; и вот репетиция. Это была первая репетиция в декорациях и костюмах, прошедшая, как обычно бывает в таких случаях, довольно нервно.

⁴⁴ Гуцков, Карл (1811–1878) – немецкий писатель, автор романа «Уриэль Акоста» (1846).

⁴⁵ «Молодая Германия» – группа писателей либерального направления, во главе которой, наряду с Гейне, стоял Карл Гуцков.

Единственным положительным фактом было то, что Пол Леннокс умудрился сыграть, как нужно, сцену смерти.

Уставший, как собака, Мартин тем не менее без колебаний отправился к доктору Эшвину. Не говоря ни слова, он рухнул на стул и с благодарностью принял от хозяина заблаговременно наполненный бокал виски.

– Выглядите уставшим, – заметил доктор Эшвин.

– Ваша любовь к констатации очевидного известна, но это уж даже для вас слишком. – Мартин залпом опорожнил бокал, закурил сигарету и полуприкрыл глаза.

– Извините, что беспокою, когда у вас и без того масса дел, – продолжал Эшвин, – но, видите ли, я все думаю и думаю про убийство. Вы сами, мистер Лэм, втянули меня, и чувство у меня сейчас такое, будто я должен предложить бокал виски трезвеннику, испытывающему скрытую склонность к алкоголизму. Вы меня испортили.

– Mea culpa, – вздохнул Мартин.

– Если не считать обычных учебных занятий, сейчас я особенно ничем не занят, что радует. Былые занятия переводом практически оставил, ибо на санскрите не осталось ничего из того, что, с одной стороны, было бы достойно перевода, а с другой – соответствовало моим возможностям. Таким образом и получилось, что проблема убийства открыла мне поле для работы, и теперь я уж и остановиться не могу.

Эшвин замолчал, и Мартин устало промышал нечто похожее на вопрос.

– Вы, наверное, удивлены, отчего я так настойчиво приглашал вас зайти сегодня. Видите ли, мне нужны факты, факты, связанные с людьми, и, я надеюсь, вы можете мне в этом смысле помочь.

– «Кто есть кто в Беркли, или Свод занимательных фактов в помощь туристу». Давайте, спрашивайте. – Мартин уселся поудобнее.

– Вы должны извинить меня, – закончил вступление Эшвин, – если я, следуя методу Сократа, использую вас в качестве соучастника своих рассуждений. Иными словами, мне нужен э-э... свой доктор Ватсон.

– Кукла-марионетка, – поправил Мартин.

– Ваши переходы от языка восемнадцатого века, мистер Лэм, к языку театральной периодики, вроде журнала «Вэрайети», который вы мне однажды показывали, не перестают меня поражать. Ладно, продолжим. Насколько я понимаю, во время нашей последней встречи мы сошлись на том, что доктор Шедель стал, по всей вероятности, несчастной жертвой ошибки. Такая версия все еще кажется вам правдоподобной?

– Вполне. И Алексу тоже. Ваша аргументация произвела на него сильное впечатление, и он даже затеял с Полом спор по этому поводу.

– Ах, вот как? – Доктор Эшвин не скрывал заинтересованности. – Выходит, мистер Леннокс не находит мои доводы убедительными?

– Ни в малейшей степени.

– Вот-вот, мистер Лэм, это как раз хороший пример того, в чем я рассчитываю на вашу помощь. Но вернемся пока к нашей логической цепочке. Если доктор Шедель действительно был убит по ошибке, то возникает естественный вопрос: а кто же в действительности должен был стать жертвой? Если мы это узнаем, найти убийцу будет гораздо проще.

На мой взгляд, есть три возможных объяснения ошибки. Пойдем шаг за шагом и просто их перечислим. Первое. Убийца, давно задумавший расправиться со своей жертвой, случайно сталкивается с доктором Шеделем, выходящим из дома мисс Вуд, и делает свое дело прямо на месте. Второе. Убийца тайно следует за жертвой, выбирая наилучшее место, чтобы нанести удар; но ночные блуждания жертвы случайно пересекаются с прогулочными маршрутами доктора Шеделя, и убийца начинает преследовать не того человека. Третье. Убийца поджидает жертву в укрытии, рядом с домом мисс Вуд. Я что-нибудь упустил?

– Да нет как будто, – не мог не признать Мартин. – Иное дело, что я могу оспорить любую из предложенных вами версий. Насколько я понимаю, это от меня и ожидается?

– Слушаю, – с готовностью откликнулся доктор Эшвин.

– Ну что ж... Что касается пункта первого, то ситуация представляется крайне маловероятной. Согласен, в темноте доктора Шеделя можно спутать с кем угодно, вид у него совершенно обычный, но только в том случае, если у вас есть определенная причина считать его кем-то другим – например, нужным вам человеком, о котором вы знаете, что он должен оказаться именно в это время именно в этом месте. Так что случайное столкновение исключается.

– Верно, – кивнул Эшвин, – и такое же возражение, как видите, может быть выдвинуто против версии номер два. Если убийца случайно сбился с пути, не пустит в ход оружие, если только доктор Шедель не сделал чего-то такого, что сделал бы нужный ему человек.

– Иными словами, – прервал его Мартин, – ведете вы к следующему: убийца, кем бы он ни оказался, именно намеченную жертву предполагал увидеть выходящей из дома Синтии в этот час.

– Совершенно верно. Теперь вам должно быть понятно, мистер Лэм, о чем мне хотелось расспросить вас. Кто, с вашей точки зрения, мог бы удовлетворять этому условию и в то же время походить в достаточной мере на доктора Шеделя?

– Давайте прикинем... – Мартин задумался. – Конечно, из мужчин чаще всего навещает Синтию Алекс Брюс. Рост у него примерно тот же, что и у Шеделя. Больше того, Курт сказал мне, что, увидев дядю выходящим от Синтии, в первый момент принял его за Алекса. – Доктор Эшвин взял это имя на заметку. – Регулярно к ней из мужчин больше никто не ходит, а так – многие из нас заскакивают, даже в поздний час. Если не ошибаюсь, ростом Пол Леннокс даже больше доктора Шеделя, нежели Алекс. Они с Синтией не так-то уж и близки, но... – Мартин оборвал себя на полуслове. Он совершенно забыл сцену на балконе и случайные признания Синтии. Теперь все это вернулось в его сознание, столь внезапно, сколь и властно.

– Продолжайте. – Доктор Эшвин держал карандаш наготове. – Кто еще?

– Есть несколько человек – но все они не подходят по росту. Уортинг слишком мал, да к тому же едва знаком с Синтией. Курт и Чак оба долговязые и широкоплечие. Борицын тоже высок и худощав. Ну, конечно, остаюсь еще я...

– Мистер Лэм, – с упреком проговорил Эшвин, – не такой уж я пурист и ваши лингвистические упражнения готов принять. Но не принимаю, не принимаю решительно вашу привычку непременно самому втягиваться во все переделки. Тем не менее надо, наверное, и ваше имя вписать. – Что он неохотно и сделал.

– Правда, есть одно обстоятельство, – упрямо гнул свое Мартин, – свидетельствующее против меня. Я не ношу шляпу. Доктор Шедель носил. Пол и Алекс тоже время от времени надевают.

– Важное наблюдение, мистер Лэм! Помимо всего прочего оно освобождает меня от необходимости спрашивать, кому, собственно, могло понадобиться убивать вас. Больше никто из возможных кандидатов не приходит в голову?

– Иногда Синтию навещает отец. Рост у него примерно подходит, но слишком уж грузен. К тому же так поздно он у нее, по-моему, никогда не бывает, да если и приходит, то не пешком.

– Таким образом, в списке у нас остаются только двое: Алекс Брюс и Пол Леннокс. Рад отметить, что с обоими я знаком. И все же, мистер Лэм, хотелось, чтобы вы рассказали о них все, что знаете.

Мартин наполнил бокал и немного помолчал.

– Ну что ж, начнем с Алекса Брюса. Возраст: двадцать шесть лет. Национальность: американец шотландского происхождения. Политические пристрастия, если это имеет в наше время хоть какой-нибудь смысл, – демократ. Конфессия: пресвитерианец, но в церковь не ходит. Род занятий: химик, научный сотрудник Калифорнийского университета. Ученые степени: бакалавр, магистр. Характер: спокойный, однако решительный. Спортивные увлечения – плавание, теннис. По слухам, обручен с Синтией Вуд. Удовлетворены?

– Не вижу, чем бы это могло так уж мне помочь, – заметил Эшвин, – впрочем, продолжайте.

– Теперь Пол Леннокс. Возраст: двадцать восемь лет. Национальность: американец неясного происхождения. Политические пристрастия: никаких. Конфессия: отсутствует. Род занятий: преподаватель истории в Калифорнийском университете. Научные степени – бакалавр, магистр. Характер: насмешлив, замкнут, немного скрытен. Спортивные увлечения: велосипед, шахматы.

– С точки зрения чистой фактуры, – констатировал доктор Эшвин, – эти краткие сведения, мистер Лэм, несомненно представляют большую ценность, но они едва ли помогают понять, зачем убивать что одного, что другого. Деньги у них есть?

– Насколько я знаю, нет, только зарплата.

– И явных врагов тоже, иначе вы бы их наверняка упомянули. Таким образом, мы вынуждены снова вернуться к мисс Вуд. Расскажите, пожалуйста, об их отношениях с ней.

– Как я уже сказал, Синтия с Алексом проводят много времени вместе и на первый взгляд неплохо ладят. А вот с Полом у нее на людях отношения не особенно складываются.

– На людях?

Мартин заколебался было, но потом рассказал о событиях субботнего вечера, то есть, насколько это было прилично и насколько он мог вспомнить.

– Так что, – задумчиво произнес Эшвин, дослушав Мартина, – мы можем с известной долей определенности утверждать, что мисс Вуд изменяет Брюсу с Ленноксом, а Леннокс, своим чередом, слегка ухаживает за женой этого профессора – вы совершенно правильно сделали, мистер Лэм, не назвав его имени.

– Похоже, так, – согласился Мартин.

– Значит возникает множество мотивов. Ревность становится причиной многих преступлений, даже убийства на Твин Пикс, – печально признал Эшвин. – И Брюс, и ваш безымянный профессор вполне могли из ревности желать смерти Ленноксу. Да и сама мисс Вуд тоже.

– Но ведь во время убийства с Синтией была Мэри Робертс, – возразил Мартин.

– Верно. Если мне не изменяет память, в тот вечер мисс Вуд пригласила ее к себе домой – по причинам, которые так и не нашли убедительного объяснения. Так?

– Так.

– В таком случае мы имеем первый пример того, что можно было бы назвать «избыточным алиби». Но к этому я вернусь позже. Те факты, что вы только что изложили, мистер Лэм, позволяют предполагать, что и у мистера Леннокса были причины желать смерти мистеру Брюсу.

– Чтобы Пол убил Алекса? Но зачем ему это? Если Пол пользуется благорасположением Синтии и в то же время крутит амуры с замужней женщиной, к чему ему убивать того, кого в обществе считают женихом Синтии? Напротив, он для него – хорошее прикрытие.

– А тут, мистер Лэм, у меня возникает искушение поразмять кое-какие мысли, не опирающиеся на те или иные известные факты, однако же вполне напрашивающиеся с точки зрения логики. К сожалению, я наделен от природы достаточным тщеславием, чтобы не хотеть показаться смешным, но недостаточным для того, чтобы чувствовать себя всеведущим и безупречным в своих построениях детективом. Именно по этой причине мне не хотелось бы сейчас развивать свою теорию, а ну как в свете фактов она окажется полным абсурдом? Тем не менее, мистер Лэм, позвольте мне привлечь ваше внимание к двум фактам, касающимся отца мисс Вуд. Он очень богат, и он фанатик католической веры.

С глубокомысленным видом Мартин кивнул, хотя в его сознании два эти факта ни к каким теоретическим умозаключениям не вели.

– Я пришел к этой мысли, – продолжал доктор Эшвин, – будучи почти уверен в том, что преступник – мистер Леннокс, а намеченная жертва – мистер Брюс. Начнем с того, что вспомните, вы сами говорили мне, что в ту пятницу вечером мистер Брюс должен был быть у мисс Вуд, но заработался в лаборатории и забыл о свидании. Получается, что любой, знавший о нем, а, по вашим же словам, Пол Леннокс знал, мог, естественно, предположить, что он будет уходить примерно в то время, когда произошло убийство.

– Послушайте, – прервал его Мартин, – если вы хотите выставить убийцей Пола, то должен вам сказать: этого просто не может быть. У него безупречное алиби!

– И вот поэтому, мистер Лэм, я и подозреваю мистера Леннокса.

– Как это?

При всей склонности подшутить время от времени над театральными пристрастиями Мартина доктор Эшвин в полной мере наслаждался драматическим эффектом своих слов. Он не спеша допил виски, вновь наполнил бокал, закурил. И лишь затем, выдержав паузу, сказал:

– В повседневной жизни, мистер Лэм, любое алиби – чрезвычайно большая редкость. Как правило, мы совершенно не можем доказать, где находились в тот или иной час. Возьмем, к примеру, время убийства доктора Шедела: шестое апреля, пятница, одиннадцать часов тридцать минут вечера.

Не буду следовать вашей дурной манере переходить на себя, ибо так уж получилось, что у меня как раз есть более или менее надежное алиби. В десять часов я попрощался с Элизабет и поехал к себе в гостиницу; добраться в Беркли из Сан-Рафаэля за полтора часа, не умея, как я, водить машину, не говоря уж о том, чтобы управлять самолетом, – согласитесь, это больше похоже на чудо. Но заметьте, даже в этом случае алиби не высчитывается с точностью до минуты. Займемся теперь другими персонажами. Вы, мистер Лэм, были один у себя в комнате, пили бурбон (никогда не мог понять вашей странной привязанности к этому сорту виски) и дочитывали «Убийства в поезде». Ваше алиби никем подтверждено быть не может. Курт Росс тоже в одиночестве прогуливался по холмам. Алекс Брюс пересекал студенческий городок, направляясь в Международный дом из химической лаборатории. Каждый из вас троих, какие бы доказательства противоположного вы ни приводили, вполне мог оказаться на Панорамик-вэй (мистер Росс в действительности был там). Но есть человек, чьи передвижения могут быть хронометрированы до минуты, и зовут этого человека Пол Леннокс. Я сразу, когда вы рассказали мне о событиях того вечера, разметил их во времени. Вы уверены в точности ваших часов?

– Поставил их по радио, после ужина. И вообще они врут не более чем на минуту в неделю. К тому же Мэри Робертс говорила мне, что и они с Синтией поставили в тот вечер часы по радио, и было это в половине одиннадцатого.

– Хорошо. Давайте посмотрим. – И Эшвин протянул Мартину запись.

22.45 (приблизительно). Лэм направляется в комнату Леннокса.

23.20 (точно). Лэм выходит из комнаты Леннокса. Леннокс смотрит на будильник, он немного отстаёт, и Лэм, сверившись со своими часами, указывает ему на это.

23.28 (точно). Доктор Шедель спрашивает мисс Вуд, который час и как пройти к гостинице.

23.30 (приблизительно). Доктор Шедель отходит от дома мисс Вуд, и его тут же убивают (время подтверждается также рассказом Курта Росса).

23.40 (точно). В комнату Лэма входит Леннокс. Он обращает внимание на время, которое ушло у него на перепечатку рукописи.

23.42 (приблизительно). В комнату Лэма входит Брюс. Леннокс выражает удивление, что он не у мисс Вуд.

23.45 (приблизительно). В комнату Лэма входит Курт Росс. Он чем-то сильно взволнован.

– Ну как, более или менее верно?

Мартин кивнул.

– Да, согласен, время между одиннадцатью двадцатью и одиннадцатью сорока выпадает у Пола. Этого вполне достаточно, чтобы дойти до Синтии и вернуться назад. Но в таком случае он должен был точно знать, когда от нее уйдет Алекс. А возлюбленные ведь не по часам прощаются.

– Верно. Но это не такое уж неопровержимое возражение.

– Думаете? Тогда вот вам еще одно, посильнее. Все это время, с одиннадцати двадцати до одиннадцати сорока, я слышал, как Пол печатает с сумасшедшей скоростью. Стены у нас, знаете ли, тонкие, и не может быть сомнений, что звук доносился из комнаты Пола. Вы, конечно, можете сказать, что у него был сообщник, и это он сидел за машинкой, – но такое уж слишком. Любой сразу бы сообразил, в чем тут дело, ведь время убийства известно с точностью до минуты.

– Ничего подобного я не утверждаю, мистер Лэм. Я просто обращаю ваше внимание, что алиби в данном случае не вполне безупречно. На этот счет у меня есть еще одна теория, возможно, вы сможете ее подкрепить. Но об этом позже, а сейчас перед вами все факты, на которых я основываю оба свои предположения. Что касается второго, то, имея в виду вашу привязанность к театру, она должна показаться вам особенно привлекательной.

Какое-то время Мартин сидел молча.

– Коротко говоря, – заговорил он наконец, – ваша мысль сводится к следующему: по какой-то – какой именно, я гадать не берусь, – причине Пол Леннокс решил убить Алекса Брюса и обеспечил себе ложное алиби, коему я стал невольным свидетелем. А как насчет Семерых с Голгофы? Думаете, Пол выдумал всю эту историю?

– Да. Это ложный след. Вполне возможно, как я и говорил во время нашего первого разговора, он был составлен изначально, чтобы вынудить следствие гадать о мотивах убийства и личности загадочного убийцы. А когда выяснилось, кто на самом деле стал жертвой, Леннокс состряпал эту фантастическую историю, достоверность которой с ходу не проверишь.

– В таком случае почему вы не пошли в полицию?

– Потому что это еще не все. Леннокс действовал гораздо более тонко. Если бы он сразу выдал свое желание сделать легенду достоянием гласности, ее достоверность могла бы вызвать сомнения. Вот он и поведал ее всего пятерым знакомым, взяв с них обет молчания сразу после того, как полиция обратилась к жителям с просьбой поделиться имеющейся информацией. Однако трудно предполагать, что хотя бы один из этой пятерки не проговорится!

– И вы считаете, что он все еще не отказался от своего первоначального намерения?

– Считаю. Но мало ли что я считаю. Ясных доказательств, способных убедить полицию, у меня нет. У меня нет даже особенных оснований, чтобы предупредить мистера Брюса о грозящей ему опасности. Все, что я могу сделать...

– Да?

– Все, что я могу сделать, мистер Лэм, так это попросить вас не спускать глаз с этих двух джентльменов и следить за возможным развитием ситуации. Оставайтесь рядом с ними, пожалуйста, побольше, чем обычно.

– Что касается Пола, сделать это в ближайшее время будет нетрудно. У нас каждый вечер репетиция, да и ужинать мы, наверное, будем вместе. Словом, начиная с шести и до самого сна мы вместе. А Алекс всю вторую половину дня проводит в лаборатории.

– Ну а я, – улыбнулся Эшвин, – чувствую себя Иеговой, направляющим ангела-хранителя с заданием следить за потенциальными опасностями и потенциальными жертвами. Должен сказать, вы представляете собой довольно любопытный экземпляр ангела-хранителя, мистер Лэм.

– А что, ангелы-хранители скотч пьют? – улыбнулся Мартин.

Ушел Мартин от Эшвина приблизительно через полчаса в состоянии тревожного недоумения. Обвинения, выдвинутые им против Пола, казались вполне правдоподобными, даже неоспоримыми; в любом случае Пол лучше подходит для роли хитроумного убийцы, нежели Курт Росс. И все же Мартина не оставляло чувство инстинктивного протеста против того, что убийцу ищут среди близких ему людей. Глупо, конечно, и все же... В любом случае он призвал себя к максимальной бдительности в своей новой ипостаси ангела-хранителя.

У входа в Международный дом он, к большому своему облегчению, столкнулся с живым и здоровым Алексом Брюсом.

– Привет. К Синтии заглядывал?

– Да, – отрывисто бросил Алекс.

– Что, сцену заката? А то что-то вид у тебя неважный.

– Что-то в этом роде. И отчасти это твоя вина, Мартин. Мы из-за субботних дел повздорили.

– Прости, Алекс, глупо, конечно, с моей стороны было...

– Ладно, забыли. Я тебя не виню за игры на балконе. Почему бы тебе, в самом деле, не заняться любовью с Синтией? Тем более что ты был бы далеко не один.

Они сели в лифт и поднялись на свой этаж, не говоря больше ни слова. Мартину это было только на руку, он был слишком смущен, чтобы вести какие-то разговоры: ведь ангелов-хранителей обычно не бранят за амур.

Направляясь к себе в комнату после столь насыщенного вечера, Мартин обдумывал версию Эшвина, которая казалась ему все более убедительной, хоть и весьма неприятной. Таким образом, Мартин вторично оказался во власти более или менее удовлетворительной версии гибели доктора Шедеа; и на сей раз он даже близко не испытывал прежнего внутреннего сопротивления собственному выводу.

Но все это, разумеется, было до второго убийства.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Мартин рассчитал время написания мною последнего предложения так, чтобы оно совпало с тем моментом, когда мы сходили с трамвая.

– Я так и думал, Мартин, что ты держишь в рукаве второе убийство, – заметил я. – Что же нам теперь, ждать появления достаточного числа новых жертв, после чего список подозреваемых сократится до одного?

– Не уверен, что такая стратегия сработает в данном случае, – возразил он. – Не торопись, имей терпение. К тому же не забывай, я вовсе не пытаюсь выстроить некое повествование наилучшим образом, все, о чем идет речь, случилось на самом деле, было со мной. А теперь давай немного помолчим, что-то я устал работать языком без продыха.

По правде говоря, я тоже немного утомился и был совсем не против короткого перерыва. Мы шли в молчании, глаза на ярко расцвеченные витрины итальянских магазинов и уворачиваясь время от времени от столкновения с каким-нибудь юным фашистом – любителем скоростного бега на коньках.

В конце концов мы удобно устроились в кабинке ресторана «Фаворит», заказали по коктейлю, и, изучая меню, я спросил:

– Ну, как, отдышался?

– Да ты у нас какой-то ненасытный, Тони!

– Это просто естественное любопытство, впервые ведь встречаюсь с Ватсоном. – О том, что я уже начал прикидывать в голове романские возможности повествования Мартина, я предпочел не говорить.

– Ну и как я тебе в роли Ватсона?

– Гм-м, – задумчиво промышал я. – Немного необычно. Странно видеть сомневающегося Холмса и откровенно заблуждающегося Ватсона.

Принесли напитки, и мы снова погрузились в изучение меню. Официант принял заказы, и Мартин вернулся к разговору:

– Ну а Эшвин?

– Если бы я сам как-то не столкнулся с ним в Беркли, то сказал бы, что он выглядит слегка идеализированным. Ему следовало бы родиться где-нибудь в восемнадцатом веке. Так и ждешь, что он в каждую фразу будет вставлять обращение «сэр».

– Готов поставить на то, что угадал, кто убийца? – Мартин лукаво посмотрел на меня.

– Я не доверяю тебе, Мартин.

– Да брось, Тони, я с тобой играю по-честному. Все рассказываю, то есть то, что известно Эшвину и мне. По-моему, я даже не пытаюсь сбить тебя с толку ложными намеками. Итак, кто убийца?

– Меня всегда тянет, – покачал я головой, – выбирать наименее подозрительное лицо – если не считать, конечно, детективов, врачей и дворецких, которые всегда вне подозрений, а не видно, каким образом ты можешь их задействовать. Кроме Эшвина и тебя самого, под подозрением все. Положим, Курта и Пола можно исключить, слишком уж настойчиво ты выталкиваешь их в центр. Дальше – кто? Алекс? Доктор Лешин? Знаешь, Мартин, если убийцей окажется кто-нибудь вроде Уортинга или Борицына, я, хоть ты нынче мой гость, заставлю тебя заплатить за ужин.

– Повторяю, я играю по-честному, – сказал Мартин.

Официант принес закуски и дымящуюся супницу и застыл в ожидании. Мартин понял его смысл и посмотрел на меня.

– Ну как? – спросил он.

– Как – что?

– Заказывать вино после пива будем?

Я пожал плечами. Никак не могу запомнить последовательность.

– *Bier auf Wein ist nicht fein*, – продекламировал Мартин. – *Wein auf Bier Rat' ich dir*⁴⁶ – Официант, бутылку шабли. – Это единственный способ запомнить, – добавил он, поворачиваясь ко мне.

Вино принесли, разлили по бокалам, и я произнес тост:

– За Неизвестного Убийцу! А теперь, – добавил я, когда мы опустошили бокалы, – продолжай, хотелось бы все же знать, за кого мы пили.

– Отличный суп, – невпопад заметил Мартин. – Ладно... Мы остановились на понедельник. После этого и до генеральной репетиции ничего особенного не произошло...

⁴⁶ Пиво на вино – человек говно. Вино на пиво – человек диво (нем.).

7. Сцена с удушением

Генеральная репетиция была назначена на вечер в четверг, из-за чего Мартину пришлось хладнокровно отменить все назначенные на этот день семинары и провести его с Дрекселем в аудитории Уилера. Обычная предпремьерная суэта: последние изменения в декорациях, вопросы, связанные с правильным наложением грима сообразно характерам персонажей, мелкие детали костюма и бутафории. Без авторитетного «визирования» переводчика Дрексель ничего этого решать не хотел. Мартин нашел такой подход лестным, но утомительным и вздохнул наконец с облегчением, когда в четыре часа дня режиссер объявил репетицию законченной.

Все эти заботы вынудили Мартина совершенно пренебречь своими обязанностями ангела-хранителя, но он слишком вымотался, чтобы испытывать по этому поводу какие-либо угрызения совести. Однако же, выходя из театра, Мартин столкнулся еще с одной проблемой, которую тоже упустил из виду, сосредоточившись на своем «Возвращении Дон Жуана». На залитых солнечными лучами каменных ступенях сидела Мона Моралес.

Она была одна и, казалось, полностью углубилась в себя. Мартина Мона заметила лишь, когда он подошел вплотную и окликнул ее. Она с некоторой неловкостью поднялась и посмотрела на Мартина с таким смущением, какого он не замечал в ней за все время знакомства. Последовала пауза, грозившая растянуться до бесконечности. Мартин подыскивал нужные слова, способные разрядить обстановку. Они не находились, но, к счастью, в них и нужда отпала. Мона неожиданно улыбнулась и протянула руку:

– Вот и снова увиделись, Мартин.

Мартин с благодарностью ответил на рукопожатие. Простой улыбки вполне хватило, чтобы все встало на свои места.

– Я весь день работал с Дрекселем, – сказал он, – и сейчас едва держусь на ногах. Может, по чашке чаю выпьем? Извини, мы в студенческом городке, так что ничего более существенного предложить не могу.

– С удовольствием. Как насчет «Черной овцы»?

– Отлично. – Они разом шагнули и тут же в смущении остановились: Мартин неохотно отпустил ее руку, так естественно покоившуюся в его ладони.

Чай оказался вкусным, как и коричные бублики, которые Мартин предпочел коричному тосту.

– Нет такого ресторана, – поучительно, в стиле, как он с удивлением убедился, сильно напоминающем эшвиновский, заговорил Мартин, – нет такого ресторана, где умели бы готовить коричные тосты. Секрет состоит в том, чтобы готовить их не в тостере, а в жаровне, поджаривать хлеб только с одной стороны, и уж потом добавлять масло, сахар и корицу. Так получается отличная глазурь. Это мой собственный рецепт, – добавил он, и в голосе его отдаленно прозвучали интонации Белого Рыцаря. Увы, весь его величественный вид стремительно растворялся в прямом холодном взгляде Моны. Мартин уткнулся взглядом в коричный бублик с такой сосредоточенностью, какую не оправдывало даже радующее глаз наличие орешков.

Мона заговорила. Голос ее был так же ровен и холоден, как взгляд.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, Мартин, и вижу, что ищешь, как бы лучше к этому подобраться. Не надо. В этом нет нужды.

– Не понимаю... – Мартин удивленно посмотрел на нее.

– Да все ты понимаешь. Вот что ты хочешь сказать: «Мона, я повел себя, как последний болван. Извини меня, пожалуйста». Ну или какую-нибудь еще глупость в том же роде. Так вот, не надо. Что это значит – простить кого-то? Если человек тебе нравится, то с чего обращать внимание на подобную ерунду? А если не нравится... то какое это вообще имеет значение?

Мартин все никак не мог подобрать нужных слов – нечаятая, следует признать, для него ситуация. Он доел коричный бублик, глотнул чаю, который оказался гораздо горячее, чем думалось, достал сигареты и протянул пачку Моне.

– Ты очень добрая, – сказал он.

– Спасибо. То есть спасибо за сигареты, а не за комплимент. Я не добрая, я благоразумная. Ты мне нравишься, и я говорю это прямо, чтобы ты не беспокоился. – Спасибо, – повторила Мона, прикуривая от поднесенной им спички. – Признаю, я была немного... раздражена. Возможно, если бы мы увиделись в воскресенье утром, я бы говорила с тобой не так, как сейчас. Поэтому и избегала встречи. Я себя знаю, я тоже могу быть дурой, да еще какой. Но сейчас все прошло.

Мартин молча пил чай. Он был до глубины души благодарен Моне за то, что она избавила его от необходимости разыгрывать покаянную сцену, но так и не находил слов, чтобы эту благодарность выразить.

– К тому же, – с легкой улыбкой продолжала Мона, – я не забыла сцены на балконе. – Нет, нет, – поспешно добавила она, увидев, как встрепнулся Мартин, – ты неправильно меня понял. Я хочу сказать... ты в тот раз остановился, когда я тебя остановила. Не всегда так бывает. Месяца два назад... это было очень неприятно, Мартин, один молодой человек остановиться не захотел... – Ее голос понизился чуть не до шепота. – Что-то разговорилась я. Это длинная история, Мартин, длинная и малоприятная. И ты ее не услышишь, пока не познакомишься со мною поближе.

– В таком случае я точно услышу ее, – заявил Мартин с решимостью, удивившей его самого.

Чай не помешал Мартину весьма сытно поужинать. Он знал, какой ему предстоит напряженный вечер, и решил подкрепиться как можно основательнее. Ужин несколько затянулся, Мартин опаздывал, но когда он торопливо пересекал Большой Зал, его перехватил Алекс.

– Эй, что за спешка?

– Сейчас уже почти без четверти, а к семи я должен быть загримирован и одет. Из этого, разумеется, не следует, будто мы начнем вовремя. Привет, Син, – несколько небрежно бросил он.

– Удачи, Мартин, – откликнулась Синтия. – Ужасно жалко, что я не смогу быть на спектакле. На конец недели масса деловых свиданий назначена.

– У меня тоже, – подхватил Алекс. – Правда, это не столько деловые свидания, сколько публичная демонстрация всяких склянок и реторт. Так что мы тут подумали... может, ты поможешь нам попасть на генеральную?

– Почему бы и нет? Правда, Дрексель может поднять шум и выбросить вас из зала, но может и обрадоваться возможности проверить спектакль хоть на какой-то публике. Ничего не могу гарантировать. Между прочим, я пригласил на генеральную Мону, она тоже не попадает на спектакль.

– И тебе жалко, что твоя креолочка не станет свидетелем твоего триумфа, – злорадно улыбнулась Синтия.

– Да, – просто ответил Мартин. Это лучше, чем упражняться в остроумии. – Можете пристроиться где-нибудь в глубине аудитории. Скорее всего, мы начнем между половиной восьмого и восьмью. – Кивнув на прощанье, он зашагал в аудиторию.

Мартин задумчиво потрогал бородку. Отражение в зеркале подтвердило, что все на месте, и все равно не покидало ощущение невероятной искусственности. Мартин взял ножницы, немного подровнял бороду с одной стороны и снова посмотрел в зеркало. В этот момент в небольшую классную комнату, отведенную временно для театральных нужд, вошел Пол Леннокс.

– Ну как, теперь лучше? – поднял голову Мартин.

– Трудно сказать. – Пол опустился в кресло с одной ручкой и извлек трубку откуда-то из глубин своего камзола шестнадцатого века. – Знаешь, Мартин, – продолжал он, набивая и раскуривая трубку, – по-моему, у меня страх сцены. Приходилось выступать в самых разных аудиториях, обращаться к просвещенной публике и хоть бы что, а сейчас... Я прекрасно понимаю, что пьеса – это просто игра, никакого сколько-нибудь серьезного значения не имеет...

– Ну, спасибо, – перебил его Мартин.

– Я хочу сказать, не имеет значения в том смысле, что никак не может повлиять на мою карьеру или что там еще, а ощущение такое, что сегодня у меня самое важное событие в жизни.

– Страх сцены – это хороший признак, – сказал Мартин. – Только самые последние неумехи его не испытывают. – Бросив прощальный грустный взгляд на зеркало, Мартин закурил сигарету. – Но если тебя уже сегодня трясет, то что будет завтра, на публике?

– Сегодня тоже кое-какой народ соберется. Люди потихоньку просачиваются в зал, где-то в глубине устраиваются. Дрексель взвился было, но потом вдруг решил, что посмотреть на реакцию зрителей будет даже полезно. По-моему, он с каким-то особым нажимом заявил это.

Минуту-другую они курили в молчании.

– Между прочим, – заметил Мартин, – ты вчера здорово сыграл сцену смерти. Так держать.

– Спасибо, – спокойно улыбнулся Пол. – Ты и сам не представляешь, насколько чудно ты сейчас выглядишь, Мартин. Сигарета и сама по себе не особенно идет к твоему костюму и твоей бороде, а когда кончик ее еще и губной помадой вымазан...

Мартин сосредоточенно разглядывал грим, когда в дверь просунулась чья-то голова и со словами «По местам!» быстро скрылась. Пол медленно поднялся и вытряхнул пепел из трубки. Нельзя сказать, чтобы руки у него совсем не дрожали.

– Ну что ж, Пол, удачи! Мой черед дрожать придет в конце первой сцены. А ты заставишь всех замереть, как только поднимется занавес.

С некоторым сомнением Пол кивнул и вышел из гримерки. Мартин докурил сигарету и вновь принялся разглядывать бороду. В дверь осторожно постучали.

– Войдите, – откликнулся он.

На пороге стояла Мона.

– Не надо было мне, наверное, приходить за кулисы, – неловко проговорила она. – Но очень уж захотелось пожелать тебе удачи. Спектакль начался. Декорации чудесные. Пол немного нервничает... – Она осеклась.

– Спасибо, Мона. – Мартин сжал ей ладонь.

– Buena suerte, amigo!⁴⁷ – воскликнула она, пылко поцеловала Мартина и поспешила в аудиторию. На сей раз девушка уносила с собой предательские следы помады, а не молодой человек.

Оставшееся до выхода на сцену время Мартин, забыв про бороду, роль, всю пьесу, а также про свой статус ангела-хранителя, думал только о Моне, и продолжалось это до тех пор, пока в проеме двери не появилась та же самая голова со словами: «На выход, начало второй сцены».

Мартин все еще пребывал в состоянии некоторой отрешенности даже с выходом на сцену, которому предстояло сделаться самым важным в его жизни.

– Эльвира, смотри, не забудь самой первой реплики. А то ты девять раз из десяти ее пропускаешь.

– А ты, Пол, скажи Харолду, чтобы поправил грим, а то у тебя глаз не видно.

Бог видит, Дон Жуан, сейчас ты лжешь!

– Да если бы только лгал тебе, цыпленок...

– Сдвиньте это зеленое пятно на месте появления статуи. Оно не в самом центре сцены, а справа от центра.

Что ж, пусть прольется кровь, Дон Феликс,

И что мне до того, из сердца ли, пронзенного кинжалом,

Иль виска девицы непорочной?

– Это классика. А в классике любая строка...

– Быть может, когда-нибудь в этом университете будет настоящий театр. А то я устал болтаться на этой дурацкой лекционной кафедре...

– Заметку в «Калифорниан» видела?

– Ты еще спрашиваешь! Они переврали мое имя и забыли упомянуть, что я играла в спектакле «Смерть уходит в отпуск».

⁴⁷ Удачи, друг! (исп.)

– Да брось ты, детка, может, это они из милосердия...

*Проклятье Божие вот-вот свершится. Уже
Дыханье Иеговы щеки моей коснулось...*

- О Господи, он выбросил целых пять страниц текста.
- С какой стороны мне выходить?
- С какой хочешь. Главное – не откуда, а куда.
- Лорел, в любовной сцене ты была бесподобна.
- Огромное спасибо.
- Никогда не видел, чтобы соблазняли так правдоподобно. Дрексель знает, кому поручить роль...
- Слушай, честно, я думала, описаюсь, когда Натан сказал: «И что же, в этой жалкой девке Превилей⁴⁸ кровь течет?»
- Он на каждой репетиции на этом имени спотыкается. Такие накладки в любом спектакле бывают.
- Мне совершенно наплевать, придут ли на премьеру твоя мать и твоя бабка и незаконная тетка твоей бабки, но этот лиф совершенно не идет к платью с таким низким вырезом!

*Две шпаги у меня, Дон Санчо; одна мне смерть
Дает преодолеть, в любви сопутствует другая...*

- О господи, да даст мне кто-нибудь попить наконец?
- Одного не могу понять: каким это образом Дон Жуану удастся добиться хоть чего-то в таком одеянии?
- Слушай, Рой, в сцене в монастыре свет должен гаснуть моментально. Иначе весь эффект пропадет.
- Будь я проклят, но пусть мне объяснят, зачем Дрексель вытащил на сцену этого Леннокса. Только потому, что он приятель Лэма? Я в десяти спектаклях на этой сцене сыграл и если до сих пор не заслужил права на главную роль...
- Не знаю, что со мной случилось. Все из головы вылетело. Но завтра буду, как штык.
- Свет!
- Быстрее, быстрее!
- Все заняли свои места!
- В середине последней сцены все, как улитки, тащатся. Чтобы к завтрашнему дню ускорились!
- Смотри сюда!
- Будь наготове, когда Эльвире надо переодеться, стой рядом!
- Мисс Дэвис, если вы пришли сюда суфлером работать, так ради бога, суфлируйте!
- Живее, живее!
- Все заняли свои места!
- Стоп!
- Все нормально?
- Еще раз!

Короче говоря, обычная генеральная репетиция, не отличимая, в общем, от любой иной. То есть не отличимая до времени – до одиннадцати тридцати.

Прогон второго акта закончился около одиннадцати, что было совсем недурно. Бывало, и не раз, репетиционный кошмар продолжался до трех-четырех утра. Актеры все еще пребывали в

⁴⁸ Очевидно, актер перевирает оригинальное звучание имени, близкое к имени знаменитого американского семейства ювелиров и дизайнеров.

форме, но Дрексель объявил пятнадцатиминутный перерыв перед началом третьего действия – короткого, но в высшей степени насыщенного.

Зажегся свет, и Мартин, стоя рядом со столом для реквизита третьего акта, вгляделся в аудиторию. По-видимому, Мона, Алекс и Синтия пришли вместе. По крайней мере сидели все трое рядом и о чем-то оживленно разговаривали. Судя по всему, немногочисленная публика была захвачена пьесой, которая, при всей своей огромной и неубывающей популярности в Испании и Латинской Америке, англоязычной аудитории оставалась доныне практически неизвестна.

Кое-кто во время этого импровизированного антракта потянулся ближе к сцене. Мартин заметил доктора Грисуолда с кафедры испанистики, а вместе с ним, что его немало удивило, чету Лешиных. Кажется, впервые на его памяти они были вполне довольны обществом друг друга.

Доктор Грисуолд, больше, чем обычно, похожий сейчас на Дон Кихота, только в современной одежде, всматривался в сгрудившихся на сцене участников спектакля и наконец поймал взгляд Мартина.

– Мне нравится, – сказал он, проскользнув между двумя севильскими кавалерами и при этом едва не споткнувшись об их неловко болтающиеся на поясе мечи. – О самой пьесе, как вы, возможно, помните по нашим семинарским занятиям, я не особенно высокого мнения, но ваш перевод хорош.

– Спасибо, – поблагодарил Мартин. – От вас это особенно приятно слышать. И даже если это не Большая Литература, о которой говорят на семинарах, спектакль представляется мне удачей.

Доктор Грисуолд понимающе улыбнулся.

– Согласен с вами, мистер Лэм, – подхватил доктор Лешин, – все это очень интересно. Я почти ничего не знаю об испанском театре, но эта штука меня захватила.

– А вы что скажете, миссис Лешина?

– Главным образом, что меня приятно удивила игра мистера Леннокса.

Мартин удержался от нескольких замечаний разом.

– Меня тоже, – согласился доктор Грисуолд. – Правда, мой театральный опыт в качестве преподавателя сводится к тому, чтобы держать себя руках во время кафедральных собраний.

К группе, собравшейся у стола с реквизитом, присоединились Синтия, Алекс и Мона. Синтия была явно возбуждена, и даже Алекс не оставался равнодушным.

– Просто слов не нахожу, Мартин! – выдохнула Синтия. – А Пол – это что-то невероятное. Согласны, миссис Лешина? – добавила она с явным вызовом.

– Да, мистер Леннокс по-настоящему удивил меня, – откликнулась жена профессора.

– А меня удивляете вы, миссис Лешина, – несколько слащаво сказала Синтия.

Мартину стало не по себе. Его знакомые передвинулись немного в сторону, уступая место другим зрителям, тоже рвущимся на сцену, и ему почудилось, что движение это происходит вокруг одной оси – прямого противостояния двух этих женщин. Хорошо, подумал он, что Пол пошел отдохнуть в гримерку.

Напряжение разрядил доктор Грисуолд.

– Я давно говорю Мартину, – повернулся он к доктору Лешину, – пора ему попробовать перевести Лопе де Вегу. Fuenteovejuna⁴⁹ самым печальным образом пребывает в забвении, хотя социологический интерес этой пьесы...

Послышался звон бьющегося стекла. Мартин обернулся и увидел, что один из стоявших на столе двух бокалов упал на пол.

– Вот черт! – воскликнул он. – Кто это у нас тут такой ловкий?

– Мистер Лэм!.. – Миссис Лешина приподняла брови и укоризненно посмотрела на него.

– Извините. В такой суматохе и впрямь на людей бросаться начинаешь. Ладно, неважно. В этой сцене нужен только один стакан, так что хватит и оставшегося. Другой только для виду. Но на репетиции такие мелочи чертовски раздражают.

– Все заняли свои места! Начинаем третий акт.

Повинуясь команде невидимого кукловода, зрители потянулись в аудиторию. Мона, которая за все это время так и не произнесла ни слова, немного задержалась.

⁴⁹ «Овечий источник» (исп.).

– Ты приносишь удачу. – Мартин слегка коснулся ее ладони.

– Я рада. – Она спустилась со сцены.

Мартин остановился взглядом на разлетевшихся по полу осколках и красноватой лужице воды, которую публика должна была принять за шерри. Услышав какой-то треск за спиной, он повернулся, но у стола никого не было. Или все же был кто-то? На некое неуловимое мгновение этот случайный эпизод почему-то сильно задел Мартина – возможно, просто потому, что отвлек от главных забот этого вечера.

Но волноваться нужды не было. Слова Мартина вполне соответствовали действительности. Уцелевшего бокала оказалось и впрямь вполне достаточно.

Первая короткая сцена третьего акта, в которой Мартин в роли Дона Феликса выслушивает признание своей сестры Эльвиры и дает клятву отомстить ее обидчику, прошла на высокой драматической ноте. Публика забыла, что это репетиция, и перестала сдерживаться; все наслаждались Театром в самом высоком смысле этого понятия и замерли в предчувствии приближающейся смерти, тень которой витала над сценой.

Когда свет начал гаснуть и Мартин ушел со сцены, последовали дружные аплодисменты. Стоявший за кулисой Пол схватил его за руку.

– Здорово, Мартин!

– Сам удивляюсь, – признался тот. – Если бы только додержаться до сцены с удушением...

– Знаешь, я никогда в жизни так не переживал, как нынче вечером. Если это и есть театр, пусть и любительский, то к черту преподавание истории.

Сцена вновь начала освещаться – акт третий, сцена вторая, место действия – комната в родовом доме Дон Жуана. Актер, играющий комедийную роль его слуги, уже успел вызвать веселый смех при своем появлении.

– Ну что ж, – сказал Пол, – пора. Он крепко пожал Мартину руку и зашагал в сторону сцены. Мартин восхищенно посмотрел ему вслед. О резонах Эшвина он и думать забыл.

Диалог Дон Жуана и слуги. Не без сальностей, но и он вызвал смех. Помощник режиссера громко постучал по деревянной доске, и слуга покинул сцену. Монолог Дон Жуана – драматический момент, вызвавший едва ли не импульсивные аплодисменты. Возвращается слуга, с ним Дон Феликс. Слуга вновь удаляется. Начинается ключевая сцена всей пьесы.

Краткий обмен репликами между Дон Жуаном и Доном Феликсом прошел вполне благополучно; но затем наступил деликатный момент.

Хоть, по твоим словам, пришел меня убить ты, –

декламировал Пол – Дон Жуан, –

Пред тем, как умереть, давай просушим горло.

Ведь шерри – это кровь Севильи уроженца.

Так окажи же честь коль не душе моей,

То винным погребам.

После какового высказывания он должен был взять со стола один бокал, а другой жестом предложить Дону Феликсу. Так Пол и сделал: небрежно взял свой бокал и гостеприимным жестом указал на пустой стол. По аудитории пробежал шепоток удивления.

О, если бы я знал, что это только шерри, –

не обращая ни на что внимания, отвечивал Мартин, –

Но смерть скрывалась в винах и покрепче.

Мгновенное недоумение публики прошло, и сцена продолжилась. Одним смертоносным глотком Пол опорожнил бокал с его похожим на шерри содержимым и разразился длинным монологом, великолепной тирадой, – глядя в лицо смерти, которой грозил приход Дона Феликса, он по-прежнему высмеивал добродетель и восславлял порок и нераскаянность. При всей энергии, с какой Пол произносил ее, Мартин заметил, что страх сцены, о котором они говорили перед спектаклем, становится, как ни странно, все более ощутимым. Зрачки у Пола расширились, руки дергались, все тело била какая-то непонятная дрожь.

Наконец монолог, длившийся целых четыре минуты, оборвался, и Мартин с гневным рыком отбросил в сторону меч.

*Зловонной кровью не оскверню клинок свой!
Нет! Я лучше вырву лживый твой язык!*

И, накинувшись на Пола, он вцепился ему в горло.

Удушение всегда трудно играть на сцене. Душитель должен всем своим видом показывать, что прилагает максимум усилий, хотя на самом деле не напрягается нимало, а жертва, извиваясь в конвульсиях, должна изображать покорство судьбе. В ходе прежних репетиций Мартин просто привык играть злобную, рвущуюся наружу ярость, предоставляя все остальное на долю Пола.

Сегодня он был великолепен. Все члены его в какой-то момент задержались – и тут же застыли. Голова откинулась назад, и даже черты лица исказились. Мартин сначала подумал, что дело все в освещении, но нет, щеки Пола посерели и ввалились, глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит.

Готовясь произнести финальные строки – формулу свершившегося отмщения, – Мартин выпустил тело, и оно скорчилось в позе, которую раньше Пол на репетициях никогда не принимал. Выглядело это одновременно гротескно и жутковато: торс походил на выгнувшееся дугой удилище, оба конца которого упираются в пол: один конец – голова жертвы, другой – пятки. Было в этой позе смерти что-то до странности убедительное и в то же время несколько шокирующее.

Изображая злорадную реакцию убийцы, свершившего правое дело, Мартин отступил от тела. Свет начал постепенно гаснуть, но сама сцена четко запечатлелась в его сознании. Он видел ужасную неподвижность трупа и застывшую на лице макабрическую улыбку – еще одно новшество в игре Пола, где сатира и небыль сливаются с жуткой действительностью. На миг Мартин ощутил полную правдивость всей этой финальной сцены. Возникло ощущение, какого раньше он не испытывал, – абсолютного слияния актера и роли. Он, Мартин, был Доном Феликсом, убийцей. И еще в глаза ему бросились две различные и равно случайные детали. Самоновейшая трубка Пола выпала во время борьбы из кармана и валялась теперь на полу, под изогнутым телом, а на столе, там, где стоял бокал, белел клочок бумаги, которого не значилось ни в каком реквизите.

Свет окончательно погас. Наступила полная тишина, которую оборвал взрыв аплодисментов, какого обычно не услышишь от такой крохотной аудитории. Свет убывал так медленно, что Мартин все еще смутно улавливал контуры окружающего. Он видел, что Пол расслабился, странная неподвижность прошла, но он по-прежнему лежал на полу. Мартин удивленно шагнул в его сторону. Позади послышался шум – это рабочие сцены убирали декорации. Он склонился над Полом, не зная толком, что ожидал увидеть.

Пол Леннокс лежал неподвижно. Дышал тяжело, словно при крайнем изнеможении. Мартин слегка прикоснулся к его лицу. Оно было покрыто потом, губы дрожали.

– Свет! – Мартин уж и не помнил, как разогнулся, как не узнал собственного голоса. – Свет, ради бога! – Мучительный крик разорвал тишину. Послышались встревоженные голоса. Внезапно загорелись все люстры – сноп ослепительного огня. Не отрывая испуганного взгляда от Пола, Мартин увидел, что все его члены снова пришли в движение, голова задержалась. Он издал сдавленный стон.

– Мартин! – выдохнул Пол. – Потри мне руки! Они... – О господи! Поддержи меня! Поддержи! Я не могу... – Конвульсии усилились. Мартин уже понял, что за этим последует. Вновь эта нечеловеческая дуга. Та же застывшая улыбка.

Публика потянулась к маленькой сценической площадке. Дрексель отчаянно пытался восстановить свое главенствующее положение, совершенно не представляя, впрочем, что с ним делать в случае успеха. Мартин задрожал, сделал шаг в сторону и столкнулся с рабочим сцены, который, оказавшись в этой атмосфере всеобщей растерянности, просто решил не обращать на нее внимания и продолжал делать свое дело. Сейчас он выносил стол, стоявший посреди сцены. На нем все еще оставался клочок бумаги.

Мартин схватил его за руку.

– Ради всего святого, Джо! Верни стол на место!

– Что это за муха тебя укусила?

Вместо ответа Мартин указал на клочок бумаги. Рабочий поставил стол и почтительно отступил на несколько шагов. Даже он читал про Семерых с Голгофы.

Пол Леннокс умер в судорогах в университетской клинике 20 апреля, в шесть минут второго в ночь на пятницу, через тринадцать дней и примерно один час после убийства доктора Хьюго Шеделя.

Не кто иной, как выходящий на пенсию ученый и педагог доктор Джозеф Грисуолд кое-как успокоил немногочисленную публику и вместе с Маком и еще одним рабочим сцены отвез Пола на своей машине в клинику. Мартин в сопровождении Алекса, Синтии и Моны последовал за ним пешком. На воздухе ему стало легче. Все, казалось, были уверены, что с Полом случился внезапный припадок, вызванный тем, что в сцене удушения Мартин просто перестарался, и смотрели теперь на него со смесью осуждения и удивления.

Он и сам был бы счастлив, коли общее мнение оказалось бы верным, а он ошибается. Но ведь были же, были симптомы, которые он заметил слишком поздно, была эта странная история с бокалами, и был клочок бумаги с устрашающим символом виньяров.

По дороге никто из четверых не вымолвил и слова, пока не дошли до клиники. В приемном покое их ожидали доктор Грисуолд и молодой врач-практикант. Грисуолд заговорил первым.

– Не надо тешить себя ложными надеждами, – сказал он. – Доктор Эванс дает ему не больше часа-двух жизни.

– Где он? – с трудом выговорила Синтия, не пытающаяся более выказывать равнодушия, тем более враждебности к Полу.

– С ним доктор Эванс, – ответил практикант. – А вам, наверное, лучше побыть здесь.

И тут Синтия не выдержала. Такого откровенного взрыва чувств Мартин у нее никогда не видел. Она рухнула на кушетку, стоявшую в коридоре, и безудержно разрыдалась. Алекс присел рядом и положил ее голову себе на плечо. Какую бы ревность, ревность естественную, он сейчас ни испытывал, главное было – утешить ее.

Доктор Грисуолд отвел Мартина в сторону.

– Я слышал разговоры, которые сразу начались в зале, – начал он. – Всем вроде кажется, что вы... чрезмерно реалистично сыграли финальную сцену.

Мартин кивнул.

– Но вам нечего опасаться, Мартин, вы тут ни при чем. Мистер Леннокс умирает не от этого. Причина посложнее.

– Знаю, – ответил Мартин и, увидев в глазах доктора Грисуолда невысказанный вопрос, добавил: – Стрихнин.

– Верно. – Доктор Грисуолд смущенно прикоснулся к донжуанской бородке Мартина. – По совету доктора Эванса я позвонил в полицию. Скоро здесь будет сержант Каттинг.

К тому времени как почти все ушли, Дрексель и двое рабочих очистили наконец сцену.

– Надо полагать, завтрашнее представление отменяется, – жалобно проговорил Дрексель. – Работали из недели в неделю, и все коту под хвост. Не ожидал такого от Лэма. Никогда не думал, что он на это способен. Что ж, вот пример того, что в каждом из нас есть что-то от зверя.

Дрексель сделал шаг назад и оглядел сцену.

– Ну что ж, – вздохнул он, – утром можно читать лекцию... Джо! Что это за бумаженция здесь валяется? Выбрось.

Джо, не открывший в жизни ни одной газеты, подобрал клочок, равнодушно посмотрел на причудливо изображенную букву F и выбросил его в мусорную корзину.

8. Буря в стакане вина

Сержант Каттинг выглядел, как полицейский, и говорил, как полицейский. Он появился в клинике примерно за десять минут до смерти Пола и почти сразу уединился с доктором Эвансом и доктором Грисуолдом.

Двое сопровождавших его полисмена остались в приемном покое.

– Вам бы поближе друг к другу держаться, – сказал один из них. – У сержанта ко всем много вопросов. – После чего погрузился в молчание.

В приемном покое с его мертвенным освещением собралась какая-то гротескная компания. Молодой практикант и полицейские – все в формах, сообразно с профессией... Мартин, выглядящий странно беспомощным и потерянным, при всем блеске камзола шестнадцатого века, не говоря уж о рейтузах и бороде... Синтия, ослабевшая от слез, с опухшими глазами – куда только делись все ее претензии на шик... Лишь Алекс и Мона выглядели более или менее буднично, но и они выказывали явные признаки печали и беспокойности.

Сержанта Каттинга не было минут пять, когда юного практиканта осенило.

– Господа, – обратился он к полицейским, – как вы думаете, могу я предложить этим людям глотнуть по капле виски? Они пережили страшное потрясение, боюсь, оно может сказаться, когда сержант начнет их допрашивать.

Стражи порядка с сомнением переглянулись, и наконец тот из них, что покрасноречивей (это он уже выступал перед собравшимися), кивнул:

– Полагаю, ничего дурного в этом не будет.

Выпить виски Мартину было в самый раз. Больничный запас (используемый исключительно в медицинских целях) состоял из первоклассного марочного бурбона, куда превосходящего вкусом тот, к которому он привык, и нервы, натянутые, как струна, немного отпустило. На остальных, включая полицейских, напиток произвел как будто то же воздействие, а когда практикант, чтобы уж до конца продемонстрировать свое гостеприимство, угостил всех сигаретами, все вздохнули с облегчением. Молчание сохранялось, но к моменту, когда вернулся сержант Каттинг, тяжелая атмосфера страха, в общем, рассеялась.

Но после первых же его слов она снова сгустилась. «Мистер Леннокс скончался», – бесстрастно объявил сержант. Мартин заметил, что он внимательно вглядывается в лица присутствующих. Никто ничего не сказал, только послышалось сдавленное рыдание Синтии. Все знали, что Пол умирает, формальное подтверждение этого особенного значения не имело.

– Бедняга, – негромко проговорил Алекс.

Сержант Каттинг повернулся к одному из своих людей:

– Дэвис, ты знаешь, где находится аудитория Уилера?

– Так точно, сэр.

– В таком случае немедленно отправляйся туда. Я позвонил в участок, сейчас по этому адресу пришлют еще людей. Проследи, чтобы никто там ничего не трогал, и пусть те, кто еще не ушел, останутся. Мне нужно допросить их.

– Слушаю, сэр. – Дэвис шагнул к двери.

– Вынужден, господа, попросить вас задержаться на некоторое время, – продолжал сержант Каттинг тем же спокойным, любезным тоном. – Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Доктор Эванс разрешил мне воспользоваться его кабинетом. Я буду вызывать вас туда по одному. Но для начала должен сказать следующее. Судя по тому, что я услышал от доктора Грисуолда, распространилось мнение, будто смерть мистера Леннокса стала результатом несчастного случая. Это не так. Хочу, чтобы вы знали: речь идет об убийстве.

Если сержант Каттинг ожидал какой-то особенной реакции, которая могла бы навести его на те или иные мысли, то его вновь ждало разочарование. Для Мартина это была не новость; да и оставшиеся трое слишком хорошо его знали, чтобы хоть на минуту допустить возможность случайной смерти.

– Начнем с вас, мистер Лэм, – сказал сержант после недолгой паузы. – Вы должны были быть рядом с мистером Ленноксом в момент отравления. – Он проследовал в тесный кабинет, а Мартин пожалел, что практикант не предложил им выпить еще по бокалу виски.

Сержант сел за стол доктора Эванса и знаком указал Мартину на стул. Устроились оба друг по отношению к другу так, что это странным образом напомнило Мартину их встречи с доктором Эшвином.

– Вы ведь были близким другом мистера Леннокса? – спросил сержант Каттинг, покончив с формальностями установления имени, адреса и так далее.

– Не более, чем другие.

– М-м-м... Хорошо, мистер Лэм, расскажите, пожалуйста, что именно происходило на сцене аудитории Уилера.

Мартин описал сцену, упомянул бокал, в который было налито «шерри», монолог Пола.

– Это большой монолог, – пояснил он, – после того как Пол сделал глоток, прошло не менее пяти минут или около того, когда я заметил конвульсии – действие стрихнина. – И Мартин в мельчайших, какие только мог вспомнить, подробностях пересказал всю кошмарную мизансцену, лишь воздержавшись до времени от упоминания Семерых с Голгофы.

– Мистер Лэм... – Сержант Каттинг остановился. – Вы сказали: «стрихнин». А я ведь говорил только, что мистер Леннокс был отравлен.

– Не хотелось бы разочаровывать вас, сержант, но тут вам ничего не светит. Вспомнив, как все происходило, я узнал симптомы, а доктор Грисуолд подтвердил мои подозрения.

– А откуда вы знаете, какие симптомы отравления стрихнином?

– И снова мимо. Как прилежный читатель детективных романов, я немного разбираюсь в криминалистике и токсикологии.

– Боюсь, вы слишком прилежный читатель, мистер Лэм, – возразил сержант Каттинг, – если думаете, что я попытаюсь поймать вас в ловушку или делаю слишком поспешные выводы. Ладно, оставим это. Как вы думаете, каким образом яд мог попасть в организм?

– Скорее всего его подсыпали в бокал с шерри. Ничего другого в голову не приходит. И произойти это могло не более, чем за час до начала конвульсий. Воду, которую мы пьем за кулисами, набирают из питьевых фонтанчиков, а ничего спиртного Пол не употреблял, боялся, что это может помешать ему на сцене.

– Мистер Леннокс не выходил из аудитории?

– После восьми вечера нет. У него просто возможности такой не было. Он играет главную роль и почти все время остается на сцене, а вне ее хватает времени только на то, чтобы переодеться.

– Спасибо. Это важный момент. – Сержант Каттинг закурил сигарету и подтолкнул пачку к Мартину. – Теперь бокал. Что в нем было на самом деле?

– Подкрашенная вода, довольно безвкусная, надо сказать. Дрексель почти час возился с раствором, подгоняя под цвет шерри.

– Дрексель?

– Лоренс Дрексель. Это режиссер Малого театра. Начал он с чая со льдом, но цвет показался ему эстетически непригодным.

– Извините меня, мистер Лэм, но черт бы побрал вашего мистера Дрекселя с его эстетической чувствительностью. Вам, несомненно, известно, что дубильная кислота может служить противоядием стрихнина, и если бы Дрексель остановился на чае, мистер Леннокс был бы сейчас жив. Где держали эту жидкость?

– Об этом вам надо спросить у ответственного за реквизит. Я не знаю. Обычно бокалы наполняют и ставят на стол за кулисами перед началом третьего акта.

– Бокалы?

– Да, должен был быть еще один, но он случайно разбился.

Сержант Каттинг удивленно приподнял брови и сделал очередную заметку.

– Кто стоял близко к столу?

– Несколько моих друзей. Доктор Грисуолд, мистер Брюс, мисс Вуд, мисс Моралес, кто еще? Ах, да, доктор Лешин с кафедры истории и его жена.

– И что связывало всех этих людей с мистером Ленноксом?

Мартин немного поколебался.

– Видите ли... все мы были его друзьями, кроме, возможно, доктора Грисуолда. Пол, мистер Брюс и я часто бывали в одних и тех же компаниях. Мисс Вуд – невеста мистера Брюса и, насколько мне известно, была связана с Полом только через него. Доктор Лешин работает на той же кафедре истории, где преподает... преподавал Пол. Мисс Моралес и миссис Лешина встречались с ним на разного рода вечеринках...

Сержант Каттинг оторвался от своих записей.

– Мистер Лэм, вы назвали себя прилежным читателем детективных романов, так что, не сомневаюсь, вы ждете не дождетесь следующего моего вопроса: есть ли у кого-нибудь причины желать смерти мистеру Ленноксу?

– Сержант Каттинг, для начала мне хотелось бы вам сказать еще кое-что насчет сегодняшнего вечера. После того как Пол упал и к нему бросились люди, я заметил на столе, там, где стоял бокал, клочок бумаги. И на нем было то же изображение, что вы и ваши люди обнаружили на месте убийства доктора Шеделя.

Сержант Каттинг поднял голову, посмотрел на Мартина с откровенным удивлением и интересом и вдруг громко расхохотался.

– Мистер Лэм, – с трудом выговорил он, – но это же абсурд. Полный абсурд. Вы сами признались в любви к детективным романам, вот и чудится вам повсюду разная небывальщина. Ну скажите на милость, какая связь может быть между мистером Ленноксом и швейцарским тайным обществом, если, конечно, оно вообще существует?

– А вот и может, – спокойно возразил Мартин, которого совершенно не удивила реакция сержанта. – Именно от Пола Леннокса исходит, пусть и не прямо, вся та информация о Семерых с Голгофы, что была обнародована в газетах. И он же говорил, что не будет чувствовать себя в безопасности, если виньяры узнают, что это он открыл их тайны.

– И вы можете доказать это?

– Его слова слышали пять или шесть человек.

– Что ж, проверим... И все же, мистер Лэм, как насчет иных, не скажу более правдоподобных, но, может быть, личных мотивов, которые могли бы толкнуть кого-нибудь на убийство Пола Леннокса?

– Таковые мне неизвестны, – ответил Мартин.

На следующее утро Мартин проснулся около одиннадцати. Первое, что он почувствовал, едва взглянув на циферблат будильника, было сожаление, что впервые пропустил занятия доктора Эшвина. И лишь затем навалились воспоминания вчерашнего вечера и ночи. Слегка вздрогнув, Мартин сел на кровати и потянулся за сигаретой.

После допроса у сержанта он, под строгим присмотром его помощников, остался в приемном покое дожидаться Моны, чтобы проводить ее домой. Ее допрос оказался последним и самым непродолжительным. Вспомнилось, как входил и выходил из кабинета доктора Эванса Алекс – почти с тем же спокойствием и невозмутимостью, что были свойственны Полу. Вспомнил он также доносившиеся из кабинета приглушенные рыдания Синтии и подумал: что, интересно, мог узнать от нее сержант Каттинг? Юный практикант любезно предложил косметический крем и напитки, и большую часть времени, ушедшего на допрос его спутников, Мартин провел, сражаясь с бородой, румянами и другими элементами грима. Домой Мону провожал уже обыкновенный человек первой половины двадцатого века, пусть на нем и оставались камзол и чулки века шестнадцатого. И как венец этого вечера с его испанской мелодрамой, внезапной смертью и разного рода подозрениями Мартин вспомнил показавшийся (и действительно бывший) таким естественным прощальный поцелуй и едва слышный шепот Моны: «Без бороды гораздо лучше».

Но при всей приятности таких воспоминаний Мартин продолжал испытывать легкие уколы совести. Быть может, все-таки следовало рассказать сержанту Каттингу все, что он знает о сложных взаимоотношениях Пола Леннокса с Синтией, Алексом и четой Лешиных. Бесспорно, это имеет огромное значение, однако же... однако же какие у него есть доказательства? Несколько слов, брошенных Синтией в состоянии опьянения и любовной лихорадки? поцелуи в темноте

коридора? скрытая напряженность в случайном разговоре двух женщин? Да сержанту Каттингу все покажется почти таким же смешным, как и новое появление Семерых с Голгофы.

Ну, а столь тщательно выстроенная Эшвином версия, согласно которой доктора Хьюго Шеделя убили по ошибке (сейчас это кажется очевидным), приняв его за Пола Леннокса – как она будет выглядеть в суде? Да, все представляется ясным, как божий день, но где доказательства? Это напоминает, усмехнулся про себя Мартин, притчу про кролика, которого индусы видят на луне. Заставить увидеть его других почти невозможно; но стоит все же разглядеть, как все остальное навсегда исчезает – иные лица, мужчины, женщины. Представляется очевидным, что кролик на луне есть; но очевидность слишком часто не мирится с доказательствами.

Успокаивая таким образом свою совесть, Мартин услышал звук, в первый момент его испугавший. Кто-то ходил по соседней комнате – той самой, в которой жил Пол Леннокс. Это не уборщица, шаги мужские, быть может даже, там двое мужчин. Инстинктивный страх почти сразу сменился любопытством. Мартин накинул купальный халат, сунул ноги в шлепанцы, вышел на цыпочках в коридор и застыл перед дверью, к которой все еще была прикреплена карточка с именем Пола. Да, там кто-то был, это точно – две пары мужских ног. Пока Мартин раздумывал, что делать, дверь открылась, и на пороге возник сержант Каттинг.

– Доброе утро, мистер Лэм. А я как раз собрался постучаться к вам. Смотрю, вы поздняя птаха.

Мартин был настолько удивлен, что и ответить сразу не смог, но потом сообразил, что полиция, естественно, должна была осмотреть жилище Пола.

– Заходите, – пригласил сержант Каттинг. – У нас есть, о чем поговорить.

Мартин повиновался и неохотно сел на край кровати. В комнате было все перевернуто. Дэвис, тот самый, более говорливый, чем остальные, полицейский, в настоящий момент молча просматривал альбом с пластинками – что он там собирался найти, Мартин представить себе не мог. Впрочем, и сам Дэвис тоже.

– Вам, наверное, будет приятно узнать, мистер Лэм, – начал сержант Каттинг, – что все как будто склонны согласиться с вами. Причин убивать мистера Леннокса не нашлось, во всяком случае, никто их не видит. Не то чтобы он всем нравился, напротив, многим был несимпатичен – кому-то его сарказмы были не по душе, кому-то трубка. Но людей не убивают просто потому, что они кому-то не нравятся. А вот ваша идея насчет виньяров обоснованной не кажется. Не то чтобы я вам не верю, но, думаю, вы невольно впали в преувеличение.

– В аудитории что-нибудь нашлось?

– Увы, – покачал головой Каттинг, – Дэвис, вон этот, пришел туда слишком поздно. Рабочие оказались чрезмерно проворными, все блестело, как начищенный медный таз. Они подмели сцену, опустошили мусорные корзины, даже, чтоб им было неладно, вымыли бокал, в котором можно было найти следы яда. И ушли. На месте оказался только ваш мистер Дрексель, и Дэвис, следуя моим указаниям, продержал его там добрых три часа, пока я оставался в клинике.

Мартин представил себе, как Дрексель, который и минуты не может усидеть на месте, три часа проводит в обществе флегматичного Дэвиса, и невольно улыбнулся.

– Веселого тут мало, мистер Лэм, но я вас понимаю. Хотя, по мне, так Дрексель получил свое за повышенную активность. Он ведь мог заподозрить что-то неладное – но закрыл глаза, и любые надежды заполучить при осмотре аудитории какие-либо факты рассеялись, как дым. Заметьте, мистер Лэм, я говорю: «факты»; вы бы сказали – «улики».

– Однако же, сержант, все это ни в коей мере не опровергает того, что я видел своими глазами – бумага на столе была. – Мартин порывисто поднялся со стула. – Наверное, какой-нибудь болван из obsługi выбросил ее. Она мне не привиделась. Мак тоже ее видел – Дон Маккинли, он тоже рабочий сцены, спросите его. А к тому же, видит бог, я легче, чем кто-либо другой, способен распознать эмблему Семерых с Голгофы...

– Как вас прикажете понимать, мистер Лэм?

Мартин ограничился полуправдой.

– Видите ли, – сказал он, – я был знаком с доктором Шеделем и весьма ему симпатизировал. Естественно, мне захотелось узнать обстоятельства его гибели. И я оказался одним из тех, кому Пол Леннокс поведал историю виньяров еще до того, как она попала в газеты. Надо сказать, меня весьма заинтриговала эта странная символика.

– Боюсь, мистер Лэм, у вас выработалась прискорбная привычка к разоблачениям. – Сержант Каттинг улыбнулся, а Дэвис негромко хмыкнул. Ему никогда не нравилась манера, в какой сержант разговаривает с этими университетскими буквоедами. Каттинг же, не обращая внимания ни на чьи ухмылки, продолжал: – А теперь вопрос, мистер Лэм: что вам сейчас понадобилось в этой комнате?

– Я услышал доносящиеся отсюда звуки и поначалу немного испугался, показалось, будто Пол... впрочем, чушь какая-то. А потом подумал, возможно, это кто-то... кто-то, кому здесь нечего делать...

– Вы хотите сказать?..

– Убийца. Да. А о полиции я как-то и не подумал. Просто решил, что надо пойти посмотреть.

– А до того, пораньше с утра, вы никаких звуков не слышали?

– Нет. Я крепко спал. Как вам известно, сержант, вернулся я вчера поздно.

– Да, мне это известно. На протяжении последнего часа я трижды стучался вам в дверь. Но вот что я хотел бы сказать вам, мистер Лэм, – мы с Дэвисом не первые осматриваем эту комнату.

Мартин удивленно посмотрел на сержанта.

– В девять тридцать пришла уборщица. Простая душа, живет она своей жизнью и даже не слышала, что Пола Леннокса не стало. Она нашла дверь открытой, что ее удивило. В постели минувшей ночью не спали. В комнате царил порядок, за исключением нижней полки книжного шкафа, где лежат бумаги. Они были разбросаны по всему полу, что, по словам уборщицы, совершенно непохоже на мистера Леннокса.

– Чистая правда, – кивнул Мартин. – Пол всегда был аккуратистом. Наши с ним комнаты – образец полной противоположности. Конечно, вчера он был перевозбужден, но даже в таком состоянии... – Мартин круто оборвал себя на полуслове.

– Да, мистер Лэм?

– Я подумал, нельзя ли взглянуть на эти бумаги? Я более или менее знаю, чем он занимался, и, наверное, мог бы...

– Разумеется. Собственно, из-за этого я и пытался целое утро разбудить вас. Как раз подумал, что вы сможете подсказать, зачем кому-то понадобилось рыться в вещах мистера Леннокса.

Дэвис закончил просматривать альбом с пластинками и уступил сцену Мартину, который опустился перед книжным шкафом на корточки и принялся листать бумаги, лежащие на нижней полке, где полицейские успели собрать их.

Это была странная смесь – конспекты семинарских занятий, наброски к семинарским занятиям, тексты выступлений перед различными аудиториями, заметки к будущим работам (среди них столь памятный план рукописи «Возможные прототипы легенды о Дон Жуане»), записные книжки, блокноты, ну и многое другое, то, что академический работник хранит на всякий случай, а вдруг пригодится. Здесь могло оказаться все, то есть все, представляющее профессиональный интерес, но ничего, хоть отдаленно связанного с убийством.

В какой-то момент Мартин заметил среди всего этого нагромождения блокноты с грифом Чикагского университета. В двух из них содержались беглые заметки о книгах, недоступных нигде, кроме местного магазина; в некоторых содержалась кое-какая информация, касающаяся сект мандеев и неминианцев, на чем Мартин с удовольствием задержался бы, если бы пристальные взгляды двух полицейских не взывали к занятию делом, которое привело их сюда.

Третий блокнот с грифом открывался страницей, на которой было написано: «История Лозанны»; запись разговора с Жаном Штауфахером». Мартин непроизвольно издал победный возглас и начал читать. Следующие четыре страницы содержали различные факты и даты, перемежающиеся случайными байками, явно имеющими отношение к истории семьи Штауфахера. Пятая завершалась словами: «Но куда интереснее исторического материала сведения, которые я получил от Жана и которые касаются...» Оставшиеся страницы блокнота были вырваны.

Не без волнения Мартин протянул его сержанту Каттину.

– Смотрите, сержант, возможно, это именно то, что нам нужно. Штауфахер – это человек, который, по словам Пола, навел его на след виньяров. Надо полагать, в этом блокноте и был весь

касающийся их материал. Припоминаю, он говорил, что время от времени освежает память, сверяясь с какими-то записями. В других бумагах ничего про виньяров нет.

– Спасибо, мистер Лэм. – Сержант взял блокнот. – Полагаю, вы правы. Но в таком случае совершенно непонятно, зачем вашему швейцарскому эмиссару понадобилось вырывать эти листки. Почему бы не взять весь блокнот? Ну и, наконец, каким образом он проник сюда?

– Это я могу объяснить. Как вы, наверное, заметили, на этих дверях йельские замки, но закрываются они не автоматически, а ключом. В тот вечер Пол был в таком состоянии, что о подобного рода пустяках не задумывался, так что дверь, скорее всего, осталась не запертой.

В этот момент заговорил Дэвис – в первый раз с тех пор, как Мартин очутился в комнате.

– Я лично думаю, – заявил он, – что все эти швейцарские фокусы – полная чушь.

– А знаете, – подмигнул Мартину сержант Каттинг, – по-моему, хоть раз в жизни, да Дэвис верно говорит. Во всяком случае, я на это надеюсь. Потому что это сильно упрощает мою задачу.

Мартин пожал протянутую сержантом руку, улыбнулся в ответ и вернулся к себе в комнату. Чувствуя, что сильно проголодался, он поспешно переоделся и задал себе вопрос: а сам-то он что думает про этих самых виньяров? В уме замелькали смутные мысли и версии...

– Надо нынче же вечером повидаться с доктором Эшвином, – решил Мартин.

– Добрый вечер, мистер Лэм, – приветствовал его доктор Эшвин. – Ваше нынешнее отсутствие на занятиях меня не удивило, я так и думал, что после вчерашних истязаний души спать вы будете спокойно⁵⁰.

– Прошу простить меня, – ответил Мартин, – но вынужден заметить, что подразумеваемая вами цитата сколь неуместна, столь и зловеща. Надеюсь, сном Дункана я засну еще очень скоро.

– Ладно, – улыбнулся доктор Эшвин, – извините за черный юмор. Присаживайтесь, а я пока бокалы сполосну.

Когда ритуал первого глотка был завершен, Эшвин заговорил:

– Полагаю, сегодня нам нет нужды ходить, как обычно, вокруг да около. Не сомневаюсь, что вы пришли поговорить о событиях вчерашнего вечера; ну а я, со своей стороны, отложил свидание с Элизабет именно потому, что был уверен в вашем появлении. Я прочитал газетный отчет о смерти мистера Леннокса, но понял из него только то, что он бы отравлен стрихнином во время генеральной репетиции. Может быть, поделитесь подробностями?

Мартин поведал ему всю историю, начиная со встречи с Синтией и Алексом в Большом Зале и кончая утренней беседой с сержантом Каттингом. Эшвин сосредоточенно слушал его, прервав лишь однажды, – когда Мартин упомянул Семерых с Голгофы.

– Не понимаю, – воскликнул он, – каким образом столь сенсационная деталь могла ускользнуть от внимания прессы.

– А таким, что сержант Каттинг полагает, что у меня галлюцинации, – ответил Мартин и продолжил рассказ. Когда он поставил точку, наступило молчание.

– Знаете, а мне нравится ваш сержант Каттинг, – нарушил его наконец доктор Эшвин. – Вообще-то его слишком прямолинейная логика выдает скорее некоторое тупоумие, и все же он мне нравится. Понял же он, какое значение может иметь блокнот.

– Блокнот Штауфахера? – уточнил Мартин. – Это одно из многих обстоятельств, что не дают мне покоя. Раньше вы говорили, что всю эту историю с виньярами Пол выдумал, но тогда вы видели в нем исполнителя, а не жертву. Сейчас придется на все посмотреть заново.

⁵⁰ См:

С убитыми легче,
Купившим мир ценой своей короны,
С ним легче спать, чем жить в душевной пытке
Среди мучений без конца!..
Дункан в своей могиле, безмятежно,
Покойно спит он после бури жизни.

(У.Шекспир. Макбет. Действие 3, сцена 2. Пер. А.Кронеберг.)

– Да, это понятно, – печально покачал головой Эшвин. – Весьма бестактно, знаете ли, со стороны обыкновенного убийцы столь решительно разбить очевидные умозаключения. Но следует признать и другое: доньше мы основывались только на одной группе фактов. Теперь, когда свершилось уже не случайное, а задуманное убийство, в нашем распоряжении имеется более полная картина, и потому наши выводы будут гораздо ближе к истине. Давайте посмотрим, что мы можем извлечь из этих новых фактов.

Он откинулся на спинку своего вращающегося стула и знаком показал Мартину, чтобы тот наполнил бокалы.

– Первое, – начал доктор Эшвин. – Нам известно, что доктор Шедель был убит, потому что его приняли за Пола Леннокса, одного из двух, по вашим же словам, людей, с кем можно было спутать герра доктора. Мы пришли к выводу, что мотивы для убийства мистера Леннокса могли быть у четырех персонажей – мистера Брюса, мисс Вуд, а также (коль скоро вы называли эти имена) четы Лешиных, и в любом случае мотивы эти так или иначе связаны с ревностью. Равным образом, по вашим опять-таки словам, у всех четверых были одинаковые возможности подмешать стрихнин к шерри. Что касается того, каким образом кто-то из них добыл яд, это должно показать официальное полицейское расследование.

– У Алекса такая возможность была, – прервал его Мартин. – Он занимается химическими исследованиями, и ему доступны любые понадобившиеся ему материалы.

– Ну что ж, учтем это. Что касается мотивов, наши четверо подозреваемых идут ноздря в ноздрю, а относительно возможностей – у мистера Брюса есть небольшое, ни в коей мере не решающее преимущество. Другой момент: кто бы ни оказался преступником, он должен знать вашу пьесу, должен знать, что Дон Жуан пьет шерри во второй сцене третьего акта. А этому условию кто отвечает?

– И Алекс, и Синтия читали пьесу по ходу моей работы над переводом. Что касается Лешиных, ничего сказать не могу. Разумеется, им могли показать рукопись Дрексель или Пол. У него-то был весь текст, а не одна лишь часть, роль-то большая. Равным образом никто им не мешал прочитать пьесу в оригинале, имеющемся в библиотеке; подобно большинству славян они наделены хорошими способностями к языкам, а в этой сцене я практически ничего не изменил при переводе.

– Еще один вопрос, мистер Лэм, касающийся шерри или, если угодно, псевдошерри. У кого-нибудь из этой четверки есть какой-нибудь театральный опыт, профессиональный или любительский?

Мартин ненадолго задумался.

– У Алекса, насколько мне известно, нет. Что касается Лешиных, точно не знаю, но сильно сомневаюсь. Синтия сама на сцене никогда не играла, но помогала готовить реквизит и занималась еще какой-то вспомогательной работой в Тальяне – это нечто вроде женского филиала Малого театра.

– А может так быть, что Дрексель вместо шерри налил в бокал чай со льдом – помнится, вы говорили, что как-то раз он это и собирался сделать.

– Вполне.

– Тогда мы можем в какой-то степени освободить от подозрений мисс Вуд. Она одна из всего квартета должна была знать, что шерри, вполне возможно, на самом деле окажется чаем, стрихнин в нем не разведешь. Разумеется, это не бесспорное доказательство, всего лишь предположение – ее познания в области токсикологии могут оказаться слишком ничтожными, чтобы совершить ошибку, приведшую к негаданно успешному результату. Ну и наконец Семеро с Голгофы – самый, будь он неладен, загадочный момент всей истории. Знаете, мистер Лэм, для начала скажите, что вы-то об этом думаете?

– Главным образом, что в этой загадке нет никакого смысла.

– В целом я с вами согласен, однако продолжайте.

– Прежде всего... – Мартин осекся, обнаружив вдруг, что ему трудно сформулировать разбегающиеся в разные стороны мысли.

– Обнадеживающее начало, – заметил Эшвин.

– Прежде всего, – уже более уверенно заговорил Мартин, – общество виньяров, кажется, существует на самом деле. Вряд ли Пол стал сочинять легенду в помощь убийце, чьей жертвой сам же и стал, пусть случайно.

– Фраза отчасти в тевтонском духе, но сама идея здравая.

– Тогда, если наше предположение об убийстве по ошибке верно, из этого следует, что убийце тоже было известно о существовании секты, если, конечно, исключить возможность случайного знакомства с ее символикой.

– Позвольте кое-что уточнить, – прервал его доктор Эшвин. – Злодей мог знать символику, не зная толком о том, кто такие эти виньяры. Любой европеец мог воспринять Семерку в связи с каким-нибудь убийством, совершенном виньярами много лет назад, и вспомнить знак, хотя что стояло за тем убийством, ему так и осталось неизвестным.

– Не исключено, – согласился Мартин. – Но тогда мы снова сталкиваемся с совпадением, а именно: случайной жертвой первого убийства стал человек, от которого виньяры хотели бы по какой-то причине избавиться.

– Давайте порассуждаем. – Эшвин осушил бокал. – Допустим, убийца узнал доктора Шеделя, когда было уже слишком поздно, вспомнил вдруг про символ и нити, тянущиеся от него в Швейцарию, быстро набросал рисунок – и скрылся.

Мартин открыл было рот, но Эшвин не дал себя перебить.

– Погодите, мистер Лэм! Я понимаю, что вы хотите сказать. Что для упражнений в графике было слишком темно, да и времени мало. И далее, зачем было оставлять тот же знак рядом с телом мистера Леннокса, который совершенно не связан с Швейцарией. Так?

– Если только убийца не знал, что через Леннокса, пусть не прямо, информация о виньярах просочилась в газеты. Это было известно и Алексу, и Синтии; что касается Лешиных, ничего определенного сказать не могу, но Пол сам мог обо всем рассказать кому-либо из них, а то и обоим.

– Мы с вами ходим кругами, мистер Лэм, – грустно констатировал доктор Эшвин. – Семеро смешивают все, историю с географией, это наше Ватерлоо...

После непродолжительного молчания Мартин попробовал зайти с другой стороны.

– Знаете, – заговорил он, – у меня такое ощущение, что мы отворачиваемся от того, что бросается в глаза. Почему бы не согласиться с тем, что оба убийства – это сознательная акция виньяров? Доктор Шедель был убит за проповедь Евангелия мира, несовместимого с Несвятым духом Агграмакса, а также, возможно, противоречащим некоторым старым положениям швейцарской политики; Пол же был убит просто за то, что слишком много знает про секту. Я знаю, вы всегда возражаете против подобных версий, находя их излишне мелодраматическими, но из этого еще не следует, что мелодрам никогда не бывает в жизни.

– Нет, мистер Лэм, – покачал головой Эшвин, – мои возражения против версии о посланнике виньяров – это на сей раз не просто дело вкуса, что имело место, когда мы с вами говорили о гибели доктора Шеделя. О том, что убийца не был виньяром, убедительно свидетельствует найденный ваш блокнот.

– Как это? Мне-то как раз казалось...

– Судите сами. Сержант Каттинг был абсолютно прав, заметив, что убийца должен был бы взять весь блокнот. У виньяра, кто бы им ни оказался, могла быть только одна причина, чтобы рыться в бумагах мистера Леннокса, – стремление, чтобы все выглядело так, будто история секты не имеет ни малейшей опоры в действительности и что в архиве мистера Леннокса нет никаких бумаг, о которых он так красноречиво рассказывал. А для этого было достаточно просто взять блокнот, оставив все другие бумаги в полном порядке.

Мартин кивнул в знак согласия.

– А что делает наш воришка? Для начала он разбрасывает бумаги по всей комнате, так чтобы ни у кого не оставалось сомнений: в комнате что-то искали. Затем он вырывает из блокнота странички, имеющие отношение к виньярам, но предпоследнюю, с незаконченной фразой, оставляет, из чего вполне явствует содержание исчезнувших записей. Коротко говоря, если цель настоящего виньяра должна была заключаться в том, чтобы разуверить весь мир в подлинности

существования секты, то вор как раз из кожи вон лез, чтобы доказать противоположное: виньяры – это не выдумка, но реальность.

– Сдаюсь, – вынужден был печально признаться Мартин. – Похоже, виньяров с нашей картины придется смыть.

– Боюсь, что так, вот именно, как вы говорите, смыть. Но в дневнике есть еще один момент. Тот факт, что там речь идет о виньярах, может быть ясен только тому, кто знает, что Пол Леннокс почерпнул свои сведения от некоего Жана Штауфахера, и вор вполне мог предполагать, что именно вы как сосед и ближайший друг мистера Леннокса и есть этот человек и сообщите обо всем, что вам известно, в полицию. Из газетных отчетов эту информацию не почерпнешь.

– Таким образом, – подхватил Мартин, – мы возвращаемся к тем, кто слышал историю, рассказанную Полом, вернее, к Алексу, Синтии и мне, ибо Мэри Робертс и Уортинг здесь, конечно, вообще ни при чем. Разве что, – он невольно улыбнулся, – если все это действительно дело рук виньяров, то очередной жертвой вполне может стать Уортинг. Ведь это он скорее всего передал газетчикам историю, рассказанную Полом. И я не удивлюсь, если узнаю, что его и сейчас подмывает отправиться по тому же адресу.

Доктор Эшвин поднялся – движение с его стороны весьма необычное и свидетельствующее о некотором внутреннем напряжении.

– Знаете, мистер Лэм, – меня иногда шокирует, насколько легкомысленно мы с вами смотрим на эти убийства. Они кажутся нам всего лишь сюжетом некоей интеллектуальной игры. А ведь двое мужчин убиты, убиты жестоко, при этом второй – на фоне моих рассуждений и выводов, сделанных на основе очевидного. Если бы мы могли извлечь бесспорность из нагромождения фактов, если бы мы могли превратить свою интеллектуальную головоломку в орудие справедливости...

– Пол был моим другом, – не дал ему договорить Мартин. Он вдруг почувствовал не то чтобы жажду мести, но обыкновенное желание воздаяния.

– Давайте, – предложил доктор Эшвин, – забудем на время обо всех этих таинственных сектах и символах. Не зная содержания вырванных из блокнота записей, мы обречены действовать вслепую. Давайте сосредоточимся на людях, а прежде всего на отравлении. Мистер Лэм, у вас хорошая зрительная память?

– Да ничего вроде. А что?

– Я хотел бы попросить вас составить примерную схему расположения людей вокруг этого «реквизитного столика» – кажется, вы его так называете? – в момент, когда разбился бокал. Пусть то же самое сделает мисс Моралес, и завтра после обеда я жду вас с результатами. Затем мы с вами нанесем визит доктору Грисуолду, попросим и его проделать ту же операцию. Вполне вероятно, взгляд у него окажется самый острый. А после этого можно будет приступить к рассуждениям.

– Лупе возвращается завтра днем, – за обедом заметила Мона.

– Как ее самочувствие, все нормально? – спросил Мартин.

– Да, все хорошо, даже отлично. Славно будет снова увидеть их вместе с Куртом. Да, Лупе-то вполне здорова, а вот из Лос-Анджелеса слышно, что ее отец-генерал тяжело болен. Скверная рокировка.

– Давненько Курта не видел.

– Да ну? – Мона налила себе еще один стакан чаю. – А разве в четверг вечером ты его в аудитории не заметил?

Мартин едва не уронил вилку с насаженным на нее куском яблочного пирога.

– Как, и он тоже? Похоже, все там были в тот вечер.

– А что удивительного? Все мы – твои друзья, и нам интересно, как у тебя получается спектакль.

– И где же ты его видела?

– Вместе со всеми он поднялся на сцену. Мы перекинулись парой слов, когда он проходил мимо столика, где мы стояли. Я думала, ты тоже его заметил.

– Да нет... – Мартин выругал себя за столь нервную реакцию. Какие бы мотивы – если даже предположить их наличие – ни были у Курта Росса желать смерти своему дяде, уж в гибели-то Пола Леннокса он точно не мог быть заинтересован. Это обыкновенное совпадение. Мартин собрался с мыслями и снова повернулся к Моне.

– Да, Мона, кстати, – заговорил он – ты, наверное, заметила, что обе эти смерти не дают мне покоя. Я вроде как ошибка природы – детектив-любитель. И к тому же Пол был мне близок...

Мона допила чай и вопросительно посмотрела на Мартина.

– Да?

– Полиция считает (Мартин испытал странное удовлетворение этой ссылкой на авторитет сержанта Каттинга), что в бокале шерри, который Пол выпил по ходу действия, оказался яд. То есть некто – полагаю, Мона, я могу рассчитывать на твою сдержанность, – подмешал яд в тот момент, когда разбился второй бокал. Помнишь?

– Да... – В голосе Моны почувствовалась некоторая неуверенность.

– Я хотел бы попросить тебя набросать схему расположения людей вокруг столика.

– Так тебе ж это лучше знать.

– Возможно, и так. Но я хочу проверить свою память.

– Попроси доктора Грисуолда.

– Непременно попрошу.

– И что, тебе этого мало? – Мелодичный голос Моны слегка дрогнул.

– Да, но... Мона, в чем дело?

– Дай мне, пожалуйста, закурить.

Мартин протянул ей пачку, взял сигарету и себе, чиркнул спичкой. Наступила пауза – казалось, Мона с трудом подыскивала нужные слова.

– Мне кажется, Мартин, – заговорила она, – мне кажется, я понимаю, почему ты обращаешься ко мне и доктору Грисуолду, а не к Алексу с Синтией и не к Лешиным. Потому что думаешь, что ни он, ни я никак не связаны с Полом – ни в жизни, ни в смерти.

– Верно, – признал Мартин.

– Pues bien⁵¹... спроси доктора Грисуолда.

– Мона... Как тебя понимать?

– Помнишь, в четверг – о Господи, кажется, это было много лет назад, – я за чаем упомянула одного мужчину, который... не захотел остановиться? – Мартин кивнул, приглашая Мону продолжить, и, поколебавшись немного, она заговорила вновь: – Это был какой-то дурацкий пикник, все много пили и вели себя, как животные. Это были друзья Ремиджио; больше я на их сборища не ходила. Не знаю уж, был ли он пьян; по-моему, просто оказался в компании полужнакомых людей. В доме было пусто. Все произошло в саду. То есть могло произойти, если бы не появился Ремиджио. Благодарение Богу, лица его Ремиджио не успел увидеть, он убежал, едва услышав шаги брата... Так на картинах морских пехотинцев изображают. – Она улыбнулась какой-то бледной, совершенно не похожей на обычную улыбкой и добавила: – Мне кажется, в тот момент я возненавидела Пола Леннокса.

Мартин почувствовал, что он уже не так сильно, как прежде, стремится воздать по заслугам убийце Пола.

Они сидели в тишине, домашней тишине, такой же доброй, как прикосновение руки, когда ее внезапно нарушил громкий голос с отчетливыми интонациями диктора Би-би-си.

– Лэм! Лэм, старина, а я повсюду тебя разыскиваю! Какого хрена, ты должен больше, чем кто-нибудь, знать про эту диковину.

– Ну, что там? – Мартин посмотрел на Уортинга с еще большей неприязнью, чем обычно.

– Я обнаружил это на двери, когда поднялся к себе после обеда. Десять минут назад. А присобачить могли в любое время. Повсюду тебя разыскиваю, старик, может, пособишь? То есть

⁵¹ Ну что же, в таком случае (исп.).

как, по-твоему, стоит мне попросить бобби⁵², чтобы охрану приставили? А? Как тебе кажется, моей бычьей шее ничто не угрожает?

– Ничего не понимаю, – пробормотала Мона, явно запутавшаяся в лабиринте англицизмов-уртингизмов.

– Ну и что ты там такого нашел особенного? – кротко спросил Мартин, благородно подавляя в себе сильное желание свернуть эту бычью шею немедленно.

– Смотри. – И Уортинг положил на столик третий рисунок Семерых с Голгофы.

⁵² Бобби – просторечное наименование полицейских в Англии.

9. Последние семь

Когда Мартин и доктор Эшвин появились в тот день у Грисуолда, тот сидел за фортепьяно, наигрывая развлечения ради отрывки из Гилберта – Салливана. Ожидая на крыльце, пока хозяин откроет дверь, Эшвин так и светился от радости. Мелодии Салливана были единственным, что трогало его антимузыкальную душу, да и то потому, что он помнил слова арий.

Когда экономка открыла дверь, ученый-музыкант как раз резко перешел от партии хора в «Иоланте»⁵³ к арии Микадо, и детективы-любители вошли в кабинет на словах:

*Мой замысел высок,
Исполнится он в срок,
И поразит злодея сердце
Испытанный клинок.*

Доктор Грисуолд оборвал игру и поднялся навстречу гостям.

– Какая приятная неожиданность. Рад видеть вас. – Он указал Мартину и Эшвину на стулья.

Вопреки обыкновению Эшвин сразу перешел к делу.

– Вы не представляете себе, Грисуолд, какую подходящую музыку вы выбрали, чтобы встретить нас.

Доктор Грисуолд с веселым удивлением потеревил бороду.

– Я вижу, Эшвин, Мартин оказывает на вас разлагающее влияние, вы уже, как и он, начали говорить на театральном языке. Да, кстати, – добавил он, поворачиваясь к Мартину: – Вчера вечером я наткнулся на занятный памфлетик в La abeja⁵⁴ – театральный журналист пишет о «Дон Жуане» Фонсеки как о «drama maldito», проклятой пьесе; вы бы, наверное, сказали иначе – «представление о бедах и несчастьях», что-нибудь в этом роде.

– Да ну? – с любопытством откликнулся Мартин – И когда это было написано?

– По-моему, в тысяча восемьсот сорок восьмом году. Я выписал выходные данные, подумал, что вам это может быть интересно. – Он протянул Мартину один из тех клочков бумаги (ученый люд, бог знает почему, называет их «пушинками»), которыми были всегда набиты его карманы. – Рецензент замечает, что новые постановки этой пьесы неизменно совпадают во времени с различными трагическими эпизодами: смертью, несчастным случаем, иными бедами; словом, получается нечто вроде легенды, которую любят пересказывать в связи с оперой La Forza del destino⁵⁵.

Эшвин начал выказывать некоторые признаки нетерпения.

– Вот как раз в связи с пьесой «Возвращение Дон Жуана» мы и пришли к вам, Грисуолд.

– Что-то слишком официально вы изъясняетесь. Хорошо, чем могу быть полезен?

– Уверен, что ни декан, ни ректор не одобрили бы моих действий; в то же время мы с вами работали вместе в различных комитетах, и я успел убедиться, что вы менее всего похожи на узколобого профессора.

– Спасибо. – Доктор Грисуолд полуприкрыл глаза и сплел пальцы, явно пытаюсь понять, что бы все это могло означать.

– Видите ли, Грисуолд, – кажется, Эшвин впервые утратил весь свой апломб, – дело в том, что я стал детективом.

Доктор Грисуолд укоризненно улыбнулся Мартину.

– Смотрю, я даже недооценил вашего разлагающего влияния, не так ли?

– Боюсь, что так, – согласился Мартин, – но вообще-то сейчас не до шуток. Дело серьезное, и может оказаться еще важнее, чем выглядит сейчас.

⁵³ «Иоланта» – опера американского композитора А.Салливана, либретто У.Гилберта.

⁵⁴ «Пчела» (исп.).

⁵⁵ «Сила судьбы», опера Дж. Верди (1862).

– В общем, – резюмировал доктор Эшвин, – мистер Лэм обнаружил кое-какие обстоятельства, связанные с недавними смертями; это не явные, бесспорные доказательства, в суд с ними не пойдешь, но задуматься они заставляют. И если нам удастся узнать немного больше, чем мы знаем, прояснится, надеюсь, и вся картина.

– И тогда вы сможете выполнить свой гражданский долг? – заключил доктор Грисуолд. – Ну что же, всем, что знаю, готов поделиться.

– Спасибо. – Эшвин явно испытывал облегчение от того, что заставил себя признаться в новом своем увлечении. – Собственно, нам от вас нужно только одно – чтобы вы начертили схему расположения людей вокруг столика в глубине сцены в тот момент, когда разбился один из стоявших на нем бокалов.

Доктор Грисуолд с удивлением посмотрел на гостей, и Мартин быстро посвятил его в суть дела. Дослушав, доктор Грисуолд снял очки и рассеянно протер стекла.

– Ну что ж, – вздохнул он – полагаю, это мне по силам. – Он взял карандаш и бумагу и принялся чертить; делал он это медленно, то и дело останавливался, словно проверяя память.

Когда рисунок был почти готов, доктор Эшвин нарушил тишину очередным вопросом:

– А вы, часом, не знаете, как на генеральную репетицию попали Лешины?

– Так, дайте сообразить... Я столкнулся с Лешиным в библиотеке. Он сказал, что встречается с женой в аудитории, где назначена генеральная, и я решил пойти с ним, хотя у меня были билеты на сегодняшнюю премьеру. Выходит, не напрасно.

– Вы нам очень помогли в трудную минуту, – с благодарностью сказал Мартин.

– Да я не о том вовсе. – Доктор Грисуолд был явно смущен. – Просто хотел сказать, что иначе не увидел бы вашей пьесы.

– А почему все-таки Лешины пошли на генеральную, а не дождались, когда спектакль пойдет на публике? – настаивал Эшвин.

– Не знаю. Об этом у нас не было речи. Мы вообще мало разговаривали. С миссис Лешиной я едва знаком, заметил только, что между нею и мужем возник какой-то холодок. Более того, если только я не слишком сильно ошибаюсь, мне показалось, что она не ожидала его там увидеть. Хотя мне он, повторяю, сказал, что они договорились о встрече.

Мартин и Эшвин обменялись понимающим и взглядами. Все это с очевидностью означало следующее: Таня Лешина пришла на репетицию одна, имея в виду встретиться с Полом по ее окончании, хотя и не при таких трагических обстоятельствах, а Иван Лешин что-то заподозрил и последовал за женой, пригласив с собой доктора Грисуолда, возможно, чтобы избежать сцены.

Доктор Грисуолд отложил карандаш.

– Ну вот, кажется, все верно. Вообще-то у меня отличная зрительная память. – Он протянул схему Эшвину, который извлек из кармана другой лист бумаги, с вариантом Мартина.

Все трое сели на кушетку подле окна и при ярком свете апрельского солнца принялись разглядывать обе карты смерти. Доктор Грисуолд заговорил первым:

– Мартин, похоже, все у нас сходится. Полагаю, можно утверждать, что обе схемы приблизительно верны.

– Приблизительно, – с заметным неудовольствием повторил Эшвин.

– Если вам угодно обсудить эти рисунки с вашим доктором Ватсоном, – ответил Грисуолд, – милости просим. Обещаю хранить молчание.

– Как вы думаете, каких размеров тот стол в поперечнике? – задумчиво спросил доктор Эшвин.

– Около трех-четырёх футов. Согласны, Мартин?

– Примерно.

– Тогда всякий, кто потянулся бы через стол, не мог бы остаться незамеченным. То есть нет. Не заметить-то можно, но риск слишком велик, да и не нужен. Из этого следует, что опрокинуть бокал могли только мисс Вуд или мистер Брюс.

– Мне кажется, мистер Брюс стоял для этого слишком далеко от стола, – заметил доктор Грисуолд.

– А по-моему, как раз достаточно близко, – возразил Мартин.

– В таком случае... Ага! – В выражении лица Эшвина появилось нечто похожее на удовлетворение. – Вы, мистер Лэм, стояли прямо напротив мистера Брюса и наверняка видели его, когда бокал упал на пол. А вы, доктор Грисуолд, стояли напротив мистера Лешина и должны были повернуться на звон бьющегося стекла и лишь потом увидеть Брюса. В тот момент он немного отступил от стола.

– Минуточку, минуточку! – вскинулся доктор Грисуолд. – По вашим же словам, вы предполагаете, что яд был подмешан в один бокал в тот самый момент, когда опрокинулся другой. Но бокал с ядом стоял на дальней от Брюса стороне стола, ближе к Лешину и мне.

– Вот именно! – Удовлетворенность сменилась на лице Эшвина выражением сильной досады. – Я смотрел в лицо очевидным вещам, не замечая их. Бокал не сам разбился. Его нарочно опрокинули.

– Но зачем? – удивился Мартин. – Ведь это означало бы привлечь всеобщее внимание к этим склянкам.

– А затем, чтобы быть уверенным, что мистер Леннокс выпьет бокал со стрихнином.

– А что мешало подмешать яд в оба бокала?

– Тогда мог бы пострадать кто-то третий, невинный. Маловероятно, конечно, и все же. Наш убийца – человек разборчивый.

– Ясно, – кивнул Мартин. – Вы, стало быть, думаете, что яд подмешали раньше?

– Да. Возможно, тогда, когда во время перерыва зрители ходили по сцене, перед тем как расположиться так, как это указано на ваших схемах. Не исключено, уже после того, как был разбит второй бокал.

– Вы и представить себе не можете, – доктор Грисуолд несколько раз моргнул, – насколько интересно наблюдать дедуктивный – или это индукция? – метод расследования преступления в действии, особенно если детектив применяет более или менее сходные принципы в научных разысканиях или ученых собраниях. К вам это тоже относится, Мартин. Но не будете ли вы любезны объяснить, какие из всего этого следуют выводы?

– Никаких, – с нажимом ответил Эшвин. – Боюсь, речь идет только о возможностях и вероятностях. Представляется вероятным, что бокал опрокинул Алекс Брюс (почти точно – либо он, либо мисс Вуд). А поскольку разбитый бокал – это важнейшая часть всего плана убийства, кажется вероятным, что и отравитель – это Алекс Брюс. Но только вероятным – тут уже уверенности нет. Остается возможность, пусть небольшая, что мистер Брюс или мисс Вуд просто случайно опрокинули бокал, тем самым невольно поспособствовав отравителю. Нам не хватает фактов, и где их раздобыть, я не вижу.

– А поскольку, – подхватил доктор Грисуолд, – особой срочности в их нахождении нет или, во всяком случае, я надеюсь, что нет, не вижу, почему бы вам с Мартином не выпить со мной чаю и не отвлечься на какое-то время от этой проблемы. Моя дочь Марджори должна быть с минуты на минуту, и она...

Доктор Эшвин задумчиво встал со стула. Гнала его не только перспектива чаепития в обществе кроткой юной девицы; ему хотелось остаться одному подальше даже от своего верного Ватсона и еще раз углубиться в проблему.

– Прошу прощения, – сказал он, – боюсь, мне пора. А вы, мистер Лэм, оставайтесь. Увидимся в понедельник. – И, наскоро попрощавшись, он вышел из дома.

– Эшвину нужно было что-то в этом роде, – заметил доктор Грисуолд. – Перестав переводить, он как-то увял. Отказался от шахмат, отказался от бильярда – а ведь был когда-то настоящим чемпионом в нашем университетском клубе, – да почти от всего и от всех ушел, если не считать этой девчушки, как ее там, Элизабет, кажется. Так что я рад вашему разлагающему влиянию.

– Я немного беспокоюсь за него, – сказал Мартин. – Как-то он вдруг слишком серьезно погрузился во все это дело. И эта внезапная поспешность: «Увидимся в понедельник, мистер Лэм...» Скверный оборот принимают дела, когда Холмс так резко отталкивает от себя Ватсона.

В этот момент появилась Марджори Грисуолд. Чай оказался вкусным; доктор Грисуолд снова сел за фортепьяно; а Марджори оказалась целым кладом различных анекдотов, порой пикантных, касающихся ее наставников. Отец и Мартин от души забавлялись.

– А доктор Лешин сегодня пропустил занятия, – сообщила Марджори. – О нет, это никакой не упрек, я часто тоже сама не своя бываю по субботам в девять утра, а тут еще говорят, у его жены случился нервный срыв, и он должен быть с ней рядом. Что-то в этом роде.

Если не считать некоторого беспокойства, вызванного этой новостью, Мартин провел приятный, спокойный день, не потревоженный мыслями о стрихнине, тайных символах и внезапных смертях. Но эти мысли вернулись, когда, направляясь домой, он заметил в Большом Зале Уортинга. Тот сидел на диване рядом с Дэвисом, являющим собой воплощение удовлетворенной просьбы о полицейской охране. Для этого понадобился звонок в Британское консульство в Сан-Франциско: оттуда связались своим чередом с Уортингом и уговорили его выделить охранника. Но чем пристальнее Уортинг разглядывал этого рохлю-полицейского, тем более убеждался, что вряд ли овчинка стоила выделки.

Его просьба, как и беглое замечание сержанта о том, что Мартину уже было известно, привели к тому, что вечерние выпуски газет запестрели заголовками: «Новый удар швейцарской секты», «Полиция не может найти убийцу Шедела».

«Несмотря на попытки полиции утаить или принизить значение этого существенного факта, – читал Мартин, – редакции стало достоверно известно, что на теле Пола Леннокса, отравленного в четверг вечером на сцене аудитории Уилера Калифорнийского университета, был обнаружен знак Семерых с Голгофы. Именно Леннокс, что уже не является тайной, был источником эксклюзивно обнародованной на страницах нашей газеты информации, касающейся Семерых с Голгофы и действий швейцарской секты, известной под названием виньяров». Далее следовал повтор опубликованной ранее статьи со следующим примечанием: «Ричард Уортинг, близкий друг Леннокса (Мартина это заявление несколько покорило), представивший нам данную информацию, и сам получил эту метку – знак смерти, и лишь с немалым трудом добился того, чтобы полиция обеспечила ему охрану».

Любопытствуя, что тут еще можно найти, Мартин перелистал газету. Точно, вот она, редакционная статья на полколонки, где в пух и прах разносится полиция, а также содержатся некоторые замечания, способные вызвать сильнейшее негодование у работников швейцарского консульства.

Версия, связанная с виньярами, кажется чертовски правдоподобной, уж точно куда более правдоподобной, нежели предположение, будто Алекс совершил два хладнокровных убийства из ревности. Разумеется, никогда не знаешь, до чего она может довести человека, и все же это явно недостаточный мотив, особенно если речь идет о таком симпатичном и миролюбивом человеке, как Алекс. А тут еще это новое послание Уортингу – случайность или...

Мартин задумался.

В воскресенье днем Мартин пошел прогуляться по холмам вместе с Моной, Лупе Санчес и Куртом Россом. Лупе, казалось, чувствовала себя наилучшим образом, хотя и была встревожена болезнью отца и ожиданием звонка из Лос-Анджелеса, который мог последовать в любой момент. Пока девушки щебетали что-то по-испански, Курт взял Мартина за локоть и на минуту задержал его.

– Слушай, – неуверенно начал он, – в газетах правду пишут?

– Практически всегда врут.

– Нет, нет, я не о том. Я про то, что ты якобы видел, про знак. Это правда?

– Да. Видел собственными глазами, и Мак может это подтвердить, что бы там сержант Каттинг ни говорил о моем разыгравшемся воображении.

– Это в точности такой знак, который нашли на теле дяди?

– В точности ли – не скажу. Я видел его только мельком, да и то в суете. Но что это был тот же символ – факт.

Курт был явно встревожен.

– Мартин, – помолчав, продолжал он, – я ничего не могу понять. Я швейцарец, и если бы такая секта существовала, должен был бы знать. Но даже если так, какая связь между Полом и моим дядей?

– Мона говорит, ты поднимался на сцену в тот вечер? – в интонации Мартина прозвучал столько же вопрос, сколько утверждение.

– Да, но ничего не видел. Да и как увидишь, когда там столько народу толпилось?

– К столу подходил?

– На котором бокалы стояли? Было дело. Но с тобой заговорить не пытался, тебя со всех сторон окружали зрители. Даже взгляд перехватить не мог.

– Ничего необычного не заметил?

– Нет.

– Ну, где вы там застряли? – Голос Моны прозвучал ярдах в двадцати впереди, и они ускорили шаг.

Вдруг Курт снова остановился.

– Необычного!.. Точно. Была одна мелочь. Только сейчас вспомнил. Проходя мимо стола, я услышал, как одна дама в красном платье спрашивает: «Где у них тут фонтанчик с питьевой водой?» Я обратил внимание, потому что и сам его искал. А стоявший рядом с ней невысокий смуглый мужчина – это ведь был доктор Лешин, верно? – сказал: «Почему бы тебе здесь не выпить?» – и указал на бокал на столе.

– Какой? – встрепенулся Мартин.

– Откуда мне знать? Станным только показалось предложение воспользоваться театральным реквизитом. Впрочем, особого внимания я не обратил.

– Ну, а женщина что?

– Она сказала: «Не так-то уж я умираю от жажды», что-то в этом роде. Точно не скажу, я просто мимо проходил.

Мартин замолчал. Что это, случайное совпадение или какой-то новый важный след? Неужели доктору Лешину пришла в голову безумная идея отравить разом и жену, и ее любовника? Знал ли он об этом романе и давал ей понять, что знает? Или это просто нелепая обмолвка? А ее отказ – чем его объяснить? Тем, что она знала про содержимое бокала, или то было естественное нежелание попробовать на вкус то, что на сцене сходит за вино?

– Так что вы, идете или нет? – окликнула мужчин Лупе.

– Сам-то ты что обо всем этом думаешь? – спросил Курт, догоняя девушек.

– Да ничего не думаю. – И это была чистая правда.

После часовой прогулки, принесшей ему, как и всем остальным, немалое удовольствие, Мартин растянулся в тени большого дерева; Мона присела рядом. Курт и Лупе куда-то ушли, якобы цветы пособирать.

После долгого молчания, которое должен же был кто-то нарушить, Мона спросила:

– Ну и как твои успехи в роли детектива-любителя?

– Безобразно.

– Как это «безобразно»? – Произнесенное с боливийским акцентом, это слово прозвучало поистине странно.

– Ничего не сходится... – Мартин раздраженно выдернул из земли травинку. – К тому же я нарушил первое правило хорошего детектива.

– О чем это ты?

– Детективы не влюбляются. – Он нежно поцеловал ей руку.

– Pero, que tonterias me dices! – прошептала Мона. – Enamorado tu?⁵⁶

На эти темы лучше всего говорить по-испански, подумал Мартин и, перехватив эстафету у Моны, перешел на этот язык и не умолкал до тех пор, пока оба одновременно не решили, что лучше всего не говорить вообще. И Мартин совершенно забыл, что завтра предстоит дознание по делу об убийстве Пола Леннокса.

Впрочем, эта забывчивость не имела значения, ибо дознание не выявило никаких новых фактов, представляющих сколь-нибудь существенный интерес.

⁵⁶ Ну что за глупости ты говоришь? Ты что, влюбился? (исп.)

Мартину, в отсутствие родственников, пришлось участвовать в формальном опознании тела. Процедуру эту он нашел почему-то особенно неприятной. Затем последовали вопросы, касающиеся того, что произошло на сцене аудитории Уилера; это стало фактическим повторением его разговора с сержантом Каттингом. О Семерых с Голгофы никто не заикнулся, что совершенно не удивило Мартина. Судя по всему, утечка информации, произошедшая благодаря обращению Уортинга, привела сержанта Каттинга в такое раздражение, что он, видно, дал себе слово просто забыть об этом нелепом символе.

Вскрытие показало, что доза стрихнина составляла три грана – более чем достаточно, чтобы отправить человека на тот свет. Никто из тех, кто мог бы дать показания касательно возможных мотивов покушения, вызван не был, и жюри вынесло предсказуемый вердикт: Пол Леннокс скончался от отравления стрихнином, что кваб5 лифицируется как преднамеренное убийство, совершенное одним лицом или несколькими неизвестными лицами.

Но дела это не сдвинуло с мертвой точки ни на йоту, подумал Мартин. Вердикт – чистая формальность, коронерское жюри не призвано по закону выявлять те или иные факты. Сержант Каттинг будет продолжать расследование, и возможно... Краем глаза Мартин заметил среди немногих присутствующих в зале суда Ричарда Уортинга (которого по-прежнему сопровождал многострадальный Дэвис); выглядел он грустным и озабоченным, так, словно опасался, что станет следующим фигурантом коронерского опознания.

– Убийство вступило в смертельную схватку с санскритом, – заметил Мартин, присаживаясь рядом с письменным столом Эшвина.

– Да. Похоже, мне следовало бы оценить ваши ватсоновские способности выше, нежели знание Махабхараты.

– Одно утешает... – Мартин видел, что доктор Эшвин не в том настроении, чтобы с ходу начать говорить о деле. Нужно немного поболтать о чем-нибудь постороннем. – Убийство и санскрит – уникальное сочетание.

– Вот тут, мистер Лэм, вы глубоко заблуждаетесь. – Кажется, Эшвин был рад возможности повещать немного ex cathedra. – Помните Юджина Эрама? Одно из самых необычных, в смысле своего раскрытия, убийств в мировой истории, на удивление красочно описанное Томасом Гудом⁵⁷.

– Необычное по раскрытию? – переспросил Мартин. – Насколько я помню, Эрам был кем-то вроде филолога, а что касается убийства, я всегда считал, что раскрыть его удалось только потому, что кто-то обнаружил скелет его жертвы.

– Понимаете ли, мистер Лэм, случай Эрама – зеркальная противоположность тому, с чем мы имеем дело в Беркли. Там убили того, кого хотели, а вот труп нашли не тот. Иными словами, тело жертвы Эрама было найдено только после того, как возникли определенные подозрения и были начаты поиски, вызванные обнаружением скелета, который так и не был опознан и не имел никакого отношения к преступлению. Что касается филологии, то это просто смешно: заслуги Эрама в этой области были явно преувеличены, скорее всего, потому, что он оказался ко всему прочему убийцей (не сомневаюсь, что ваш любитель вечеринок мистер Моррис, соверши он какое-нибудь тяжкое преступление, попал бы в один ряд с Эрамом и Эдвардом Рулоффом⁵⁸ как «просвещенная» личность); тем не менее, мистер Лэм, Эрам подрывает ваш тезис, будто убийство и санскрит представляют собой уникальное сочетание. А помимо того, Джордж Борроу⁵⁹, обладавший кое-какими, пусть и невеликими, познаниями в санскрите, – неважно, что бы кто ни думал о целях использования этих познаний, – описывает в одной из своих книг несколько встреч с Джоном Тертеллом.

– Тертеллом?

⁵⁷ Эрам, Юджин (1704–1759) – английский филолог-арабист, получивший, однако, известность главным образом благодаря совершенным им убийствам. Ему посвящены баллада Томаса Гуда «Сон Юджина Эрама» и роман Эдварда Бульвер-Литтона «Юджин Эрам».

⁵⁸ Рулофф, Эдвард (1820–1871) – филолог, также завоевавший известность не столько научными трудами, сколько преступными деяниями, прежде всего убийством жены и сына.

⁵⁹ Борроу, Джордж (1803–1881) – английский писатель-путешественник.

– Названия книги не помню, спросите доктора Грисуолда, он куда больший борровиец, чем я, если, конечно, так можно сказать.

– Борровианец, – предложил свой вариант Мартин.

– Тертелл – кебмен и, в общем, заурядный убийца, и сегодня о нем вспоминали бы, в основном, благодаря Борроу, если бы его преступления не пробудили вдохновение одного поэта. Тертеллу повезло меньше, чем Эраму, имя его в анонимном стихотворении не звучит, но все четверостишие представляется мне образцом лаконизма:

*Ему воткнули в горло нож
И вышибли мозги.
Обыкновенный мистер Бош
Расстался с жизнью вмиг.*

Довольный одобрительной реакцией Мартина на этот поэтический шедевр, Эшвин откинулся на спинку своего вращающегося стула и допил виски. Затем какое-то время значительно помолчал, открыл новую пачку сигарет, протянул Мартину, закурил сам и выпустил изо рта большую струю дыма.

– В субботу, – заговорил он, – я уходил от Грисуолда в тревоге, и она не прошла и поныне. Эти две ночи я почти не спал, выкурил больше сигарет, чем положено, и выпил раблезианское количество виски. Повторяю, мне очень не по себе. Какие-нибудь новости есть?

Мартин кратко описал рутинную процедуру опознания, заметив под конец, что Курт вспомнил свой разговор с четой Лешиных, но ничего такого особенного отсюда не извлечешь.

– Что ж, мистер Лэм, если в нем, в этом разговоре, нет каких-то неведомых нам глубин, приходится признать, что мы топчемся на одном месте. Вы предложили несколько толкований этого эпизода, самым правдоподобным кажется, конечно, что он не значит ровным счетом ничего. Правда, может быть еще одно предположение – мистер Росс лжет.

– Да зачем ему это?

– А я-то думал, что это вам прежде всего должно было прийти в голову. Это ведь вы сразу заподозрили мистера Росса!

– Да, но мы вместе полностью отмели эту версию. Только... – Мартин осекся.

– Да?

– Вы хотите сказать, у Курта мог быть какой-нибудь другой мотив? Что он скорее, чем кто-либо иной, может оказаться виньяром?

– Ничего подобного, мистер Лэм, сказать я не хочу. Мне просто интересно было узнать, допускаете ли вы такую возможность. Как я уже говорил, блокнот убедительно свидетельствует, что виньяры здесь ни при чем... или, как вы предпочитаете изъясняться, их надо смыть с картины. Теперь я возвращаю вам вашего мистера Росса; впрочем, мне кажется, вы и так слишком сильно его обидели, этого несчастного молодого человека, и совершенно зря.

– В таком случае, кто же, по-вашему...

– Мистер Лэм, я сейчас пребываю в таком состоянии, когда ничто не кажется мне очевидным – кроме того факта, что все идет не так, как нужно. Кто бы ни отравил Пола Леннокса – Лешины, мисс Вуд или, что представляется наиболее вероятным, мистер Брюс, убийство доктора Шеделя по-прежнему является загадкой. Зачем мистеру Ленноксу понадобилось с таким тщанием выстраивать себе алиби на тот вечер, когда его должны были убить, – ведь его куда легче было бы просто сфабриковать? И зачем ему понадобилось столь пространно излагать сомнительную историю какой-то захудалой швейцарской секты? Во всем этом нет решительно никакого смысла.

Наконец, есть еще один, главный, вопрос: почему убийца сменил род оружия? Не остановиться после сокрушительной неудачи, продолжить кровавое дело – для этого требуется сильная преступная воля. А тут еще... Криму нравился стрихнин, и он был ему верен. Джек Потрошитель ловко орудовал ножом и никогда от него не отказывался, какую бы ерунду ни мололи те, кто утверждает, будто он сам превратился впоследствии в доктора Крима⁶⁰.

⁶⁰ Крим, Томас Нил, (1850–1892), известный также как Лэмберт Отравитель – серийный убийца, совершавший свои на шумевшие преступления в трех странах – Англии, Канаде и США. По легенде, его

Вы скажете, что оба они – преступники-безумцы, одержимые *idée fixe*. Но возьмите Смита Убийцу жен в ванной (который, пожалуй, заслужил титул Смита Смитов даже больше, чем великий Сидни), возьмите доктора Причарда, Лидию Шерман, Сару Джейн Робинсон, «Ангела Смерти» Топпан, возьмите даже прославленную Лиззи Борден⁶¹, чье единственное отличие от мистера Боша – если верить стишку – заключается в том, что в одном случае было нанесено сорок ударов, а в другом сорок один. Так что же, спрашиваю я вас, заставило нашего убийцу отказаться от ледоруба в пользу стрихнина?

– Большинство упомянутых вами людей, – возразил Мартин, – как раз и были пойманы потому, что всегда действовали одним и тем же способом. Уж Крим, Смит и Причард – это точно. Джеку Потрошителю, правда, удалось уйти от правосудия. Может, наш убийца учел их опыт?

– Не проходит, мистер Лэм. Что же получается – он варьирует свои действия, но в обоих случаях оставляет на месте преступления один и тот же знак?

Мартин задумался.

– Если есть причина, по которой убийство должно было состояться на репетиции моей пьесы, то стрихнин оставался единственной возможностью. На глазах у зрителей на сцену не поднимешься, ледоруб в ход не пустишь. Либо убийца неожиданно получил доступ к яду, которого у него не было при первой попытке.

– Что ж, и то, и другое звучит правдоподобно, и все же... Мистер Лэм, можно попросить вас принести мне экземпляр пьесы? А ну как в ней обнаружится какая-нибудь подсказка, то, что мы просмотрели?

– Видит бог, подсказок там полно, но не в том смысле, какой вы имеете в виду. Впрочем, извольте, принесу.

– Хорошо. А вот, интересно, верно ли говорят, что убийства происходят в голове убийцы?

– Это еще как следует понимать?

– Наш Икс совершил одно случайное и одно преднамеренное, необходимое (с его точки зрения) убийство. Пока он находится в относительной безопасности, если только сержант Каттинг не скрывает чего-то такого, что могло бы безусловно открыть путь к раскрытию обоих преступлений (несколько противоречивая фраза, вы не находите?) И вот, если эта кажущаяся безопасность подтолкнет его к мысли избавиться от кого-то еще, кто мог бы представлять для него угрозу...

– Это крайне маловероятно.

– Иллюзия полной безопасности может привести нашего Икс к весьма необычному преступлению. – Доктор Эшвин злоежеско улыбнулся. – Хотя я совершенно не верю в виньяров или по крайней мере в их тайную деятельность в Беркли, мне, тем не менее, кажется, что мистер Уортинг не зря обратился в полицию с просьбой обеспечить ему охрану. Его убийство в глазах любого станет бесспорным доказательством существования секты, ибо кому еще может прийти в голову мысль убить такого невинного простака?

– Видит бог, мне как раз она-то довольно часто и приходила, – пробормотал Мартин.

– Мистер Лэм, я выдвигаю гипотезы ради того, чтобы поразвлечься, ну и чтобы скрыть тревогу. Полагаю, мы можем быть уверены, что Семеро с Голгофы расправились с последней своей жертвой.

В этом высказывании доктор Эшвин был прав примерно наполовину.

На протяжении четырех дней, следовавших за этой встречей в понедельник вечером, никаких событий не произошло. Мартину нанес еще один визит сержант Каттинг, понравился он ему на этот раз больше, чем прежде, ответил на множество вопросов, особенно касающихся возможной связи между Полом Ленноксом и доктором Шеделем – сержант явно начал несколько

последними словами перед повешением было признание в том, что он это и есть Джек Потрошитель, хотя в то время, как последний терроризировал Лондон, Крим сидел в канадской тюрьме.

⁶¹ Все названные персонажи за вычетом Лиззи Борден, обвиненной в убийстве отца и мачехи и оправданной судом присяжных, – серийные убийцы, чьи имена не сходили с полос английских и американских газет второй половины XIX – начала XX веков.

серьезнее воспринимать Семерых с Голгофы. Мартин был на двух занятиях по санскриту, более или менее успешно справившись под конец с чтением эпизода «Нала»; однако же его общение на этих занятиях с доктором Эшвином свелось всего-навсего к разговорам о таких предметах, как соотносительный вклад Райдера Хаггарда и Эндрю Лэнга в работу над совместно написанным ими романом «Мечта мира» или удивительные успехи не по возрасту развитой Элизабет. «В школе она объясняет соученикам, что такое санскрит, – писала ее мать. – Я сама слышала, как она говорит одной девочке: «произносится *нана нана нана*» – и это язык!».

– Я тоже иногда пишу письма, – заметил доктор Эшвин, складывая записку, отрывок из которой только что зачитал. – Вас может весьма заинтересовать ответ, который я ожидаю из библиотеки Чикагского университета.

После окончания занятий в среду Мартин подошел к доктору Лешину.

– Я слышал от мисс Гриссуолд, что миссис Лешина заболела. Надеюсь, ничего серьезного?

– Нет, нет, мистер Лэм, благодарю вас, просто неважно себя почувствовала. Разнервничалась после всей этой истории с мистером Ленноксом, но это так понятно. Сейчас она в доме отдыха в графстве Мэрин.

– Передайте ей, пожалуйста, мои соболезнования, – смущенно сказал Мартин и долго еще проклинал себя за то, что сморозил такую глупость.

В пятницу утром Лупе Санчес получила сообщение, что отцу ее – генералу – гораздо хуже, и она засобиралась на субботу в Лос-Анджелес.

В пятницу вечером Мартин и Мона пошли посмотреть фильм, номинированный на Оскар. Продолжался он сто десять минут и, несмотря на участие трех звезд, обоим показался невыносимо скучным (коротко говоря, премия у режиссера в кармане).

– Да нет, спасибо, не стоит, – покачала головой Мона в ответ на предложение Мартина освежиться где-нибудь в баре. – После такого фильма лучше всего освежиться на воздухе. Пошли погуляем.

Они неспешно зашагали вверх по Банкрофт-стрит, миновали Международный дом, вышли на Панорамик-вэй, и все это время Мартин превозносил мексиканские фильмы, столь высокомерно третируемые американскими критиками, которые явно предпочитают совершенную чушь вроде той, что они только что посмотрели. В момент, когда они проходили мимо дома Синтии, лекция, которую Мона слушала с похвальным терпением, была прервана появлением Алекса Брюса.

– Привет, – окликнул он их. – Идете гулять в такую безлунную ночь?

– Луна не всегда так уж необходима, – негромко проговорила Мона.

– Наверное, да. А иногда так и просто мешает. Мы только что поговорили с Синтией, – добавил он, обращаясь к Мартину.

– И?..

– Полагаю, историю можно считать законченной. Мы нынче вроде как назвали вещи своими именами. Выпили по паре стаканчиков, это сняло напряжение, и сказали друг другу все, что давно хотели сказать. Так что, Мартин, если у тебя шевелились какие-нибудь идеи насчет того, что, женившись на деньгах Вудов, я сыграю роль Мецената при молодых честолюбивых авторах, то об этом можно забыть.

– Очень жаль, Алекс. Но, наверное, вы с Синтией из тех, кто просто не подходит друг другу.

– Возможно, – пожал плечами Алекс. – Однако это еще не повод, чтобы занимать кого-то своими проблемами. «А те, кто вламывается в дверь, свиданье чье-то нарушая...»⁶², ну, в общем, дальше ты помнишь. Я тоже хочу прогуляться, мозги проветрить, но вам свою компанию навязывать не буду. К тому же я люблю ходить быстро, иногда даже возникает ощущение, будто убегаю от чего-то...

– «Но за спиной, я слышу, мчится...»⁶³, – продекламировал Мартин.

⁶² Слова одной из арий комической оперы «Микадо», написанной композитором А.Салливаном по либретто драматурга У.Гилберта.

⁶³ Э.Марвелл. Стыдливой возлюбленной (пер. Г.Кружкова).

– Вот-вот, что-то подобное. Ладно, пока. – И Алекс зашагал к подножию холма, да так быстро, что Мартину невольно вспомнились другие строки:

Так путник, чей пустынный путь
Ведет в опасный мрак,
Раз обернется и потом
Спешит, ускорив шаг,
Назад не глядя, чтоб не знать,
Далек иль близок враг⁶⁴.

И Мартин с Моной двинулись вдоль дороги, где не горели фонари, и, тесно прижавшись друг к другу (что логически вытекало из всей ситуации), назад не глядя, не заметили кого-то крадущегося по пятам Алекса Брюса.

В отсутствие луны холмы покоились в мирной тьме. Остановились Мона с Мартином ровно там, где в воскресенье разговаривали на испанском. Сейчас же они говорили – если говорили вообще – на странной смеси просторечного английского с просторечным испанским, что наилучшим образом соответствовало моменту. И Мартин, явно игнорируя им же приведенное первое правило детектива, был бесконечно счастлив.

Все произошло мгновенно и неожиданно, посреди долгого страстного поцелуя. Сначала на дорожке послышались шаги, затем возникла быстро шагающая фигура, далее послышался выстрел, фигура упала на землю, а на противоположной стороне дорожки мелькнула чья-то длинная тень. События развивались столь стремительно и непонятно, что Мартин не успел осознать происходящего и тем не менее, не давая Моне удержать себя, импульсивно метнулся туда, где он заметил тень.

Здравый смысл, в данный момент отключившийся, должен был бы заставить его почувствовать облегчение: тень не выстрелила и не растворилась в темноте. Напротив, бросилась к нему. Его обхватили мощные руки. Мартин не был искушен в поединках, да и физически не силен – в отличие от противника. Но все же, не лишенный ловкости и смутно помнящий приемы джиу-джитсу, он под конец долгой изнурительной борьбы сумел произвести на тень некоторое впечатление, по крайней мере заставить выругаться на беглом немецком с выраженным швейцарским акцентом.

– Курт! – выдохнул Мартин, и тень отступила.

– Мартин! Du! Um Gottes willen!..⁶⁵

Они пытались разглядеть друг друга, но было слишком темно. Подозрение... Настороженность... Страх... Курт с грустью потрогал большой палец руки – он сильно болел.

– Выстрелили откуда-то издалика, с твоей стороны тропинки, – вымолвил он наконец.

– Да, но кто?.. Почему?.. – Собравшись с мыслями, Мартин, повернулся к лежащему на тропинке телу. Над ним склонились две женские фигуры.

– Я слышала, как по тропинке кто-то бежит, – повернулась Мона к подошедшим Курту и Мартину. Во второй девушке последний, приглядевшись, опознал Лупе Санчес.

– В таком случае преследовать не имеет смысла, – сказал Мартин. – Кто бы то ни был, пока мы с Куртом упражнялись в силе и ловкости, он давно мог укрыться где-нибудь в лощинах.

– Помимо выстрела есть еще кое-что, – добавила Мона и протянула Мартину булыжник, завернутый в перевязанный резинкой лист бумаги.

Мартин не нуждался в подсказке насчет знака, который увидит, развернув бумагу, как не понадобилось ему зажигать спичку, чтобы в лежавшем на земле человеке узнать Алекса Брюса.

⁶⁴ С.Т.Колридж. Песнь о Старом Мореходе (пер. В. Левика).

⁶⁵ Ты! Ради всего святого!.. (нем.)

ИНТЕРЛЮДИЯ

– Слушай, но это же метод Вэнса! – воскликнул я. – Ты убиваешь их одного за другим и...

– Боюсь, – задумчиво проговорил Мартин, – боюсь, впервые на протяжении всего повествования я должен признать себя виновным в нагнетании мелодраматизма, за каковой, бывало, укорял Холмс доктора Ватсона. Видишь ли, Алекс Брюс не был мертв.

– Нет? – с некоторым, признаю, разочарованием переспросил я.

– Нет. – Мартин сделал глоток ликера «Грэнд Мэринер» и, дождавшись, пока официант уберет остатки десерта, продолжал: – Пуля всего лишь поцарапала ему висок, хотя сознание он потерял. Но тот факт, что в него стреляли, важен в любом случае, выжил он или погиб. То есть важен с точки зрения повествовательной интриги. А так мне было бы, конечно, очень жаль потерять такого друга, как Алекс.

– Ну и что было потом? – нетерпеливо спросил я.

– Потом? Ничего.

– Как это ничего?

– А вот так. Ничего. Если оставить в стороне две-три детали, которые Эшвин назвал бы вспомогательными, я изложил тебе все дело. Помнишь, пересказывая содержание того дурацкого романа об убийствах в поезде, я обратил твое внимание на слова, сказанные детективом своему напарнику-простаку: «Теперь в вашем распоряжении все факты. Посмотрим, извлечете ли вы из них те же выводы, что и я». У нас с тобой как раз тот самый случай.

– Что касается меня, Мартин, – пробубнил я, раскуривая сигарету, – должен признать, что я вообще не пришел ни к каким выводам.

– Не расстраивайся, Тони. Я тоже. А вот Эшвин, хотя знал не больше моего, решение нашел.

– Ты действительно мне все рассказал?

– До мельчайшей подробности. Факты, к счастью, таковы, что позволяют играть по-честному, в этом деле просто не было внезапных откровений. Все мы знали все, просто получилось так, что Эшвин оказался единственным в Беркли человеком, который сумел связать концы с концами.

Я допил ликер и погрузился в печальное раздумье. При всех усилиях, ничего у меня в голове не складывалось, я был заинтригован не меньше, чем, надеюсь, мой нынешний читатель. Даже если согласиться с доктором Эшвином в том, что Шедель был убит по недоразумению, кому могла понадобиться жизнь Пола Леннокса, а следом за ним – Алекса Брюса? Да если уж на то пошло, кому могла понадобиться жизнь этого последнего, если его соперник Леннокс уже был мертв?

Мартин оторвал меня от раздумий.

– Брось, – сказал он, – мы слишком много для одного вечера говорили про Семерых с Голгофы. Давай пройдемся пешком до Китайского театра – тут недалеко – и посмотрим с часок на это безостановочное представление. Я никогда его не пропускаю, оказываясь в Сан-Франциско. Быть может, в один прекрасный день пойму его смысл.

– Ну что ж, пошли. Но если тебе под силу разгадать китайскую пьесу, то, чтобы раскрыть преступление, тебе никакой доктор Эшвин точно не нужен.

– В таком случае, Тони, тебе предстоит провести ночь в одиноких раздумьях, а я подойду к завтраку и раскрою сногшибательные факты. Идет?

– Идет.

Гостем Мартин оказался пунктуальным. В назначенное время – восемь тридцать – он был на месте, где его ждал стакан выжатого грейпфрутового сока, вскипяченный кофе, поджаривающийся бекон и французский тост, готовый отправиться на сковородку. Он довольно принялся к запаху бекона и склонился на французский тост.

– Завтрак обещает быть вкусным, – констатировал он. – Повар из тебя, Тони, отменный, а как насчет дедукции?

– Мартин, помолчи еще три минуты, иначе рискуешь получить подгоревший тост.

Угроза возымела действие, но сразу, как только я накрыл стол, он вернулся к теме.

– Да не так, чтобы очень, – вынужден был признать я. – Подобно медсестре-детективу из романов Шила, я мечтал о полном раскрытии дела, но в отличие от нее не смог даже вспомнить символ-каламбур, намекающий на возможное решение загадки. К тому же я склонен думать, что вся эта история была так или иначе связана с китайскими одеяниями и длинными седыми бородами⁶⁶. А теперь, Мартин, будь хорошим мальчиком и расскажи мне ВСЁ.

– Ладно, – кивнул Мартин, обильно поливая тост кленовым сиропом. – Начнем с вспомогательных деталей – это определение начинает мне нравится все больше и больше, – а затем перейдем к решению, найденному Эшвином. Отличный тост, между прочим. Ты муку в него добавляешь? Никогда бы не подумал. Итак, повторяю, Алекс не был убит...

⁶⁶ Шил, Мэтью Филс (1865–1947) – английский беллетрист, завоевавший популярность сначала как автор новелл в духе логических детективов Эдгара По, а затем романом «Императрица земного шара», прототипом главного героя которого считается китайский революционер, основатель партии Гоминьдан Сун Ятсен, а действие происходит по преимуществу в здании китайского посольства в Лондоне.

10. Правда исполняет стриптиз

Мартин разгладил лист бумаги и с изумлением вглядывался в него до тех пор, пока его не оторвал от этого занятия голос Лупе.

– По-моему, с ним все порядке, – говорила она. – Никаких повреждений на теле я не вижу.

Мартин повернулся и опустился на колени рядом с Алексом. Пульс у него легко прощупывался, дыхание было ровным.

– А ну-ка, Курт, помоги, доставим его в больницу.

Мужчины подняли Алекса, взяли с обеих сторон под руки и, сопровождаемые девушками, поволокли вниз. Несколько минут прошли в молчании, затем послышались стоны и невнятное бормотание сопровождаемого.

– Похоже, приходит в себя, – сказал Мартин. – Постоим немного.

Они более или менее удобно уложили Алекса на землю под деревом; голова его покоилась у Моны на коленях. Мартин, смутно припоминая инструкции, изложенные в справочнике по оказанию первой помощи, растирал ему кисти, Мона поглаживала по лбу. Курт и Лупе стояли чуть поодаль; первый, мелко дрожа, то и дело бросал взгляды на переданную ему Мартином бумагу с изображением знака виньяров.

Наконец Алекс открыл глаза и с трудом принял сидячее положение.

– Какого черта... – невнятно проговорил он.

– Слава богу, – воскликнул Мартин. – А я боялся, ты спросишь: «Где я?»

– Мартин!

– Я.

Алекс потер разламывающуюся от боли голову тыльной стороной ладони.

– Ну, где я, понять не так трудно. Где-то на холмах, надо полагать?

– Точно.

– Но в таком случае что, черт возьми, со мной случилось? Голова гудит так, словно по ней долго колотили чем-то тяжелым. А ты что здесь делаешь? И кто это с тобой? А то что-то плохо вижу; впрочем, честно говоря, не особенно-то это меня интересует. – Голова Алекса вновь опустилась на колени Моны.

– Вот и хотел бы знать, что с тобой случилось. Мы с Моной были – ну, словом, там, где были, – когда ты шел вниз по дорожке. Неожиданно раздался выстрел – стреляли откуда-то снизу, – и ты упал. Неподалеку оказались Курт и Лупе, они слышали и видели то же самое. Мы с Куртом подумали друг на друга, что злодей – один из нас двоих, ну и весело вступили в рукопашную. А стрелок, кто бы он ни был, тем временем скрылся.

Алекс, не отрывая ладони от головы, с трудом приподнялся.

– Кажется, поцарапало. Висок болит так, что приличными словами этого не выразишь. Кто это был, успел заметить?

– Нет.

– Хотя бы мужчина или женщина?

– Понятия не имею.

– Мне кажется, – перебила их Лупе, – я заметила, как кто-то бросил камень. Кто-то невысокого роста, и мне показалось – но не поручусь, – что это была женщина.

– Камень? Слушай, Мартин, что происходит? Мало того, что в тебя палят ни за что ни про что, так еще и камни швыряют...

– Камень был обернут бумагой, – сообщил Мартин.

– Бумагой? – Алекс, морщась от боли, недоуменно покачал головой. – Это что, шутка такая? – Тут его, кажется, осенило, и на лице появилось выражение страха. – Мартин! Эта бумажка! Ты ведь не хочешь сказать... – Он осекся на полуслове.

– Боюсь, то самое. Курт!

Курт послушно подошел, протянул Алексу лист бумаги и чиркнул спичкой. При свете колеблющегося пламени Мартин увидел на лице Алекса выражение, которое можно описать

самым различным образом – от смертельного страха до полного безразличия. Затем его голова откинулась назад, и, кажется, он снова на какое-то время потерял сознание.

Мона участливо посмотрела на Мартина.

– Может, лучше его все-таки довести до больницы?

– Ну да. Пошли, Курт.

Но стоило им склониться над Алексом, как он сам, без посторонней помощи, хотя и с трудом, поднялся на ноги.

– Не надо! – запротестовал он. – Оставьте меня в покое. Спасибо, но в больнице мне делать нечего. Врачи увидят царапину от пули и должны будут – да благослови бог наши законы – обратиться в полицию. А об этом не может... не может... вы слышите меня?

– Но послушай, Алекс...

– Со мной все в порядке. Это просто царапина. Как-нибудь переживу. – Он слегка пошатнулся и ухватился за руку Мартина. – Если вы действительно хотите мне помочь, отведите меня домой. А то меня что-то ноги не держат. А если к тому же где-нибудь поблизости найдется что выпить...

Странная это была и молчаливая процессия, что через некоторое время приблизилась к южному крылу Международного дома. Девушки направились к своему входу, а Мартин с Куртом помогли Алексу войти в лифт и довели до его комнаты. Там он, все еще пребывая в несколько отрешенном состоянии, присел на край кровати; Мартин поспешил к себе за виски, а Курт намочил в ванной полотенце.

От виски Алексу сделалось отнюдь не хуже, а холодное полотенце и вовсе преобразило его. Через несколько минут он выглядел почти нормальным человеком.

– Сигареты не найдется, Мартин? – спросил он. – Самое скверное во всей этой идиотской истории – то, что я где-то там, по дороге, обронил пачку сигарет.

Мартин перебросил ему сигареты, сам сделал большой глоток прямо из бутылки, – кажется, он нуждался в этом не меньше, чем Алекс, – и передал ее Курту.

– Спасибо. Хороший аромат у этого табака. – Алекс откинулся на спинку кровати. – И голова не так болит.

– Слушай, Алекс, – гнул свое Мартин, – ведь это дело так или иначе до полиции дойдет.

– С чего бы это?

– Какого черта, приятель, неужели ты сам не понимаешь? Ведь эта бумаженция, она не только к тебе имеет отношение. Есть еще доктор Шедель и Пол Леннокс. И если удастся выйти на того типа, что стрелял в тебя...

– ...все равно ничего так и не раскроется.

– Алекс, Мартин прав, – вклинился в разговор Курт.

– Нет, Курт, Мартин не прав. – Алекс резко распрямился и вновь потянулся к бутылке. – Мартин настолько не прав, что сам этого не понимает. Так или иначе, я прошу вас обоих дать слово, что вы никому ни слова не скажете про всю эту историю. Могу я на вас рассчитывать?

Оба промолчали.

– Какого черта! Это мое дело! Я – пострадавшая сторона. И если я уверен, – а я уверен, – что сам со всем справлюсь, нечего вам вмешиваться.

– Послушай, Алекс, – заговорил Мартин, – я буду с тобой откровенен. Обещаю, полиции я ничего не скажу, да и никому другому тоже, но за одним исключением.

– И что же это за исключение?

– Доктор Эшвин.

– Настоящий доктор Ватсон. Поздравляю, Мартин, ты верный оруженосец. Ладно. Если твой великий знаток санскрита и детектив-любитель хочет все знать, пусть его. В конце концов, я обязан ему доброй услугой. Не знаю, правда, что он из нее извлечет. А как насчет тебя, Курт?

– Буду нем, как могила.

– Не самое оптимистическое сравнение, ну да сойдет. Что ж, господа, вы дали мне обещание никому ничего не говорить – за одним исключением, – я правильно вас понял?

– Все верно, – откликнулся Мартин. Курт молча кивнул.

Сцена была, словно площадка в виду зубчатых стен Эльсинора. «Здесь, как и там, клянись мне блаженством, / Что как бы странно я себя ни вел...»⁶⁷ Мартин в роли Горацио, Курт – Марцелл, а Алекс – сделавшийся вдруг необыкновенно разговорчивым Гамлет... Не хватает только Призрака. Впрочем, Мартин не поручился бы, что так уж не хватает.

– Ладно, с этим покончили. – Алекс вернул друзьям бутылку виски. – А теперь сменим декорации. Глупо идти спать сразу после этой веселенькой сценки. Давайте прикончим бутылку и анекдоты потравим.

Мартин неохотно сделал глоток. Курт заколебался. Мартин знал, о чем он думает. Он думает о том вечере, когда был убит его дядя, и о том, как они втроем бражничали в комнате Мартина, пока полицейские уносили то, что совсем еще недавно было человеком, воплощающим мечту о любви и мире.

И это был точно такой же вечер, как нынешний. Как и тогда, семеро нанесли удар, пусть в другом месте, за которым последовали мужские посиделки в Международном доме. Правда, компания уменьшилась на одного участника – не хватало Пола Леннокса, который, сменив трубку на сигареты, рассказал бы великую сагу про Энтони Клэра.

Призрак взывал-таки из своего подземелья.

На следующее утро Мартин поднялся рано и сразу заспешил в общежитие на Чаннинг-вэй, где жил доктор Эшвин. Там его, однако, ждало разочарование – тот уехал на весь конец недели, скорее всего в Сан-Рафаэль, к Элизабет и ее матери. Вернется не ранее второй половины дня воскресенья.

Часы тянулись невыносимо медленно. Мартину не терпелось поделиться свежими новостями с доктором Эшвином, а сделать он ничего не мог. Он даже фамилии Элизабет не знал, как не знал, где именно в графстве Мэрин искать Эшвина. А тут еще Мона на весь конец недели уехала вместе с Ремиджио в Сан-Франциско – в гости к атташе боливийского консульства или кому-то еще в том же роде. Лупе с раннего утра в субботу отправилась в Лос-Анджелес, Курт вследствие этого приуныл и упал духом – скучная компания, – а общаться с Алексом Мартину почему-то не хотелось.

Оставалось только одно – работать. И, видит бог, нужда в том была. Пока Мартин корпел над переводом и постановкой «Дон Жуана», а затем вел дискуссии с доктором Эшвином, кипы ученых записок лишь увеличивались в размерах. Так что всю эту последнюю неделю в ожидании развязки дела доктора Шеделя Мартин трудился, как галерный раб, переходя от Каспара Вильгельма фон Борка⁶⁸ к сен-симонизму и его воздействию на движение «Молодая Германия», а о Семерых с Голгофы почти не заикался, да и не слышал ничего.

Единственное исключение составил разговор с Павлом Борицыным, с которым Мартин столкнулся в субботу после ужина, в Большом Зале. Сразу после еды за письма Георга Бюхнера не возьмешься, и Мартин решил, что легкая болтовня с русским только поможет восстановить рабочую форму.

Они присели, и, обменявшись парой случайных замечаний по поводу Чернавных, Карвета Уэллса⁶⁹ и новейших статистических данных о голоде в Америке, обнародованных мистером Херстом, Мартин не удержался, чтобы слегка не подколоть собеседника.

– Помните вами же выдвинутую весьма тонкую версию убийства доктора Шеделя? – спросил он. – Как она, по-вашему, согласуется с последними событиями?

– Какими событиями, мистер Лэм?

– С отравлением Пола Леннокса. Зачем этим мерзавцам красным понадобилось избавляться от него?

⁶⁷ У.Шекспир. Гамлет. Акт 1, сцена 5 (пер. А.Кронеберга).

⁶⁸ Немецкий переводчик Шекспира.

⁶⁹ По-видимому, речь идет о русском зоологе В.В.Чернавине, бежавшем в 1932 году из лагеря в Кандалакше в Финляндию, а затем, уже в Англии, выпустившем в соавторстве с женой книгу «Записки 'вредителя'. Побег из ГУЛАГа» (1932).

Уэллс, Карвет – путешественник и журналист, прочитавший в мэрии Нью-Йорка публичную лекцию «Красная Россия».

– Мистер Лэм! – Борицын одарил его снисходительной улыбкой аристократа. – Но это же такой простоты дело, что нельзя не удивиться, как вы этого не понимаете.

Мартину понадобилось некоторое время, чтобы пробиться к смыслу сквозь сложный синтаксис собеседника.

– Да неужели? – воскликнул он.

– Ну, конечно. Ведь всем известно, что мистер Леннокс был коммунистом.

– Пол – коммунист? – Мартин аж поперхнулся.

– Разве я не видел его выходящим из театра, где давали «Крестьян»? Разве я не слышал, как он во время бритья насвистывает мелодии Ганса Эйслера? А прежде всего, разве не слышал я, как он перевозит так называемую «музыку» Шостаковича? А теперь, мистер Лэм, ответьте мне: кто, кроме коммуниста, способен на такое?

Мартин прокашлялся и промолчал.

– Вижу, вы сомневаетесь, так что в аргументы углубляться не буду. Скажу просто следующее. Мне удалось выяснить – заметьте, мистер Лэм, это не чьи-то клеветнические измышления! – что мистер Леннокс был подписчиком журнала «Нейшн»⁷⁰. – Борицын откинулся на спинку дивана, выпустил длинную струю дыма (предполагалось, что она совется в кольцо) и расцвел в самодовольной улыбке. – Дальнейшее, разумеется, само собой. Он что-то узнал об убийстве, и хоть сам-то мистер Леннокс, возможно, никому и не мешал, возникла угроза утечки информации. Вот и избавились от него, устроили чистку, – закончил аристократ, добавив к своей схеме легкий нацистский штришок.

– Мистер Борицын, – сурово объявил Мартин, вставая, – не далее как сегодня, я купил экземпляр «Дейли уоркер»⁷¹.

С этими словами он удалился и, возможно, не лишним будет заметить, что с тех пор Борицын больше с ним не общался.

Воскресенье Мартин, то и дело нервно поглядывавший в окно на здание общежития, увидел, что доктор Эшвин, вернулся. Было около половины девятого вечера. Выждав для приличия время, он быстро поднялся по лестнице и постучал в дверь.

Эшвин встретил его широкой улыбкой, совершенно не соответствовавшей тревожному нетерпению Мартина.

– Ну и что вас так веселит? – не удержался он от вопроса.

Эшвин устроился поудобнее и от души рассмеялся.

– Вчера мне открылась большая истина, – объявил он. – Я узнал, какими бесценными свойствами обладает надувная утка. – И, не дожидаясь вопросов гостя, продолжил: – По-моему, я уже говорил вам, что мать Элизабет это все еще молодая, привлекательная женщина, которая вполне может найти себе нового мужа. Более того, за ней сейчас и впрямь ухаживает один юный здоровяк. Но его вчера за ужином не было – только Элизабет, ее мать и я. И вот в разгар застольного разговора вдруг наступила пауза, которую нарушила Элизабет.

– Доктор Эшвин, – сказала она, – мама находит вас ужасно привлекательным мужчиной. Почему бы вам на ней жениться?

Воспоминание об этой неловкой ситуации вызвало у доктора Эшвина новый приступ веселья, которого Мартин не мог не разделить: ему представилось, как маленькая Элизабет переводит взгляд с матери на своего опекуна и дивится, отчего столь естественный вопрос поверг обоих в такое смущение.

– Ну а вы что? – справился наконец со смехом Мартин.

– В кармане у меня, – ответил доктор Эшвин, – покоилась резиновая утка – подарок для Элизабет, который я купил в тот самый день. Я нашел ее в аптеке, по соседству с тем прилавком, где продавали виски. Ну и пока мать Элизабет прикрывала платком покрасневшее лицо, я надувал утку. А Элизабет настолько увлеклась этим зрелищем, что обо всем забыла. Отныне я никогда не окажусь в любом опасном, в смысле возрастной разницы, обществе без надувной резиновой утки.

⁷⁰ «Нейшн» – американское издание левого (в 1930-е годы) направления.

⁷¹ «Дейли уоркер» – газета английских коммунистов.

Отсмеявшись, Эшвин потянулся к бутылке виски и, наполняя бокал, спросил:

– А в Беркли что нового в мое отсутствие случилось? Дежурная сказала мне, что вчера вы заходили в необычно раннее для себя время, и вроде вам не терпелось повидаться.

Мартин пересказал события, происшедшие в пятницу вечером и ночью.

– Все это, – заключил он, – приводит меня в еще большее смятение. Даже если признать, что виньяры не миф, а реальность, все равно непонятно, зачем им убивать Алекса. И давайте сразу же отбросим дикую идею, будто он сам все это подстроил, чтобы отвести от себя подозрения. В этом случае ему не нужно было брать у меня и у Курта клятву хранить все в тайне. К тому же пуля была выпущена, чтобы убить человека. Нет таких снайперов, которые нарочно стреляли, чтобы просто кого-то поцарапать. То, что Алекс жив, – это чистая случайность.

– Верно. Однако продолжайте, мистер Лэм, мне хотелось бы услышать, какие еще идеи возникли у вас в связи с этим покушением.

– Ну что... Для начала надо полностью исключить участие четы Лешиных, не говоря уж о том, что миссис Лешина была в это время в графстве Мэрин. Алекс был едва знаком с ними обоими. Разве что заметил нечто в тот вечер на сцене... но нет, Алекс в роли тайного шантажиста – это совершенно невероятно.

– Что-нибудь еще?

– В тот вечер он сильно повздорил с Синтией. Она могла... Но, с другой стороны, Синтия – единственная, у кого есть железное алиби по убийству доктора Шедела.

– Верно.

– Это исключает... В общем, если говорить обо всех трех убийствах, а покушение на жизнь Алекса я считаю убийством, ибо как таковое оно и задумывалось, – исключаются все. Первое оставляет в стороне Синтию; второе – Пола, это сто процентов; наконец, третье, последнее, – Алекса, Лешиных и виньяров – даже при том, что тут уже сказал свое веское слово ваш любимый дневник. Короче говоря, доктор Эшвин, нам нужен совершенно новый круг подозреваемых.

– Да?

– Ну что вы заладили: «да», «верно»? Скажите же, что вы обо всем этом думаете!

– Я, мистер Лэм, уже не думаю. Я знаю.

– Что? – Мартин порывисто потянулся за бутылкой.

– Да, мистер Лэм. Знаю. Покушение на мистера Брюса добавило последний штрих к картине, последний мазок, после чего вся серия убийств стала совершенно ясной.

– В таком случае вы знаете, и кто убийца?

– Логически рассуждая, я мог бы ответить вам вопросом на вопрос, но – воздержусь.

– И что же вы намерены предпринять?

– Перед тем, как что-то делать, мне нужны еще один-два факта. А для точности – три. Один я ожидаю завтра, из библиотеки Чикагского университета. Думаю, не позднее, потому что я послал туда письмо авиапочтой, с пометкой «срочно», и вложил конверт для ответа, оплатив срочную доставку. Второй предоставите мне вы, если любезно согласитесь выполнить для меня в Сан-Франциско одно поручение, завтра или во вторник.

– С удовольствием. Лучше во вторник.

– Прекрасно. А третий факт мне станет известен от самого мистера Брюса в ходе небольшой встречи, которую я собираюсь устроить здесь в среду вечером.

– Встречи?

– Да. Прежде чем извлечь из своих идей практические выводы, мне хотелось бы поделиться ими с заинтересованными лицами. Не то чтобы я хоть в чем-то сомневался; откровенно говоря, мне просто хотелось бы встретиться с аудиторией, способной оценить мои усилия.

– И кто же там будет?

– Естественно, вы, на этот счет можете не сомневаться. Далее – мистер Росс, как человек, представляющий интересы первой жертвы. Полагаю, на его скромность можно рассчитывать?

– Разумеется.

– Вас можно считать доверенным лицом мистера Леннокса, а третья жертва, мистер Брюс, будет представлять самого себя. Я намерен также пригласить доктора Грисволда. В нем

замечательно сочетаются ученость и ум, и мне трудно представить себе критика лучшего, нежели он. Вы, конечно, помните, «Панчатантру»:

*Ученость смыслу уступает,
Их разум, помни, примиряет.*

– Может быть, все-таки поделитесь своим знанием?

– Грисуолд, – улыбнулся доктор Эшвин, – совершенно справедливо заметил, что вы меня испортили, мистер Лэм. У меня развился необыкновенный вкус к театру и театральным эффектам, и потому до вечера в среду уста мои – на замке.

Мартин выругался про себя и утешился еще одним глотком виски.

– Вы, конечно, возьмете на себя труд пригласить мистера Росса и мистера Брюса. С Грисуолдом я сам переговорю. Теперь что касается вторника...

Мартин записал под диктовку Эшвина все, что ему предстоит сделать, и сунул лист бумаги в карман.

– Боюсь, мне пора, – сказал он, поднимаясь. – Мне еще с Гуцковым предстоит сегодня покончить.

– Право, мистер Лэм, ваши робость и разочарованность так забавны. Эти ваши «извините меня», да и само имя⁷² – оно провоцирует на всякие дурацкие каламбуры. Право, с нашей, детективов, стороны просто жестоко обращаться со своими Ватсонами таким вот образом.

– Да ладно, подожду, – буркнул Мартин с нарочито равнодушным видом.

– И все же позвольте мне хоть чуть-чуть приоткрыть завесу тайны и обратить ваше внимание на следующие моменты. Эшвин принялся загибать пальцы:

1. Религиозная вера отца.
 2. Избыточное алиби (на самом деле это даже не один, а два момента);
 3. Удачная заминка на крыльце.
 4. Скомпрометированная версия.
 5. Смена орудия.
 6. Монолог в Севилье.
 7. Око за око, зуб за зуб.
- и главное, —
8. Семеро с Голгофы.

– Как видите, – заключил доктор Эшвин, – я не зря читал Стюарта Палмера и Эрла Стэнли Гарднера, не говоря уж о Джоне Диксоне Карре⁷³, которого я никогда не устану хвалить.

– Спасибо за подсказку, – раздраженно бросил Мартин и вышел из комнаты⁷⁴.

Путешествие на пароме в Сан-Франциско оказалось, как всегда, приятным отдохновением от трудов праведных. Чтобы скоротать время, Мартин купил свежий номер «Вэрайети», но журнал так и пролежал нетронутым все время, что Мартин, устроившись спереди на верхней палубе, любовался видами моря и постепенно вырастающим из дымки городским пейзажем Сан-

⁷² Lamb – ягненок (англ.).

⁷³ Известные американские авторы детективных романов.

⁷⁴ Полагаю, этот краткий перечень – наилучший повод бросить, в стиле неподражаемого Эллери Куинна, вызов читателю. Вообще-то все наиболее существенные факты уже были изложены, когда, во время ужина, Мартин бросил вызов мне, предложив угадать вывод, к которому пришел Эшвин; и все же, лишь когда набив рот французскими тостами, я ознакомился с этими восемью тезисами, мне вдруг открылась тайная связь между гибелью доктора Хьюго Шедела и Пола Леннокса. Вот почему именно здесь я бросаю вызов своим читателям (да-да, во множественном числе, что свидетельствует о моем к ним доверии) и призываю их сравнить свои выводы с бесспорностью логических построений доктора Джона Эшвина. – *Примеч. авт.*

Франциско. Утро было одновременно и прохладным, и теплым: яркое солнце и резкий бриз, продувающий весь залив.

Осаждаемый неизбежной толпой таксистов и мальчишек – разносчиков газет, Мартин вышел из терминала, неторопливо двинулся вверх по Мишн-стрит и, дойдя до магазина, надпись на котором гласила: «А. Голдфарб, театральный реквизит», остановился.

Стоявший за длинным застекленным прилавком, на котором было выставлено все, от париков до кинжалов с утопающим лезвием, молодой продавец еврейской наружности одарил его сияющей улыбкой.

– Да, сэр? Чем могу быть полезен?

– У вас есть звуковая аппаратура – фонографы, позволяющие производить за сценой шумовые эффекты?

– Да, сэр. Что вас интересует?

– Запись стука клавиш на пишущих машинках. Есть?

– Да, сэр. Есть отличная запись. Прошу вас, сэр, сюда...

Он провел Мартина в комнатку, где стоял электрический фонограф, исчез на минуту и появился с искомой записью.

– Извольте, сэр. Записано в естественной обстановке, в учреждении. Работают сразу тридцать машинисток.

У Мартина вытянулось лицо.

– А так, чтобы только одна машинка стучала, – нет?

– Увы, сэр. Спроса нет. Если нужна только одна машинка, то проще и дешевле не записывать, а печатать вживую. Насколько я понимаю, вам нужен реквизит для любительского спектакля?

– Да.

– В таком случае, вот вам мой совет, сэр: пусть кто-нибудь из ваших рабочих сцены просто сядет за машинку. Если бы профессиональный спрос был побольше, можно выставить и настоящий инструмент, но для этого понадобится еще один работник – член профсоюза; а вам, любителям, об этом можно не беспокоиться.

И, провожая Мартина к выходу, продавец пустился в рассуждения о трудностях с выполнением профсоюзных правил на театре.

– Попробуйте зайти к «Золотому»! – посоветовал он, вспомнив. – Это в двух кварталах отсюда. Там все есть.

Не питая особых иллюзий, Мартин обратился с той же просьбой к седовласому, преклонных лет мужчине – продавцу в «Золотом». Реакция последнего его удивила: старик широко улыбнулся; казалось, что-то его сильно обрадовало.

– Ну вот, – закудаhtал он, – говорил же я этому шлемазлу! Сколько раз говорил! Он не верит, а кто прав? Я. Так ему и надо. – Не переставая бормотать что-то под нос, старик проводил Мартина в комнатку – почти точную копию той, где он только что был у Голдфарба.

– Вы уверены, вам действительно нужна *одна* машинка?

– Уверен. Одна.

– Одну минуту, молодой человек, одну минуту. Сейчас у вас будет то, что вам нужно.

Старик действительно вернулся почти сразу и включил запись. Она оказалась очень хорошей, чистой, без посторонних шумов, что делало ее вполне натуральной. Клик-клик-клик-клик-клик-бамм! Мартин снова пил свой бурбон и читал «Убийства в поезде». И скорость машинописи была той же – чуть выше, чем обычно у Пола Леннокса.

Мартин вздрогнул.

Старик остановил запись.

– Ну как, вы удовлетворены, молодой человек?

– Даже слишком.

– Что?

– Неважно. Но хотелось бы задать вам пару вопросов.

– Да, да, конечно. – Старик сел и полностью сосредоточился на набивании трубки почтенного возраста и странной раскраски. – Так о чем вы хотели спросить меня, молодой человек?

– Видите ли, – начал Мартин, – я связан с Экспериментальным театром в Беркли. В последней постановке мы использовали точно такую запись, как эта. И вот кто-то пытается нас обдурить, подчищая бухгалтерские книги, меняя статьи расходов и все такое прочее. Ну, я и пытаюсь разобраться в этом деле. Хотелось бы узнать, не у вас ли взяли напрокат эту запись.

– И когда у вас был спектакль?

– Шестого апреля, в пятницу.

– Одну минуту, молодой человек. – Согбенная фигура исчезла в недрах магазина и вернулась с гроссбухом, озаглавленным *ЗАПИСИ ЗВУКОВ Н-Я*. Полистав тетрадь, старик объявил:

– Ну вот, нашел. *Пишущая машинка, одна. Взята пятого апреля. Сдана седьмого апреля.* Кажется, это то, что вам нужно. Пожалуйста, можете переписать, вдруг вашей бухгалтерии понадобится. Тут и номер ее.

Мартин нацарапал сведения, отметил имя арендатора – Фрэнк Хеллмут и мысленно поаплодировал, хоть и без всякой радости, Полу за то, что тот избежал элементарной ловушки, в которую обычно сами загоняют себя те, кто использует вымышленные имена.

– Это все? – осведомился старик.

– Нет, еще одно. У меня нет уверенности, что запись взял напрокат именно Фрэнк; у нас в театре происходили кое-какие странности, и мне хотелось бы понять, что к чему. – Мартин открыл портфель и разложил на столе фотографии – главным образом, моментальные, но хорошего качества. Некоторые из них не имели никакого отношения к делу, но на иных – Эшвин почему-то на том особенно настаивал – были и те, где фигурируют Алекс Брюс и Пол Леннокс.

Посасывая трубку, старик медленно осмотрел фотографии. Первые две (на одной из них был изображен Борицын) он отложил в сторону сразу. На третьей, с Алексом, задержался и придвинул к себе. Следующие три не вызвали у него ни малейшего интереса. Далее он цепко ухватил снимок Пола, а на два оставшиеся едва посмотрел.

– Вот этот, – твердо сказал он. – Это и есть ваш Фрэнк, молодой человек?

– Нет, – честно ответил Мартин. – Ерунда какая-то получается. Но меня вот что интересует. Откуда такая уверенность? Как вы можете столь ясно помнить тех, кто заходил к вам несколько недель назад?

– Ой-ой-ой. – Глубокая затычка. – И вы еще меня спрашиваете, молодой человек. Что ж, я вам отвечу. – Еще более глубокая затычка. – Эту запись нам предложили два года назад. Я подумал, надо брать, а вдруг пригодится. Но хозяин, он был против; говорил, если кому-то понадобится машинка, то пусть машинку где-нибудь и найдут. И что вы думаете? – я все равно отослал заказ на эту запись, а ему ничего не сказал. Когда он узнал, такой, знаете, шум поднял, вы бы слышали. И два года никто у нас ее напрокат не брал. И каждый раз, когда я ему что-нибудь советовал, он говорил: «Да? А помнишь про ту машинку? Тогда ты тоже лучше всех все знал». Теперь вы понимаете, почему я все так хорошо запомнил, ведь эта запись впервые кому-то понадобилась. Я рассказал молодому человеку, вот этому, что на снимке, все про своего хозяина, мы вместе посмеялись, можно даже сказать, дружками стали, вот я его и запомнил. – Старик замолчал и принялся разжигать трубку – за время столь длинной речи она успела потухнуть.

– А эту почему вы отложили? – Мартин указал на фотографию с Алексом. – Это ведь совсем другой человек.

– Да, но его я тоже видел, правда, в другой раз. В первый момент я не мог вспомнить, где, а теперь вспомнил. Он приходил сюда примерно через неделю после того, первого, и разговор у нас был примерно такой же, как сейчас с вами. Сначала он поинтересовался, есть ли у меня такие записи, потом – не спрашивал ли их кто в последнее время, и если спрашивал, то как выглядел. Правда, про театр не говорил.

– И что вы ему сказали?

– То же, что и вам, только картинок не было.

– Спасибо. – Мартин вернул фотографии в портфель. – Знаете, боюсь, эта запись мне все же не понадобится, но не говорите об этом хозяину. Вот – купите себе пару банок пива и забудьте про хозяина.

Старик расплылся в довольной улыбке и запыхтел трубкой.

– Спасибо вам, молодой человек, – если что надо, в любой момент...

Мартин медленно двинулся вниз по Эмбаркадеро, в сторону ресторана «Бернстайн», где рассчитывал пообедать. Поначалу сегодняшние открытия, казалось, только усложнили картину. Но когда Мартин набросился на превосходных лобстеров, запивая их пивом, ему вспомнился пункт седьмой таинственного списка Эшвина, и туман начал понемногу рассеиваться.

Развернувшись на своем вращающемся стуле спиной к столу, доктор Эшвин обвел взглядом всех собравшихся у него в среду вечером. Мартин сидел на своем обычном месте, Алекс Брюс на другом таком же жестком стуле. Доктор Грисуолд довольно удобно расположился в голове кушетки, Курт Росс неловко пристроился в изножье. Рядом с каждым, за вычетом непьющего профессора испанского, любезный хозяин поставил пепельницы и бокалы с виски.

— Господа, — начал Эшвин, — самым приятным своим тоном, — всем вам известно, зачем мы тут собрались. На территории нашего университета или рядом с ней были совершены три сенсационных убийства, и никто пока не предложил хоть сколько-нибудь правдоподобного объяснения. Ну а я, удовлетворяя собственное любопытство, разработал законченную версию этой серии преступлений и пригласил вас, господа, выслушать и подвергнуть критике мои соображения.

— Вас, доктор Грисуолд, я попросил бы быть моим личным оппонентом. Оставшиеся трое косвенно, а в одном случае прямо, представляют трех жертв, и в этом качестве имеют право знать, каким образом я выстраиваю факты. Ну, а когда эта конструкция предстанет перед всеми вами, мы совместно решим, что нам с ней делать.

Насколько я понимаю, — резюмировал свое вступление доктор Эшвин, — основные факты, связанные с этими убийствами, известны вам всем, особенно если иметь в виду, что большую часть сегодняшнего дня я посвятил тому, что изложил их доктору Грисуолду. Что касается других, не столь известных фактов, то я изложу их по ходу нашей встречи; в этом смысле я многим обязан мистеру Лэму и его находкам, порой целенаправленным, но чаще случайным. В нужный момент они сами за себя скажут.

В минувшее воскресенье я сказал мистеру Лэму, что моя версия этого дела нуждается в ответе на три вопроса. Ответ на первый я получил в понедельник экспресс-почтой от директора библиотеки Чикагского университета. В каком-то смысле он оказался для меня совершенно неудовлетворительным. Я совершил крупную ошибку, недооценив хитроумие убийцы; оставленный им след оказался далеко не таким простым, как я надеялся. Но об этом — в свое время.

— Никогда не следует недооценивать убийц, доктор Эшвин, — негромко проговорил Алекс.

— Заверяю вас, мистер Брюс, впредь я этой ошибки не повторю. Ответ на мой второй вопрос мистер Лэм нашел во вторник в Сан-Франциско; об этом мы тоже поговорим позднее, но уже сейчас могу заметить, что он сильно подкрепил мою версию. Остается последний вопрос, ответ на него позволит мне окончательно стать на твердую почву фактов и продолжить рассказ. Этот вопрос я адресую вам, мистер Брюс.

— Мне? — Алекс поднял бокал и глотнул виски.

— Полагаю, мистер Брюс, вы сами найдете, что лучше всего ответить на него откровенно, хотя на первый взгляд он может показаться выстрелом наобум. — Доктор Эшвин выдержал паузу. — Мистер Брюс, вы были тайно женаты на Синтии Вуд?

Алекс уронил бокал на пол, даже не заметив, что из него вылилось все содержимое. Какое-то время он молчал, потом с трудом выговорил:

— Откуда это вам стало известно?

Курт и Мартин, утратив дар речи, обменялись изумленными взглядами. Доктор Грисуолд степенно разгладил бороду; казалось, он просто ждал дальнейшего развития событий.

Доктор Эшвин откинулся на спинку стула и еще раз оглядел собравшихся.

— Третий вопрос получил удовлетворительный ответ, — сказал он. — А теперь, мистер Брюс, с вашего разрешения, я попытаюсь объяснить, почему вы отравили Пола Леннокса.

11. Голая правда

Повисло напряженное молчание. Даже доктор Грисуолд удивленно подался вперед. Курт стиснул кулаки, вскочил было с кушетки, но тут же, беззвучно выругавшись, снова откинулся на спинку. Мартин пристально посмотрел на Алекса.

Какой бы реакции ни ожидать от человека, которого ни с того ни с сего обвинили в убийстве, одно можно сказать наверняка: он ни в малой степени не потерял самообладания. Внезапный вопрос доктора Эшвина задел Алекса куда больше, чем то, что за ним последовало.

Молодой химик наклонился и поднял бокал.

– Было бы весьма интересно выслушать вас, доктор Эшвин, – мягко сказал он. – А когда вы закончите, а другие поделятся своими соображениями, ну, тогда уж я и скажу то, что сочту нужным. Пока же, если вы не против, я налью себе немного виски?

– Ни в коей мере не против. – Эшвин протянул ему бутылку. – Простое обвинение в убийстве, мистер Брюс, вовсе не должно нарушать законов гостеприимства.

Алекс наполнил бокал, одним глотком осушил его, снова налил и вернул бутылку хозяину.

– Итак, я весь внимание, – сказал он.

– Господа, – начал Эшвин, – разумеется, вы отдаете себе отчет в том, что все здесь сказанное нынче вечером должно остаться исключительно между нами, если, конечно, мы сами, все пятеро, не решим иначе. А теперь, чтобы объяснить, каким образом я пришел к выводу, столь сильно поразившему трех из вас, думаю, лучше всего будет пройти по событиям с самого начала и посмотреть на то, что бросается в глаза буквально на каждом шагу. Мистер Лэм знает, что именно это – очевидность, – давно стала моей *idée fixe*. Именно верность ей, этой идее, побудила меня, мистер Росс, задуматься над смертью вашего дядюшки, и она же заставила столь глубоко погрузиться в загадку всех последующих преступлений.

Начнем со смерти доктора Шедела. Перед нами человек, как уверяет меня мистер Лэм, – и не сомневаюсь, что вы, мистер Росс, с ним согласитесь, – перед нами человек, я бы сказал, совершенно прямодушный, благородный, заслуживающий всяческого уважения и даже любви, человек, живущий честной, открытой жизнью. И такого человека находят убитым самым зверским образом. Как следует из его письма мистеру Россу, из смерти доктора Шедела финансовую выгоду могли извлечь только несколько весьма достойных швейцарских учреждений. Впервые столкнувшись с этой проблемой, я, как, должно быть, помнит мистер Лэм, обратился к знаменитому перечню возможных мотивов убийства – любого убийства, это: выгода, ревность, месть, устранение, жажда убийства и приговор. Очевидно, что первые четыре мотива не могут иметь к доктору Шеделю ни малейшего отношения. Что касается жажды убийства, то, честно говоря, такую возможность я просто не стал рассматривать: никаких умственных усилий не хватит для обнаружения очевидного, когда имеешь дело с убийцей-психопатом; если нашего преступника влечет просто жажда убивать, то все мои рассуждения рассыпаются в прах.

Остается, таким образом, убийство по приговору – версия, которую подкрепляет символика, обнаруженная рядом с телом доктора Шедела, и последовавшие вскоре комментарии мистера Леннокса. Но виньяры вызывали у меня сомнение с самого начала. Поверить, что человека, почти всю жизнь прожившего в Швейцарии, убили по приговору некоей швейцарской секты, только когда он оказался в Беркли, – право, для этого надо обладать слишком развитым воображением; к тому же о виньярах ничего не знали ни мистер Росс, ни в швейцарском консульстве. И это лишь усилило мой скепсис. Последующие события, как известно, полностью исключили возможность участия в них виньяров – к большому моему облегчению.

Как вы помните, убийца не оставил никаких следов, позволивших бы установить его личность. На орудии убийства не осталось отпечатков пальцев, происхождение самого этого орудия установить не представляется возможным, а описание, которое дал убийце своего дяди мистер Росс, оказалось настолько смутным, что под него подходит практически всякий, за вычетом, быть может, такого корпулентного господина, как я. Полиция, как говорят в таких случаях, оказалась у

разбитого корыта: имеется труп мужчины, убивать которого ни у кого не было ни малейшего повода, при полном отсутствии следов возможного преступника.

Вот тогда мне и пришло в голову первое очевидное обстоятельство, связанное с этим делом, и в разговоре с мистером Лэмом и мистером Брюсом, которого в тот вечер, должно быть, само провидение самым мелодраматическим образом привело ко мне домой, я высказал предположение, что убили не того человека. В таком случае возникает вопрос: а кто *тот*? Нет смысла гадать о личности убийцы, пока мы не установим личность жертвы.

Каковы ее приметы? Это должен быть мужчина среднего роста, среднего телосложения. Он носит или по крайней мере часто надевает серый костюм и шляпу. И главное, он более или менее регулярно наведывается к Синтии Вуд. Лишь с тем, кто удовлетворяет этим условиям, можно было спутать доктора Шедела, который, будучи соответствующим образом сложен и соответствующим образом одет, оказался в тот вечер рядом с домом мисс Вуд. А удовлетворяют им только двое – Алекс Брюс и Пол Леннокс.

Доктор Эшвин замолчал, отхлебнул виски и закурил сигарету.

– Боюсь, – улыбнулся он, – мое выступление грозит превратиться в самый длинный монолог из всех, что мне приходилось когда-либо произносить, а вам выслушивать. Не надоело еще?

– Продолжайте, – откликнулся Курт. – Мне чрезвычайно важно знать, как погиб мой дядя. – И он бросил на Алекса взгляд, исполненный ненависти.

– Я тоже нахожу все это очень интересным, – поддержал его Алекс, – и с нетерпением жду продолжения.

Доктор Грисуолд улыбнулся и моргнул.

– Все это весьма напоминает, – сказал он, – тот метод, который я использовал, устанавливая авторство нескольких пьес, которые ранее приписывались Лопе де Вега. Я тоже с интересом жду продолжения рассказа, особенно если мне предложат выпить немного воды. Ваше знаменитое гостеприимство, коль скоро оно касается виски и табака, меня, извините, не греет.

По знаку хозяина Мартин вышел из комнаты и вернулся со стаканом воды, что под сводами эшвинского дома могло показаться едва ли не святотатством. Рассказ к этому времени уже возобновился.

– Тем временем, – говорил Эшвин, – самое пристальное мое внимание привлек тот чрезвычайно любопытный факт, что двое людей, не имеющих никакого отношения к доктору Шеделю, обладали стопроцентными алиби на время его убийства; более того, всячески старались, хотя в этом не было решительно никакой необходимости, его подчеркнуть. В тот вечер мисс Вуд упорно просила свою приятельницу мисс Робертс зайти к ней. Эта исключительная настойчивость показала мисс Робертс необычной и так и не нашла объяснения. Следует также отметить, что точно в момент убийства Пол Леннокс сел за машинку, стук которой слышал мистер Лэм. Объяснение этому внезапному порыву трудолюбия показалось мне надуманным, тем более что мистер Леннокс столь настойчиво обращал внимание мистера Лэма на время, когда он начал – и когда закончил печатать.

Эти два алиби следовало обдумать. То, что оно на самом деле было у мисс Вуд, сомнений не вызывает, однако неожиданно срочный звонок мисс Робертс заставляет предположить, что она знала нечто о надвигающихся событиях и хотела на всякий случай обеспечить себе алиби. А вот в алиби мистера Леннокса, как я уже сказал, было нечто искусственное, в чем я особенно убедился, узнав, что у него есть электрофонограф и звукозаписывающее устройство – приставка, которая любителю серьезной музыки, в общем-то, не нужна. Времени, что он находился вне зоны видимости мистера Лэма, вполне хватало на то, чтобы дойти до дома мисс Вуд, сделать свое дело и вернуться. И у него была возможность поставить пластинку с записью звуков машинописи и незаметно уйти, – притом, разумеется, что текст, который он вскоре продемонстрировал мистеру Лэму в качестве результата своей двадцатиминутной работы, был отпечатан заранее.

Есть еще две вещи, которые заставили меня заподозрить мистера Леннокса. Одна – деталь скорее незначительная, – это его непонятное удивление при виде мистера Брюса, когда тот пришел к мистеру Лэму в ночь убийства. Другая – его подробный рассказ о Семерых с Голгофы, который я, повторяю, склонен был с самого начала считать мистификацией.

И вот, если считать, что убийца – мистер Леннокс, к этой версии я и склонялся, если далее исходить из того, что единственно возможными жертвами могли бы быть либо он, либо мистер Брюс, – а именно в этом качестве они уже себя и зарекомендовали, – то из этого следует, что мистер Леннокс намеревался убить мистера Брюса. Остается вопрос: за что?

Доктор Эшвин замолчал. Пока Мартин не услышал ничего для себя нового, и более всего его интересовало выражение лиц присутствующих. Курт делался с каждой минутой все более напряженным: до тех пор пока Мартин не убедился, сколь остро молодой швейцарец воспринимает рассказ об убийстве, он даже не представлял себе, как дорог ему был покойный дядя. Доктор Грисволд при каждом новом повороте темы важно кивал, словно оценивая научное качество аргументов. Алекс слушал с непроницаемым видом, напоминая собой скорее просто заинтересованного аудитора, нежели ключевую фигуру повествования.

– Спиртное, – наставительно резюмировал доктор Эшвин, – это, по моему мнению, лучший друг человека. Мне никогда не приходило в голову сравнивать собаку с бутылкой доброго скотча. Иное дело, что собаки – существа как минимум верные, а спиртное, несмотря на многие свои достоинства, – известный предатель. И если бы не предательство со стороны (если память мне не изменяет) скверного «бурбона», то я так никогда бы и не ответил на этот вопрос: за что?

Да, близко знавшим их людям Пол Леннокс и Синтия Вуд казались лишь случайными, быть может даже слегка недолгоблизившими друг друга знакомыми. Но мистер Лэм, оказавшись участником того, что он называет «вечеринкой у Морриса», обнаружил и, к счастью, несмотря на собственное состояние, запомнил следующие факты. Во-первых, Синтия Вуд была влюблена в Леннокса и, скорее всего, состояла с ним в интимных отношениях; и во-вторых, Леннокс затевал нечто вроде интрижки с женой одного университетского профессора. Одно время этот последний факт казался мне существенным, открывающим обещающее направление в раскрытии дела; но когда выяснилось, что направление это на самом деле тупиковое, я подумал, что, дабы избежать ненужного скандала, имен лучше не называть.

Но и узнав об интимных отношениях мистера Леннокса и мисс Вуд, я не сильно продвинулся вперед. Если он наслаждался ее ласками без помех со стороны мистера Брюса, прежнего фаворита, если, более того, он начал между делом изменять мисс Вуд, то с чего ему, ради всего святого, желать смерти мистеру Брюсу? И тут я сделал одно поспешное умозаключение. Я вспомнил, что мисс Вуд является наследницей немалого состояния. Предположим, рассуждал я, истинным объектом вождлений мистера Леннокса является, вне всяких сомнений, не соблазнительное тело мисс Вуд, а еще более соблазнительные деньги ее отца? В таком случае ему следует на ней жениться. Так в чем же дело, что этому мешает? Например, она замужем. Тогда встает вопрос номер два: за кем? Скорее всего, за мистером Брюсом. Но тут возникает возражение. Допустим. Но отчего бы ему не уговорить мисс Вуд (или, если угодно, миссис Брюс), явно в него, судя по рассказу мистера Лэма, влюбленную, развестись, бросить нелюбимого мужа? Убивать-то зачем?

И тут я вспомнил про религиозные убеждения Роберта Р. Вуда. Мистер Вуд – не просто католик, он перешел в католицизм из другой веры, со всем тем неистовым фанатизмом, что свойствен новообращенным. Он жестко настаивал, чтобы дочь неукоснительно следовала всем установлениям Церкви. Сэндвич с ветчиной в пятницу был для нее истинным наслаждением, ибо съесть его означало бросить вызов диктату отца. Каждую неделю она должна была передавать ему содержание последней воскресной мессы. Из всего этого со всей очевидностью следует, что, если бы дочь совершила грех развода и нового замужества, ни ей, ни новому мужу не видать вудовских денег, как своих ушей.

Вы скажете, это всего лишь гипотеза. Но я практически доказал, что Пол Леннокс убил доктора Шеделя по ошибке, приняв его за Алекса Брюса. И если других возможных объяснений этого убийства не существует, то, опираясь на проверенные временем принципы Шерлока Холмса, я могу считать свою гипотезу почти установленным фактом.

События вечера и ночи шестого апреля стали понятны. Мисс Вуд (проще будет все же называть ее девичьим именем) пригласила к себе мистера Брюса и тут же вызвала Мэри Робертс на тот случай, если понадобится засвидетельствовать ее невиновность. Если бы мистер Брюс появился у нее, как условлено, мисс Вуд наверняка нашла бы какой-нибудь предлог отослать его

домой ровно в одиннадцать тридцать вечера; опять-таки присутствие мисс Робертс помогло бы избежать долгих проводов, что угрожало сбоем графика. Но мистер Брюс, как мне кажется, по чистой случайности заработался у себя в лаборатории и о приглашении забыл, что спасло ему жизнь и косвенно стало причиной гибели доктора Шеделя.

Тем временем Пол Леннокс пригласил мистера Лэма зайти к себе и в нужный момент завел разговор о каких-то материалах, которые он хотел бы с ним обсудить, но которые прежде надо перепечатать. Затем, специально обратив внимание на время, он распрощался с мистером Лэмом, запустил свой фонограф (алиби) и незаметно выскользнул из комнаты, прихватив с собой недавно купленный и совершенно неприметный с виду ледоруб. Он подошел к дому мисс Вуд и притаился у входа сразу после того, как ни в чем не повинный доктор Шедель заглянул туда спросить время и дорогу к Международному дому. Увидев, что из двери в точно обозначенное в графике время выходит мужчина среднего роста и телосложения, в сером костюме, Леннокс, естественно принял его за мистера Брюса. Ведь и вы, мистер Росс, по своим же словам, в первый момент совершили ту же ошибку, увидев дядю, входящим в дом мисс Вуд.

Курт молча кивнул.

– По следующим нескольким моментам, – продолжал доктор Эшвин, – мы пройдемся бегло. Приятными их не назовешь. Леннокс всадил ледоруб в затылок жертве, бросил рядом с рухнувшим на землю телом клочок бумаги с рисунком (который в тот момент не означал абсолютно ничего и просто наводил нас на ложный след) и вдруг почувствовал, как кто-то схватил его за руку. Это был мистер Росс. Ему, однако, удалось вырваться и неузнанным вернуться в Международный дом, где он завершил процедуру обеспечения алиби, еще не зная, какую страшную он допустил ошибку.

Мисс Вуд и мисс Робертс слышали короткий вскрик доктора Шеделя, но подойти к месту преступления сразу им помешало то, что мисс Вуд весьма вовремя споткнулась на крыльце – момент, который наряду с очевидной необходимостью точного расчета времени убедил меня в ее причастности к тому, что произошло. Все остальное вы прочитали в газетах.

– Вы не раз говорили мне, мистер Лэм, насколько сильное впечатление производит на вас мистер Леннокс как актер: при отсутствии специальной подготовки он наделен природным гением, без которого не бывает великих исполнителей. И верно, мало было в истории театра таких потрясающих представлений, какое в ночь убийства дал мистер Леннокс. Он только что окончательно обеспечил себе алиби, все казалось таким прочным и надежным... и вот в вашу комнату входит человек, которого он только что убил. В первый момент мистер Леннокс не сумел удержаться от изумления, что даже не позволило вам в полной мере насладиться своим превосходным «бурбоном», но в дальнейшем, судя по вашему рассказу, он был на высоте. Не думаю, что он много пил, я на его месте воздержался бы из опасения каким-нибудь образом выдать себя. Но в атмосферу пирушки он погрузился вполне и внешне казался пьяным не меньше, чем любой из вас, и пел одну из самых знаменитых непристойных песенок на языке оригинала, а ведь все это время его мучил вопрос: *кого же я убил?*

Когда личность жертвы была установлена, ему пришла в голову прекрасная идея. Изначально сделанный им графический рисунок никакого значения не имел – мистер Леннокс оставил его просто для того, чтобы намекнуть: преступление совершено более яркой, чем кажется со стороны, личностью. По правде говоря, мне кажется, мистер Леннокс был не менее склонен к театральным эффектам, чем Фонсека в той драме, где он сыграл главную роль. Но еще лучше у него получалась роль спокойного, несколько сардонического, покуривающего трубку молодого ученого. Это сценическое чутье наряду с прагматическим стремлением создать убедительный ложный след побудило его выдумать всю эту историю про виньяров.

И вот тут-то, господа, я и недооценил изобретательность мистера Леннокса. Вначале, когда он выпустил на сцену таких громких авторитетов, как Вернер Курбранд с его «Народной мифологией Швейцарии» и Людвиг Урмайера с его «Историей гностических верований», я был уверен, что все это просто игра его незаурядного воображения. Я написал в библиотеку Чикагского университета, где он якобы познакомился с этими трудами, и каково же было мое удивление, когда получил в ответ не вежливое объяснение того, почему мой запрос не может быть выполнен, но сами книги. Предусмотрительный мистер Леннокс еще раз продемонстрировал свое

мастерство. Я внимательно изучил оба тома, и, хоть в них нет ничего, что определенно подтверждало бы подлинность легенды о виньярах, кое-какие смутные намеки и неожиданные ссылки, которые в принципе могли бы близко перекликаться с записями из исчезнувшего дневника, в них имеются. Можно не сомневаться, что мистер Леннокс действительно читал эти работы во время научной стажировки в Чикагском университете, и воспоминание о содержащихся в них двусмысленных пассажах сыграло ему на руку при создании его грандиозного мифа.

Это был хороший маскарад, мистер Леннокс заслуживает аплодисментов. Он был достаточно хорошо знаком с историями схожих экзотических сект, чтобы выдумать еще одну, вполне фантастическую, чтобы выглядеть совершенно правдоподобной. Он поведал свою легенду при условии сохранения ее втайне, но про себя был уверен, что по крайней мере один из слушателей сочтет своим долгом довести ее до сведения полиции и газет. Ричард Уортинг подходил для этого наилучшим образом, и его последующие шаги придают всей этой истории несколько юмористический оттенок.

Таковы, господа, мои соображения, касающиеся первого убийства, и прежде чем продолжить, позвольте мне обратить ваше внимание на то, что все факты, на которых я основываюсь, были известны мистеру Брюсу, как, впрочем, и моя версия убийства по ошибке. – Доктор Эшвин замолчал.

– Но почему, почему ты сидел, сложа руки? – воскликнул Курт. – Ты знал, что мой дядя мертв, ты знал, кто его убил, и даже пальцем не пошевелил! Я отказываюсь понимать это.

– А что он мог сделать? – возразил ему доктор Грисуолд. – Логика рассуждений доктора Эшвина кажется мне безупречной, и лично я нахожу их вполне убедительными. Только вот, боюсь, в них слишком мало прямых улик, позволяющих передать дело в суд.

– Это я признаю, – тяжело вздохнул доктор Эшвин. – Единственное, что я могу неопровержимо доказать, так это что в целом история о виньярах, рассказанная Полом Ленноксом, не выдерживает проверки фактами и что в ночь на шестое апреля у него дома была звукозаписывающая аппаратура, необходимая для обеспечения алиби. Мистер Лэм, не будете ли вы любезны поделиться тем, что вам удалось узнать в Сан-Франциско?

Мартин кратко пересказал содержание своей встречи со стариком – любителем трубочного табака, включая факт опознания Алекса, явившегося ранее в тот же магазин.

– А ты неплохо поработал, Мартин, – только и вымолвил Алекс.

– В прошлое воскресенье, – резюмировал доктор Эшвин, – я передал мистеру Лэму несколько тезисов, рассмотрев которые, он мог бы прийти к тем же выводам, что и я. С разрешения собравшихся я, прежде чем продолжить, раскрою их содержание, дабы мистер Лэм не обвинил меня в таинственности и шарлатанстве. Пока мы разобрались с первыми тремя, то есть:

1. Религиозные верования отца.
2. Избыточное алиби (тут не один, а два пункта).
3. Удачная заминка на крыльце.

С этим, надеюсь, все ясно.

Таким образом, мы покончили с первым убийством, раскрыв его обстоятельства с максимальной полнотой, пусть даже с юридической точки зрения доказательная база и слабовата. Прежде чем выслушать ваши возражения, позволю себе обратиться к последующим эпизодам, связанным с Семерыми с Голгофы. Но для начала давайте сделаем небольшой перерыв – лучше всего просто помолчим...

– Полагаю, мы можем продолжить, – сказал доктор Грисуолд после примерно пятиминутного молчания.

– Очень хорошо. – Доктор Эшвин допил виски и повернулся к присутствующим, на лицах которых вновь появилось выражение напряженного внимания. – Мы остановились на пороге четверга, девятнадцатого апреля, когда должна была состояться генеральная репетиция спектакля «Возвращение Дон Жуана».

Тут, должен признать, я почувствовал, что попал в тупик. С одной стороны, я был уверен, что раскрыл убийство доктора Шедела и почти столь же уверен, что на очереди – покушение на жизнь

мистера Брюса; а с другой, мне не оставалось ничего, кроме как просить мистера Лэма не спускаться, по возможности, глаз с обоих своих друзей.

И вот происходит отравление Пола Леннокса. Все вы при этом присутствовали, и мне нет необходимости освежать вашу память. В данном случае я поначалу весьма прискорбным образом прошел мимо очевидного и, напротив, сосредоточился на том, что можно назвать псевдоочевидностью, – на мысли, будто теперь-то вот и произошло настоящее убийство, а то, первое, было для него чем-то вроде неудачной репетиции. Из этого следовало, что подлинной жертвой первого убийства должен был стать Пол Леннокс и убийцу доктора Шеделя следует искать среди тех, у кого был мотив избавиться от Леннокса. Именно это, уместно добавить, привело меня к бесплодным раздумьям о возможной причастности к делу ранее упомянутого профессора и его жены.

Признаюсь, я ненадолго задумался даже, а может, виньяры – это и впрямь не сказка, а быль, и что мистера Леннокса убили из-за того, что он проник в тайну секты. Но от этой версии пришлось отказаться после того, как выяснилось, что убийца Леннокса перевернул вверх дном его комнату, брошенную хозяином, охваченным предрепетиционной лихорадкой, незапертой, и вырвал из блокнота несколько страничек, имеющих отношение к виньярам, оставив на последней из сохранившихся достаточно материала, чтобы бросить свет на украденное. Как я довольно подробно растолковал мистеру Лэму, подлинный виньяр наверняка бы просто взял с собой весь блокнот. Но коль скоро из последующих событий явствует, что виньяры – это все же миф, не вижу смысла в том, чтобы останавливаться на этом моменте подробно. Могу лишь добавить, что мистер Леннокс наверняка записал когда-то всю эту историю про секту в старый блокнот (сохранившиеся странички, на которых говорится о Жане Штауфахере и истории Лозанны, по всей видимости, подлинные) на тот случай, если ему придется подкрепить хоть чем-то свой рассказ.

И все же признать мистера Леннокса предполагаемой жертвой мешает многое. Во-первых, никто не указывает на то, что он вызвался прийти к мисс Вуд вечером шестого апреля. Но самое существенное заключается в том, что я не вижу абсолютно никаких слабостей в выстроенной мною версии, согласно которой убийцей является именно он, версией, подкрепленной ныне сведениями, полученными из Чикаго, и свидетельством старика-курильщика, которого отыскал в Сан-Франциско мистер Лэм.

В какой-то момент я решил установить личность убийцы мистера Леннокса, не связывая два преступления воедино, и обратился к классическому триединству: Мотив, Средство, Возможность. Мотив, имея в виду сложную эмоциональную ситуацию, о чем я уже говорил, был у многих, и то же самое можно сказать о возможностях. Наличие последних указывает прежде всего, хотя и не исключительно, на исследователя-химика Алекса Брюса. Помимо того, показания доктора Грисуолда и мистера Лэма свидетельствуют о том, что именно мистер Брюс разбил бокал, стоявший во время действия на столике, и, стало быть, можно с большой степенью вероятности утверждать, что он же заранее приготовил другой бокал.

Следующие три пункта, на которые я указал мистеру Лэму, позволили мне выбраться из тупика и прийти к выводу, который должен быть ясен всем вам. Первый – отрывок разговора, подслушанного мистером Лэмом на «вечеринке у Морриса». Мистер Брюс, на которого произвела сильное впечатление моя версия убийства по ошибке, принялся излагать ее мистеру Ленноксу, который с непонятной нервозностью стал его разубеждать. Стало быть, мы говорим об опровергнутой версии.

Следующий момент: большое различие между орудиями одного и другого убийства, настолько большое, что оно заставляет задуматься либо о том, что совершены они были разными людьми, либо что в такой подмене возникла острая необходимость.

Это пункт пятый – различное орудие.

И он прямоком привел меня к следующему, ибо я задался таким вопросом: почему Пол Леннокс должен был умереть непременно во время театрального действия? Ответ я нашел, прочитав перевод, выполненный мистером Лэмом. Должно быть, вы все помните монолог, в ходе которого яд проник в организм мистера Леннокса. От чтения его вслух я воздержусь, боюсь, моя дикция не вполне соответствует возвышенной стилистике речи шестнадцатого века. Но суть заключается в следующем: Дон Жуан знает, что он должен пасть от руки мстителя – Дона Феликса.

И говорит: «Понимаю, что для вас это просто убийство. Я соблазнил девушку, я убил человека, и я же горделиво выставляю напоказ свои преступления. Но жалкому покаянию и мольбам сохранить мне жизнь я предпочитаю смерть совратителя и убийцы». И это, господа, были последние связные слова, произнесенные Полом Ленноксом.

Доктор Эшвин замолчал, а тишина, наступившая в комнате, становилась все громче. Мартин и сам не отдавал себе отчета в жуткой точности того монолога, как не задумывался о том, почему убийство произошло именно в ходе этой сцены. Теперь все стало пронзительно ясно, и он содрогнулся. Алекс сидел, не шевелясь.

– Таким образом, – вновь заговорил Эшвин, это пункт шестой: монолог в Севилье.

И он приближает нас вплотную к правде. А нападение на мистера Брюса лишь укрепило меня в моей правоте, и базируется она на пункте седьмом:

око за око, зуб за зуб.

Раньше я пребывал в большом заблуждении, что, несомненно, объясняется моей любовью к детективным романам и уверенностью, что серия преступлений, в которых фигурирует одна и та же символика, непременно указывает на одного убийцу. Теперь я понял, что каждое новое покушение являет собой лишь логическое следствие предыдущего.

Я уже говорил, каким образом пришел к выводу, что убийцей доктора Шедела должен быть Пол Леннокс. Полагаю, мистер Брюс, который был знаком с моей версией первого убийства как убийства по ошибке – и которого насторожило откровенное стремление мистера Леннокса разуверить его в моей правоте, постепенно пришел к тому же заключению, что и я. В его распоряжении были те же, что и у меня, факты, возможно, и какие-то иные, свидетельствующие в пользу той же версии детали, мне неизвестные. А когда он узнал, что Пол Леннокс взял напрокат пишущую машинку, чтобы обеспечить себе алиби, его подозрения превратились в уверенность. Подобно мне он счел, что задуманное убийство рано или поздно произойдет, и решил опередить противника, нанеся удар первым.

Знак Семерых с Голгофы мистер Брюс подложил под бокал с ядом, наверное, для того, чтобы указать на первоисточник – мистера Леннокса; а данный эпизод сценического действия он выбрал, чтобы дать ему возможность произнести наиболее подходящую предсмертную фразу – что-то вроде черного юмора. Затем, чтобы обелить, надеюсь, не только себя, но и других возможных – и совершенно невинных – подозреваемых, мистер Брюс оставил два ложных следа, ведущих к виньярам: один – дневник, другой – все тот же знак на двери Ричарда Уортинга. Но сколь бы хитроумно ни было задумано и осуществлено преступление, разгадал его не только я, но и еще кое-кто. Этим другим, вернее, другой была, разумеется, Синтия Вуд Брюс, знавшая, что есть один, и только один человек, у которого был мотив убить ее возлюбленного и оставить рядом знак Семерых, – его несостоявшаяся жертва. Вот она и решила, по принципу око за око и зуб за зуб, застрелить мистера Брюса и швырнуть ему в лицо этот проклятый знак, подведя, таким образом, окончательный итог:

око за око и зуб за зуб.

Доктор Эшвин вновь замолчал, наполнил бокал и объявил:

– На этом, господа, мое представление окончено.

Снова повисла минутная тишина. Первым заговорил Алекс:

– Ранее прозвучавшее возражение доктора Грисуолда сохраняет свою силу, и вам это прекрасно известно. У вас нет доказательств.

– Вы правы, мистер Брюс. Но мне и не нужны доказательства. Самозащита всегда казалась мне самым веским признанием.

– Но ведь вы понимаете, я ничего не признаю, – медленно улыбнулся Алекс.

– Понимаю.

– И поскольку, доктор Эшвин, вы настолько проницательны, чтобы не пройти мимо очевидного, позвольте напомнить вам, что дело еще не закрыто. Третья попытка закончилась неудачей, я все еще жив.

– Иными словами, вы хотите сказать, что ваша жизнь в опасности? Верно.

– И?..

– Ну что тут сказать? Повторяю, мистер Брюс, я понимаю, что вы ничего не признаете, но если моя версия верна, позвольте дать вам совет. Составьте полное описание того, что вам известно по этому делу. Добавьте к нему свидетельство старика из «Золотого» и, если пожелаете, сведения, полученные мною из Чикаго. Объясните с предельной ясностью, почему вы убили Пола Леннокса (опять-таки, если я прав в своих предположениях) и почему и с чьей помощью он хотел убить вас. Положите это заявление в конверт, запечатайте его и передайте кому-нибудь из тех, кому вы доверяете – могу предложить собственную кандидатуру, – с четким указанием передать его в случае вашей внезапной смерти в полицию и прессу. Дайте об этом знать тому, вернее, той, кто готовит покушение. Полагаю, она поймет, что, хотя ваши утверждения не имеют юридической силы, их будет вполне достаточно, чтобы навсегда погубить ее репутацию в глазах общественного мнения и, что еще важнее, родного отца. Как бы ни обожала она своего возлюбленного, как бы ни хотела отомстить за его гибель, я не могу отделаться от мысли, что себя и свое материальное благополучие она любит еще больше.

Алекс ненадолго задумался и кивнул.

– Благодарю вас. Совет, пожалуй, неплох – разумеется, если для него есть основания. Что-нибудь еще?

– Да! – воскликнул доктор Эшвин. – Ради всего святого, добейтесь развода!

Последующие полчаса прошли, по контрасту со всем предыдущим, с полной приятностью. Умело поддерживаемый доктором Грисуолдом, Эшвин перевел разговор на общелитературные темы, и вечер закончился в духе спокойного культурного общения.

Первым его прервал Алекс Брюс.

– Боюсь, мне пора, – сказал он, поднимаясь со стула. – Много чего вечером предстоит написать. Благодарю вас за гостеприимство, доктор Эшвин; думаю, мне удастся ненадолго заскочить завтра к вам в кабинет. Надо будет передать кое-что.

Следом за ним засобиравшись Курт.

– Если не против, дойдем до дома вместе, Алекс, – предложил он. – Никогда не прощу себе, если бы вдруг что-нибудь случилось. – Слова прозвучали вполне обыденно, но в голосе Курта Мартин уловил искреннюю благодарность человеку, который отомстил за его дядю.

Мартин задержался выпить еще бокал виски; после чего принес воды Грисуолду, который молча, помаргивая, наблюдал за церемонией прощания. Под конец, отпив глоток своей скромной жидкости, он заговорил:

– Отличное выступление, Эшвин. Однако же я бы оценил его скорее как критический этюд, нежели научное исследование. Вы опираетесь на убеждения, а не на доказательства.

– А, возможно, оно и к лучшему. – Эшвин откинулся на спинку стула. – Будь у меня бесспорные доказательства, могла бы восстать моя совесть – отчего я не иду с ними в полицию. А этого мне точно не хотелось бы делать. Я не из тех юродивых, которые мирятся с убийством, но мне кажется, у мистера Брюса прав не меньше, нежели у государства, – я бы даже сказал, больше – наказать убийцу доктора Шеделя.

Доктор Грисуолд кивнул и повернулся к Мартину:

– А вы, как верный Ватсон, вы вполне удовлетворены тем, как маэстро представил это дело?

– Вполне, – оживился Мартин, – есть только одна оговорка. Доктор Эшвин, шесть пунктов вы перечислили, а вот последний...

– Семеро с Голгофы.

– Мистер Лэм, вы прямо как надсмотрщик на хлопковых полях, где трудятся невольники. Придется вас за это серьезно наказать, когда мы в пятницу начнем читать «Хитопадешу»⁷⁵. Я уже говорил, что сначала это был ничего не означающий рисунок, просто ложный след. Усилиями мистера Леннокса он этот смысл приобрел, сделавшись символом несуществующей секты. А благодаря мистеру Брюсу и мисс Вуд возникла еще одна, совсем уж странная смысловая грань: рисунок стал символом личной мести.

⁷⁵ «Хитопадеша» – сборник сказок на санскрите, составленный в XII в.

Таким образом, Семеро с Голгофы всякий раз выступали в новом значении. В первом случае, назовем его Шедель-Семь, такового не было вообще. Во втором, Леннокс-Семь, – оно расшифровывается так: *здесь лежит убийца доктора Шеделя*. В третьем – Уортинг-Семь – *Буги, буги, буги! Идут виньяры!* В четвертом – Брюс-Семь – *Пол Леннокс еще может нанести удар, пусть из могилы*.

– И стало быть, суть...

– Суть Семерых с Голгофы, мистер Лэм, заключается в отсутствии сути. – С этими словами доктор Эшвин нацедил себе в бокал последние капли виски «Хайленд крим».

Эпилог

Мартин замолчал. Я налил себе еще одну, последнюю, чашку кофе.

– Ну что, Тони, – небрежно осведомился он, – удовлетворен?

– Удовлетворен – чем? Аргументацией Эшвина? Вполне и даже готов выругать себя за тупоумие. И все же мне не хватает некоторых сносков.

– Сносков?

– Вроде кто, что, как.

Мартин откинулся на спинку стула в манере, если верить его же описаниям, доктора Эшвина. Разлагающее влияние явно оказалось взаимным.

– Алекс, – начал он, – определенно последовал совету доктора Эшвина. Па крайней мере мне известно, что он передал ему запечатанный конверт, а Семеро с Голгофы больше не возникали. Он развелся в Рино, и мне кажется, Роберт Р. Вуд столь же мало знал о разводе дочери, сколь и о ее замужестве. Алекс получил вполне приличную работу в одной компании по производству химикатов и обручился с приятной, милой девушкой. Это я их познакомил. Что касается Синтии, это слишком длинная история, расскажу как-нибудь в другой раз. Сейчас достаточно ограничиться тем, что она вполне оправдала свои прежние обещания.

Лешин с женой в мае уехал в Европу и в Беркли так и не вернулся, хотя, как я слышал, ему было сделано весьма лестное предложение. Лектор он первоклассный. Не знаю, может быть, ассоциации смутили. Кстати, я по той же причине отказался от предложения Дрекслея сыграть «Дон Жуана» в следующем семестре. В конце концов, он был поставлен на сцене Федерального театра Лос-Анджелеса, и спектакль имел оглушительные последствия криминологического свойства. Бог его знает, возможно, это и впрямь какая-то фатальная пьеса. Впрочем, это уже другая, еще более длинная история.

– А Курт?

– Болезнь генерала Помпилио Санчеса оказалась неизлечимой, что избавило Лупе от необходимости брака с назначенным ей женихом. Они с Куртом поженились и сейчас живут в Лос-Анджелесе – в полном ладу, насколько я понял по своей последней с ними встрече. У них славный малыш с чертами Курта и цветом кожи матери. Про Борицына и Уортинга не спрашивай – не знаю, да особенно и не интересуюсь.

– Еще два вопроса, Мартин. Хозяин я привередливый и хочу, чтобы за французские тосты с беконом со мной расплатились сполна.

– Имеешь право. Спрашивай.

– У Эшвина были новые возможности продемонстрировать свой дар детектива?

– Тони, – улыбнулся Мартин, – у меня начинают возникать сомнения насчет причин твоего интереса... Но вот что я хочу тебе предложить – зайдём к нему как-нибудь в ближайшее время, и у тебя появится возможность узнать массу фантастических вещей. Тебя наверняка заинтересует шифр Маскелайна⁷⁶, не говоря уж об истории Полета Ангелов, – эта проблема явно достойна аналитических усилий доктора Фелла⁷⁷. А второй вопрос?

– Что сделалось с очаровательной Моной?

– О, – как-то слишком небрежно отмахнулся Мартин, – она все еще пребывает в Беркли. Да, кстати, Тони, можно от тебя позвонить?

Я кивнул, и Мартин вышел в соседнюю комнату. Закуривая и уже начиная прикидывать в уме беллетристическую форму для рассказанной им истории, я услышал его голос.

– Добрый день, это Международный дом? Будьте любезны позвать к телефону мисс Моралес.

Ну что ж, подумал я, любовный сюжет может и не испортить романа.

⁷⁶ Маскелайн, Джон Невилл (1839–1917) – английский иллюзионист и криптограф, потомок знаменитого астронома.

⁷⁷ Сквозной персонаж детективных романов Д.Д.Карра.

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Квентин	
ГОЛОВОЛОМКА ДЛЯ ДУРАКОВ. Перевод И. Моничева	5
Джонатан Статт	
АЛЫЙ КРУГ. Перевод И. Моничева	239
Эдмонд Баучер	
СЕМЕРО С ГОЛГОФЫ. Перевод Н. Анастасьева	469

КЛАССИЧЕСКИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Патрик Квентин — коллективный псевдоним, под которым классик американского детектива Ричард Уилсон Уэбб работал в соавторстве с различными писателями. Но настоящая известность пришла к Патрику Квентину, когда Уэбб стал работать с эмигрировавшим в США англичанином Хью Уилером. Под этим псевдонимом они издали серию о сыщике-любителе Питере Дулуте, а как Джонатан Стагге выступили с книгами о докторе Хью Уэстлейке.

Энтони Баучер — псевдоним американского издателя, переводчика и писателя-фантаста Уильяма Энтони Паркера Уайта, двукратного лауреата премии «Хьюго». Его детективы пользовались огромной популярностью, а в 1970 году его именем была названа премия, которая ежегодно вручается за лучшие произведения в этом жанре.

«Головоломка для дураков»

В частной лечебнице для душевнобольных совершено два изощренных убийства. Первой жертвой стал обычный санитар, а второй — магнат с Уолл-стрит Дэниел Лариби. Но есть ли связь между этими преступлениями, первое из которых не было выгодно совершенно никому, а второе — слишком многим? Полиция в растерянности. И тогда скучающий в клинике известный режиссер Питер Дулут начинает собственное расследование...

«Алый круг»

В курортном городке на атлантическом побережье жестоко убиты три женщины, и на теле каждой алой помадой нарисован круг. Неужели в тихом провинциальном местечке появился маньяк? Полиция убеждена именно в этом. Но доктор Хью Уэстлейк, ведущий частное расследование, уверен: преступник водит полицейских за нос и на самом деле его действия далеки от безумной жадности крови...

«Семеро с Голгофы»

В студенческом городке Калифорнийского университета совершено два загадочных убийства. Жертвами стали преподаватель истории и швейцарец, ездивший с лекционным турне по США. Что заставило преступника выбрать именно их? И что символизируют оставленные на телах таинственные послания? Полицейские теряются в догадках. И тогда за дело берутся профессор санскрита доктор Эшвин и молодой аспирант Мартин Лэм...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-079126-2

9 785170 791262